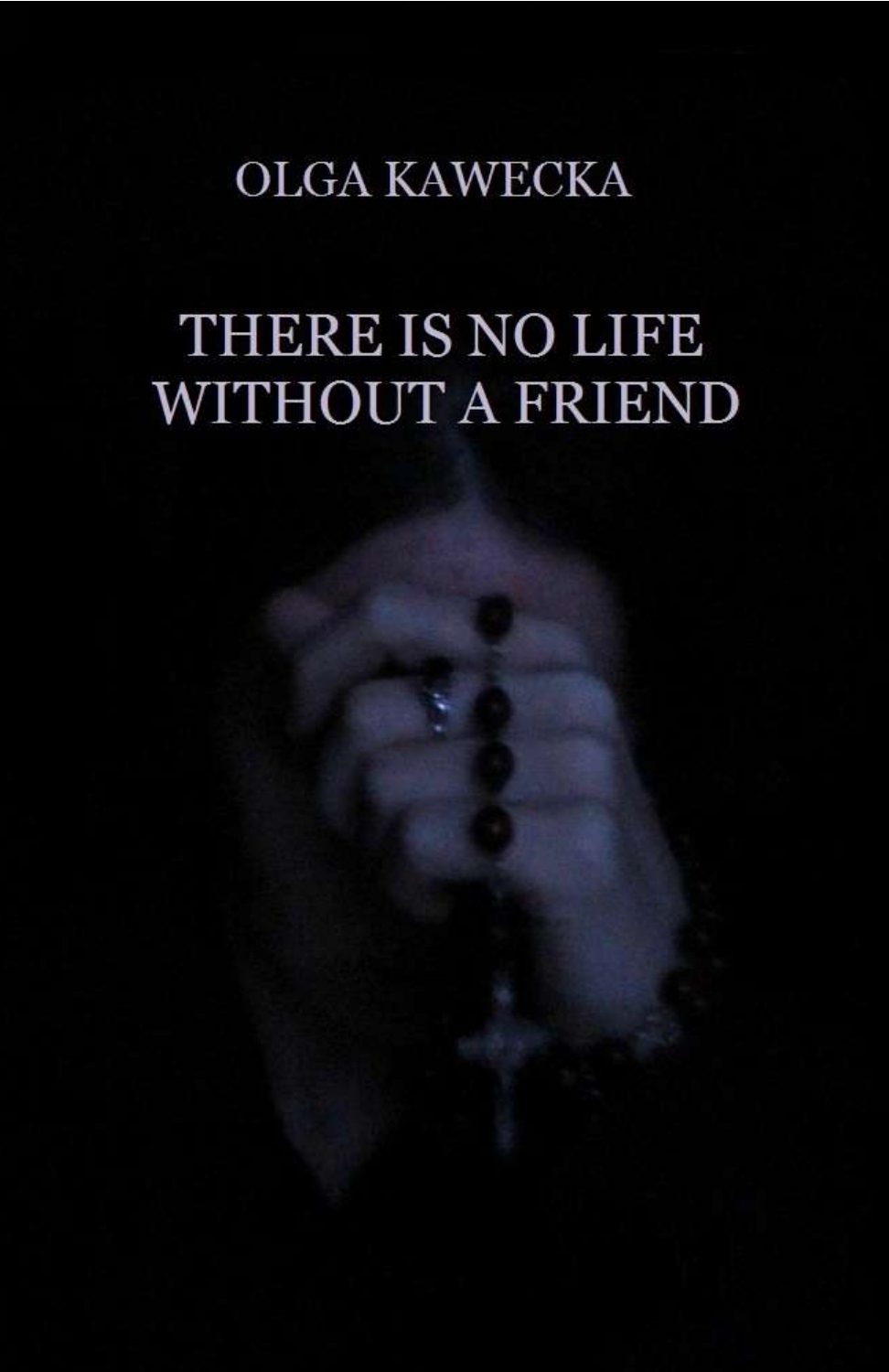
OLGA KAWECKA

THERE IS NO LIFE WITHOUT A FRIEND



Olga Kawecka

There is no Life without a Friend

2014

"There is no Life without a Friend" is a novel based on a true story. The protagonist, a young German composer living in the 18th century, has to choose between his friend (a poet) and his own personality.

Some names have been changed.

The novel is published in Russian and in the author's translation into English.

E-mail of the author: o.nickiforo@yandex.ru

ISBN 978-5-9905042-3-3

Text, translation, design, layout © 2014 by Olga Kawecka

To Johann Friedrich Hahn (1753-1779),
with understanding

Preface

There is a portrait of a young German poet from the 18th century. The penetrating sidelong gaze of the youth is full of distrust, despair, almost malice. But if one looks at him more attentively, one can notice that his eyes express only extreme pain.

He was one of the founders of an important literary circle, his poems were admired, he could be considered rather successful as a poet; wherefore no one understood him when he abruptly abandoned his occupations, ended communication with his acquaintances, and gave himself up to an agonising depression. His acquaintances deemed him to be a hypohondriac.

His poems were not collected until 1880, and they were never reprinted. Several of them glorified male friendship.

Friendship: for him, it was the source of life. Loneliness became his inexistence.

He gazes wearily out of the void, and I see my own pain in his gaze.

This novel is dedicated to you, my brother.

Author
May 15, 2014

I

All had an air of woe. Deserted streets strewn with brown leaves; grey stone houses with high gloomy windows; gore-coloured Gothic churches built of brick; scanty gardens, in bare branches of which the autumnal wind whistled; even the broken line of the hills that environed the city – all looked so hopeless, as though a funeral procession had passed there and echoes of the dirge were still sounding under the low twilit sky.

Aloys stopped before a two-storey building with a three-cornered gable. He was a comely young man of twenty, not tall, slender, somewhat dark, with fine regular features, a thoughtful gaze of big brown eyes, and a proud deportment. He held a travelling-bag in one hand and put the other in the pocket of his clean plain coat to warm it up. Lingering a little, he gingerly ascended the worn stairs and knocked at the door. Nobody opened it. He knocked again, more urgently. Heavy footsteps were heard within, whereupon the door was thrown open, and on the threshold there appeared an elderly man with an ordinary face, in greasy old clothes.

"What do you want?" the man asked unfriendly.

"As far as I know, you rent out a room," replied Aloys politely. "I should like to see it."

"Well, come in," the man stepped aside, and Aloys entered the dark moist warmth. Silence reigned, the smell of soup was wafted from the kitchen, and in the corner of the corridor the green eyes of a cat glittered.

"Follow me," the innkeeper said and then went to

the stairs, which were vaguely visible. Aloys followed him. They walked up the endless creaky steps and found themselves before the low door of the garret.

"Look," the man opened the door to a grey gloom. Aloys entered the room timidly and stopped. Near the left wall a wooden bed with a bare mattress stood; near the right wall there were a rough table, an old chair, and a little stove with a sooty kettle. In front a large window loomed. Under the ceiling, formed by the gable roof, darkness gathered.

"How much does it cost?" asked Aloys.

"Four thalers," the innkeeper answered, giving him to understand that he would not agree to a lesser sum.

"Four thalers?... For such..."

"Yes, four thalers," the man folded his arms. "You may refuse. But I am sure that you will not find anything cheaper."

Night was drawing near, and it was late to seek.

"Well," murmured Aloys hesitantly; "I shall stay this night."

"Make yourself comfortable," the innkeeper said a little more kindly. "Have you any things?"

"Only this," Aloys lifted his light bag.

"Is that all?" The man was surprised. "However, you will buy everything necessary. Is this travel your first?"

"No, the travel is not first..." uttered Aloys significantly, glancing round the room. "I hope you will give me some tableware and a pillow."

"We do not provide them," the innkeeper replied and stepped towards the door. "Make yourself comfortable. The payment – tomorrow morning."

"Wait a minute!" Aloys intended to ask for tidying the room, but the innkeeper had shut the door. His

sullenness did not dispose to communication, and Aloys, for want of anything better, decided to endure that night. Standing in the middle of the room, he looked perplexedly round again. On the walls tracks of mould were visible; it was difficult to see something through the window-pane; old straw stuck out from the mattress.

"What a god-forsaken hole!" Aloys swore in a low voice and opened his bag in search of a candle. For the last five years, he had lived in three cities, changing them because of his studies, but never had he met such a spirit of desolation and despondency as here. Expecting conditions to be usual, he had not taken anything save few candles, a candlestick, a tinderbox, a couple of his favourite books, two towels, and a change of linen. He had succeeded in saving his hands, and when his parents sent him his violin, he would be able to play again. To play – here?...

"What a god-forsaken hole!" he repeated, trying to light a candle. The candle caught fire, and a warm small flame, like a merry spirit, lent cosiness to the gloomy room. Aloys put the candle on the table and came up to the window. A strange silence reigned in the city, as though it were numbed by some heaviness. "What a dead place!" the youth thought, attempting to see the street through the pane. Across the way an old cathedral rose, with a high brick belfry, the cross of which showed lonely black in the obscure sky; under the window the branches of an old tree were swaying. There was no one anywhere. Aloys moved away from the window. Presently his family was gathering together at the table. Candles were glimmering in bronze candelabra, his mother was arranging plates of a porcelain service, his father settled at the head

of the table, and his sisters were chattering sprightly about something – perhaps, they were relating events of the day. Aloys sighed and touched the mattress cautiously. “Maybe, it is better not to go to bed?” he thought. But his tiredness was stronger than his aversion, and he, putting a folded towel instead of a pillow, lay down without taking off his clothes.

II

Aloys was to complete his studies there. He had begun them in a neighbouring city, where teaching had been imbued with such incredible pedantry that Aloys, hardly enduring two years, had burst into a destructive pamphlet and had left his studies with relief. He would never have renewed them, for he did not feel any desire to become a professor of history, but such was his father’s will. Still depending on his pecuniary aid, Aloys considered ungrateful and unreasonable to contradict him, therefore he had departed reluctantly for an unknown city. He had hoped that his studies would not prevent him from dedicating himself to what was his only and all-subordinating passion – music. His remarkable aptitude for it had been noticed at the proper time, and his parents had sought to do all for its development. They had found good teachers and had offered him all necessary facilities at home; nevertheless, they had regarded music only as amusement, a leisure pursuit, which could not become Aloys’ lifetime occupation. “You cannot feed yourself by selling scores,” his father had said; “and you will be compelled to serve a lord, who will order about both

you and your talent. Do you want this? If not, get a profession: so you will be able to live independently," and the old man had filled his pipe with a businesslike air, expressing by his whole appearance that he had been sure of his rightness and would brook no objection. Aloys had not objected whatsoever, and had kept silence, laughing to himself, for he had known very well what he must do and he had believed that he would succeed in his occupation.

Now it was necessary to settle in that city. Aloys got up early in the morning, threw on his coat, took his purse, and went to the innkeeper. The man was warming himself before a glowing fire-place. Aloys greeted him.

"Here is your money," the youth held it out courtly. "I shall stay for some more time."

"As you will," the innkeeper responded in sleepy sluggishness, taking the coins.

"By the way, let my room be cleaned," Aloys added with his invariable politeness and went out.

In the street the same depression reigned as the day before. From time to time, coaches drove past Aloys; sometimes he came across passers-by, whose sullen faces made them resemble each other so closely that they seemed to be the very preoccupation of the city. The sharp feeling of isolation seized Aloys – the feeling, which often seized him when he went into the street or was in a society. He lived in the solitude of his own ideas and took a detached view of the world, seeing all that eluded an accustomed look. To him, the world was similar to a confusion of clouds driven and torn by the wind on their meaningless way, whereas behind them the unshakeable infinity shone. This

sensation of the deep currents of the eternal nourished and supported him, allowing him to feel his non-participation in outward things and to regard himself as a particle of the unchangeable – a tiny particle, which, nevertheless, possessed the will and the knowledge of its way. Aloys did not have to ask himself whence and whither he went, for he knew that his origin and end were eternity.

The awareness of the transience of all visible things lessened the inevitable pain of existence and enhanced few joys, for it afforded an opportunity to understand that they were reflections of true life, which is the aim of earthly existence. Such a world outlook gave freedom and – the fear of endless loneliness.

Aloys was lonely as any person going against the stream – the stream of grey faces, grey thoughts, grey feelings. The absence of his equal seemed unnatural, similar to an incomplete expression of an idea, to the intermediate state between existence and inexistence. Wherefore he desperately sought a friend as a possibility to live, but he found only those who could not share his view of the universe and respond to his love. Perhaps, if he had been one of those beings hurrying thoughtlessly to an insignificant aim, he could have met his like, but would it have made him living? Could he have loved at that case? Formerly, he had supposed that "*everyone* needs love with his equal" – not only sensual but transcendental love, which is the basis and meaning of existence. However, the experience, gained during his quest, had convinced him of the contrary. The capacity for love was as rare as creative talent. His equal – who felt and thought as he, and needed love as well strongly as he – might never

exist anywhere.

Returning, Aloys found the room noticeably cleaner. The floor was swept, the window wiped, and a new mattress had appeared on the bed. “What if this fine fellow decides to demand an additional payment for all this?” the youth thought, getting out his purchases. They were rather expensive. A tin mug, an earthen bowl, a copper kettle, some plain bed-clothes: for the same price, he could have bought a gilt service and silk sheets. “Oh, what a god-forsaken hole!” Aloys thought with annoyance again. But what was still more annoying was that he had lessons the next day.

III

The university was a three-storey brick building, with two wings and the clear-cut rows of high rectangular windows. The brick had darkened with time, and in the raw foggy morning it looked as gloomy as all in that city. Or was Aloys’ mood so gloomy? He walked with his usual resolution along a gravelled path to the university porch, where several students stood. They took no heed of him: about nine hundred persons studied there, and new ones were not noticed. Aloys opened the door and calmly entered the semi-darkness.

The first lecture was on church history. Aloys, remaining unnoticed, chose one of the remote places in the lecture-room where students gathered gradually, took out a notebook, and began to wait for the professor, *Herr* Müller. The latter soon appeared. He was a tall, corpulent man in a long black mantle, which made him resemble an unfrocked monk. He ascended

the rostrum solemnly, as if it were a pedestal, glanced attentively over the silent students, letting his small eyes linger on Aloys, and then began the lecture.

"... Raymond Roger Trencavel, a Viscount of Béziers and Carcassonne," the professor boomed measuredly in the spacious chamber; "declined the request of His Holiness Pope Innocent III to destroy the plague of the Cathar heresy, and therefore he had to break a lance with Simon de Montfort. On the 22nd of July 1209, the latter slew twenty-two thousand heretics..."

On all sides pens were squeaking obediently. Aloys, stopping his, listened absently to the story which he knew.

"... When the commanders began to hesitate, deliberating what to do with the inhabitants, the legate of His Holiness, Arnaud Amaury, gave the order: 'Kill them all, for God knows who are His'." The lecturer was silent for a short while, whereupon he added: "You may find this cruel as well as some other examples. But such were those times," he uttered emphatically. "Such was the danger to the Church. Did it have a choice?" He looked round the students and rested his gaze on Aloys. "Do you consider this amusing?" the professor asked him severely, having noticed a faint smile on the lips of the youth.

"Not in the least," objected Aloys readily.

"Why are you smiling, then?" the professor persisted in inquiring. "Have any extraneous thoughts distracted you?"

"Not at all," Aloys assured him. "I listen to you very attentively," and he assumed an air of concentration.

The professor's eyes lingered on him.

“You are a strange man,” he said in measured tones and returned to his subject.

IV

This was what Aloys had been apprehensive of – professors’ pedantry. “Desperate pedantry,” he defined, going to bed. It was only seven o’clock in the evening, but he felt tired. Since morning, he had been disturbed by some vague pain in his chest – a palpitating fiery thread of pain. That annoyance was now exacerbated by a slight difficulty in breathing, as if his chest were tied with a wide ribbon. “It is the air of the city that causes this,” thought the youth. “In a depression among hills one’s breathing is somewhat laboured.” Aloys lay on his back, with his eyes closed, and listened to the evening rain patter on the window. He liked voices of nature – the sound of rain in leaves, peals of thunder, the whisper of wind in a garden... They were the language of the Universe, with the essence of which he felt an indissoluble bond, and he hearkened to that language as to the speech of his Creator. The most significant of those voices was silence, which was the origin of all – a thunderclap and a gust of wind, love words and his music. It was the beginning, and it would be the end. Silence – quietness...

To the monotone accompaniment of the rain, the flaming thread became thin and went out. Aloys sank into sleep.

V

The next day Aloys learnt by chance that there existed a literary circle attached to the university, which was formed by several students and sympathisers. Formerly, he had written poems, too, and, notwithstanding that his attraction to music had turned out to be stronger, he kept his love of poetry and a keen interest in new names. Wherefore there was no wonder that one evening Aloys found himself in a cosy little room in the attic of one of the university wings. Candles were glimmering, a narrow window was covered with a plain deep-blue curtain, and several youths, some of whom sat in chairs and others did on a frayed sofa, were conversing animatedly. Aloys, settling in solitude by the window, looked attentively at them and listened. There was much liveliness in those young men, much inspired strength of the gifted youth; and near them it seemed that in the world there existed no other ideas save creative ones, no other phenomena save art.

"Should poetry deal with everyday life, or is its sphere the eternal?" asked Carl, a Swedish theology student with unhurried movements and a fair hair combed back.

"Poetry must find the eternal in everyday things," replied Albert, who was next to Aloys. He sat with his legs crossed, and his fine profile expressed confidence.

"Quite right, but what is the eternal?" inquired Albert's neighbour, Franz by name, and glanced attentively with his grey eyes round those present, being ready to hear their opinions and to agree. "What is eternal in this room, for example? Or in this moment?"

"In my opinion, nothing," responded Thomas, a ta-

citurn youngster with the stubborn forehead of a bull-calf, sitting in the remote corner. “It will pass, leaving nothing behind, and tomorrow will elapse, and life will. Where did you get it from that there is anything eternal on earth? All is vanity and vexation of spirit, as Ecclesiastes said.”

“Ecclesiastes had too gloomy a view of life,” remarked Albert friendly. “It is enough to look round oneself to see eternal things. Our union – will it end tomorrow? Or our fatherland – do you consider love for it to be vain?”

“You are right, it is necessary to see and choose,” Carl summed up, and the gathering moved on to the next subject.

Their ideas were true – ideas of those young poets, who had not obtained recognition yet. Nevertheless, Aloys felt uncertainty in each of them, as if they were seeking something – some details to a formed whole. However, their quest enthralled him not less than their finds – it enthralled him, for they conducted it together, with friendly jokes and deep observations. That spirit of comradeship, which was so rare in a society of creative persons, attracted Aloys by its distant resemblance to brotherhood, the concept of which was very dear to him.

A week later, the poets gathered again. In full swing of the discussion, the door opened and a handsome tall youth of about twenty-three appeared on the threshold, in a black cloak and with the piercing gaze of a prophet.

“Oh, Ansgar!” exclaimed Carl, who sat near the door, and got up. “What a pleasant surprise!”

The attention of all was at once concentrated on

the guest. He responded gently yet with restraint to joyous greetings – in a voice, which was strangely muffled in comparison with the animated speech of the others – took off his cloak, and sat on the edge of the sofa. The youths clustered round him. Aloys, sitting in the opposite dark corner, did not take his eyes off the stranger.

"We did not expect you to come," admitted Franz.

"I wanted to recall the past," replied Ansgar. His comrades began to shower him with questions and to tell their news, the humour and ardour of their conversation with each other giving way to some respectfulness. To all appearances, Ansgar, their coeval, differed from them in something.

At last, Albert rose from the elbow-rest of the sofa and glanced at Aloys.

"By the way, a new person joined our circle," remarked Albert. Aloys got up, remaining in the shadow.

"Let me introduce you to Aloys," Albert said to Ansgar, making a gesture to draw him and Aloys together. Ansgar rose, and Aloys stepped towards him – with hesitation, which he always felt in meeting somebody. The shine of candles illumined them, and Aloys, with undisguised admiration, saw a beautiful icon-like visage, with a shade under the sunken sad eyes and a wavy lock of light-brown hair falling along the pale cheek. Ansgar, ready to greet Aloys, suddenly stood still, as if he recognised him. All were silent, and Aloys waited without moving. Albert broke the silence.

"This is Aloys – composer and connoisseur of poetry," he announced. "And this is Ansgar – one of the founders of our circle."

"Pleased to meet you," Ansgar smiled affably, getting over his embarrassment, and held out his hand to

Aloys.

"Pleased to meet you, too," Aloys uttered in hushed tones and timidly touched Ansgar's firm hand.

VI

Above the black cross of the cathedral the yellow moon rose. Aloys drew a thin cotton curtain and lay down on the bed. He had a slight fever recurring quite often the last weeks, therefore various scenes flashed vividly through his mind – fragments of the history of the Middle Ages, which he had read about that evening, pictures of dusky streets of the city, phrases of the poets' conversations, and through all this there arose the dark image of his new acquaintance – an image detached from everything and everybody. Aloys put his arm behind his head and closed his eyes, recalling him. There was something about the youth that made think of him. Was he a gifted poet? A personality following his own way? A true friend of anyone? Aloys did not know anything save his name and appearance evidencing a concentrated calmness locked in itself – calmness similar to that of nature before a thunderstorm. Certainly, Ansgar was remarkable – even amongst his comrades, who thought by means of poetical categories and sought beauty in this world. What did he think of? What had he sought and found? Who was he, that youth with the mien of a prophet – of a prophet, who had said his last word?

VII

The night passed uneasily, being full of strange agitating reveries, which arose and faded in the movement of bars of the moonlight falling through the curtain. In the morning Aloys felt more tired than the day before. Some unwelcome lassitude possessed both his body and spirit, and he did not want to stir or think, but only to remain in the almost-pleasant quietude of semi-consciousness.

Aloys forced himself to get up from the crumpled sheets, washed himself with warm water (the mere thought of the usual cold wash sent shivers down his spine), drank coffee, and went to the university. During the first and second lectures – on Ancient Greece and Latin, which had once interested him, – he livened up a little; but towards the end of the lessons, he felt the same morbid fatigue. As ill luck would have it, the last lecture was on Church History.

Herr Müller majestically entered the lecture-room, greeted the students coldly and, ascending the rostrum, began to boom about the fall of the Holy City under the onslaught of Saladin's troops. Aloys leant against the back of the chair and gave himself up to his depressing weariness. This time, the professor took no notice of him.

"The downfall of Jerusalem plunged the whole Christian world into woe," narrated *Herr* Müller, black against the white wall. "Wherefore His Holiness Urban III wrote to temporal rulers, calling them to unite in fighting the infidels..."

In Aloys' chest a vague pain lasted.

"... promising to give absolution to the one who would take the cross..."

All around, quills were squeaking despondently.

"Friedrich Barbarossa could not withstand the breath of the Holy Spirit, and he took the cross..."

Something dark and warm was enveloping Aloys.

"... so a new crusade began."

Under the fulminating storm of lances the enemy wavered...

"Aloys!!!"

The youth started and opened his eyes. Above him *Herr* Müller towered. His full face was crimson with indignation.

"What does it mean?!" he roared. "To sleep! – at my lectures!! – on the Sacred History!!!"

A chuckle sounded somewhere. *Herr* Müller did not hear it, for all his attention was riveted on Aloys. The youth, completely awoken, got up and stood, bowing his head resignedly.

"For such a thing – to expel – is not enough!" the lecturer breathed out. Aloys' lips moved a little in an ironical smile.

"How do you account for this?" *Herr* Müller thundered again, drawing in air. "Perhaps, you will say you need not know Church history?"

"I do not think so," Aloys replied calmly and politely without lifting up his eyes. "To know history is useful for everyone in order to learn some lessons from it. The fact is that I slept badly last night."

"Slept badly!" repeated the professor peevishly. "You all sleep badly... What thoughts disturb you!" He turned and wended heavily to his rostrum.

VIII

On Sunday Aloys visited the poets again. He had been able to appreciate each of them during two meetings. Franz had an inquisitive yet narrow mind; Thomas was a disappointed nihilist; Carl turned out to be a clever, honest philistine; and the serious, independent Albert was prone to overestimate things of little significance. Having a sufficient notion of them, Aloys did no longer experience the feeling of estrangement; and this time, realising his spiritual maturity, he joined their conversation – like their elder. When they overstepped the limits of pure poetry and touched upon art as a whole and creative work as such, he began to speak so confidently, as if he tried to instil his own ideas into their still-receptive minds.

"You say that rationalism is alien to art," uttered Aloys, sitting down on the elbow-rest of an arm-chair. "However, it depends on what one means by this word. For example, if a work of art is based on a thought, but not on a mere feeling, it may be called rational. But if one asserts that there is nothing overworldly – nothing save the visible surface – and calls upon (as we often hear nowadays) to discard 'prejudices' and to muffle the sentiment with the idea, this is not a judgement of reason but downright folly." Aloys rose and paced up and down, slender and resolute, seeming still darker in the vague candle-light. The other members of the circle listened to him attentively.

"If one looks deeper in search of an origin of creative work, one may find that the impulse is given by the feeling, but it is the thought that develops an idea," Aloys stopped, folding his arms, by the cur-

tained window and glanced over those present. All eyes were riveted on him. “Something, good or bad, makes an impression on one,” Aloys continued, beginning to pace again. “To wit, it influences the feeling, and an emotional experience originates a certain idea. Thus, it turns out that the mind and the feeling supplement each other, but it is the mind that predominates.” Aloys returned to his place in the dark corner.

“Well, I consider your conclusion to be contestable,” Carl drawled from the opposite end of the room. “Let’s assume that I was inspired by a rose and wrote a poem about it, celebrating its beauty without constructing a syllogism. Are you sure that its origin is the reason, but not a feeling?”

“Are you sure that this is a poem?” asked Albert derisively.

“What is a poem, in your opinion?” Carl posed the counter-question, expecting to nonplus his opponent.

“It is a reflection of the state of mind,” Albert answered without a moment’s hesitation and reclined with a victorious air in the arm-chair. “*Of mind*.”

“I agree, it is a reflection of a spiritual state,” paraphrased Carl, not wanting to argue.

“Not a state as such,” remarked Aloys softly; “but an inner response to an outer impulse. Poetry is nothing but reality perceived by a person.”

“Splendid!” Franz even jumped up from the sofa. “These few words contain the whole essence of our subject!” he exclaimed, addressing himself to his comrades. “Oh, it is wonderful that the one who is not a poet can comprehend poetry so well!” and he looked at Aloys with sincere admiration. Unaccustomed to praise and not expecting it now, Aloys dropped his

eyes and flushed a little. In his corner it was not visible.

"It is useful for a musician to know poetry," he said; "as well as a poet ought to be versed in music."

"We do not know music very well," admitted Albert thoughtfully. "Therefore I have an idea..."

Everyone lent an ear to him, and even the sullen Thomas glanced at him with interest.

"Would Aloys be so kind as to play any composition of his – for example, at the next meeting? We shall be pleased to listen to," and Albert looked at Aloys. The latter lingered a little in hesitation and then replied: "Agreed! I shall play something."

IX

At night the first snow had fallen, and the city was transfigured. A pure, soft trimming lay on branches, roofs, and window ledges; and the evening seemed brighter to Aloys when he, with his hands in the pockets of his coat and the collar turned up, hastened to the gathering of the literary circle.

The poets were waiting for Aloys. He glanced over them, greeting them, and suddenly stood still, having noticed Ansgar, who was sitting in a dark corner. Ansgar nodded affably with a faint smile. Feeling a strange excitement, Aloys unhurriedly took off his coat, hung it carefully near the door, and then sat down in an arm-chair by the glowing fire-place, stretching out his frozen hands to the flame. Meanwhile the poets continued their conversation in low voices, entertaining themselves in waiting for his play. The

piano, brought from another room, stood in his corner – diagonally to the corner where Ansgar sat.

The presence of that youth excited Aloys. Not being shy of the others' company, in which he had taken his place confidently, he was timid before him, as if Ansgar could see his very core and judge it impartially.

After warming himself, Aloys came up to the instrument with concentration. He evaluated it businesslikely and then announced to those present (being aware only of Ansgar) the name of the composition which he wanted to play. The audience fell into a hushed silence, and Aloys touched the keys – gently yet resolutely.

This was not the piece that he had intended to perform. A swift *allegro* gushing from under hands like a lively stream, which was suitable for those young men, seemed – for some reason – impossible in Ansgar's presence. An incomprehensible quietude (or depression of vital energy), which marked the appearance of that youth, suggested another mood. And Aloys was improvising, solicitously creating from thoughtful sounds a simple and enchanting reverie similar to a misty distance uniting the end and the beginning.

Aloys was playing without lifting up his eyes, unaware of his comrades, as if he turned into one thing with his music. Striking the deep finale, he jerked his head up, as if some languor were overwhelming him, and, glancing at Ansgar, met his yearning gaze.

X

"Splendid!" the impressionable Franz exclaimed

with sincere admiration. “I could listen to your music for hours.”

“I agree, your performance was wonderful!” Albert said ardently. “So living a representation of a living emotion!”

“Never have I heard anything like it!” Thomas expressed his appreciation. “It was incredible!”

“Excellent!” added Carl.

“Magnificent!”

Aloys stood, smiling politely to the young men, who gathered round him. He scarcely listened to their generous praise, for his attention was concentrated on Ansgar. The latter was pacing unhurriedly, with his eyes lowered, as if he cogitated. The poets said some more complimentary words to Aloys, wished him every success, and then left him, intending to go away. Aloys lingered. He sat down in the chair and thoughtfully caressed the keys of the piano, watching Ansgar sideways. That youth did not hasten to leave the room either.

“You will probably be the last one to go away,” Carl said to Ansgar. Obtaining his affirmative answer, Carl gave him the key: “Lock the door, please,” and he together with his animated comrades disappeared in the doorway. Aloys turned up out of the darkness.

“I have lost myself in a dream,” he murmured, justifying himself. “After a performance, I often become absent-minded.”

Ansgar stopped and smiled faintly.

“Such a performance made me dream, too,” he replied. “I felt, as if I were attending a numinous service.”

They were standing in the middle of the room, at a distance of several steps from each other, and the shi-

ne of dying candles illumined them.

"I tarry in order to express my admiration," Ansgar explained without looking at Aloys. After being silent for a short while, he added in confusion: "But I feel that I shall be unable to do this."

"You need not try," Aloys responded in hushed tones, getting over a strange shyness. "I understand all..."

They stopped talking, and silence fell. In Aloys' mind began to flash absurd phrases for the continuation of the conversation. They were at once abandoned to find others, others were discarded, too; and the longer this lasted, the harder it became to utter something. It was strange, for no one had disconcerted him yet. At last, the very situation began to seem absurd; and when the poor Aloys was completely embarrassed, Ansgar, who sometimes cast a penetrating glance at him, said softly: "The university will close soon. It is time to go home."

"You are right: it is time," Aloys agreed with relief. "How is it without?" he asked, coming up to the window, and drew the curtain aside. In the blue dusk large white snowflakes were swirling slowly, in several windows of the ground floor light was glimmering, and a lone little figure was strolling pensively along the path from the porch.

"It is snowing," Aloys announced and returned to Ansgar.

"How far do you live?" the latter wondered.

Aloys named the street.

"It is quite far," Ansgar uttered and then suggested readily: "I shall accompany you."

Aloys' face lit up. Dropping his eyes, he murmured: "Oh, if it is not too much trouble..."

“Not in the least. Moreover, I like wandering in the snow.”

The youths put on their coats and left the room.

In the street Aloys turned up his collar, feeling light snowflakes touching his flushed cheeks with a chilly caress.

“As to me, I like summer,” he said, walking lightly alongside Ansgar. “I do not bear cold.”

“Summer will soon come,” replied Ansgar, treading unhurriedly and with confidence in the fluffy snow. “In the darkness it always seems that there cannot be light, but day breaks sooner or later.”

They went along quiet streets, past pitch-dark courtyards and yellow spots of windows, and, at last, they found themselves before the house where Aloys lived.

“We have arrived,” Aloys announced, stopping.

“Your people must be tired of waiting for you,” uttered Ansgar, glancing over the lighted windows of the ground floor.

“There is nobody to wait for me. I rent a room here, whereas my home is in another city.”

“I am not from these parts either,” said Ansgar.

It seemed to Aloys that Ansgar did not want to go away, and he suggested: “Would you like to drop in on me to take a cup of tea?”

Ansgar shook his head: “Thank you, but I shall come to visit you some other time.”

“When?” Aloys asked unexpectedly to himself and looked in Ansgar’s face visible vaguely. Ansgar bowed his head in pondering, whereupon he answered: “If it is convenient for you, the day after tomorrow.”

“Of course, it is convenient!” rejoiced Aloys.

They took leave of each other, and Ansgar vanished in the hopeless grey dusk, where the lonely black

belfry rose stubbornly.

XI

Aloys stayed awake until the morning. By candlelight, with the locked door and the curtained window, he sat at the desk, thinking, coughing slightly and listening attentively to that inner sound which is the beginning of any creation. Music, which had seemed impossible in the grey petrification of that city, was returning to him. Being inseparable from Ansgar, from his appearance, speech and movements, it came out of a vague depth and developed until it turned into a violin sonata. The miracle did not end with the last written symbol. Instead of the tired satisfaction or even the full exhaustion of spiritual powers, which had been Aloys' usual sensations, he experienced excitement, as if in every vein of his being awoke life-giving currents.

Snow rustled on the window-panes. The youth blew out a candle and came up to the window. In the white confusion of the snowstorm the earth and the sky seemed united, with a black gap where the cathedral stood. Heretofore, looking out of his window, under which a silent garden had kept memories of past years, Aloys, feeling no kinship with anyone or anything, had thought of the emptiness which the world had been to him, and fear had seized him like in the darkness when a candle goes out and one cannot find a tinderbox. To him, the world had represented the absence of a friend, and that absence had effaced him himself, who had been not-loving and unloved – unnecessary. Now there appeared the one whom he

could think of and who (as he hoped) thought of him. A calling tenderness for Ansgar suddenly surged in his heart, making him lean against the window-sill and close his eyes, while past his very forehead the snowstorm was whizzing, as if the liberated forces of nature were responding – in their unrestrained and frightful exultation – to his revived feelings.

XII

At the appointed time, two days before the new year 1777, Ansgar came. Melting snowflakes scintillated on his hat, and his cheeks were suffused with colour. Accompanied by Aloys, he entered the room and stopped in hesitation by the door.

"Of course, I cannot say 'make yourself at home,'" smiled Aloys. "However, do not be shy. Take a seat," he pointed courteously to a chair, upon which a new soft rug was put. Ansgar took off his hat and coat, ran his hand over his hair, and sat down. Aloys locked the door, whereupon, moving noiselessly and agilely, he brewed tea, sliced some sweet-scented white bread, and opened a little pot of apple jam.

"Help yourself!" he invited affably.

After the meal accompanied by occasional polite remarks, the young men moved to the bed covered with a clean bedspread, which was to serve as a sofa.

"Tell me something about yourself," asked Aloys, leaning his elbow on the wooden back. Ansgar, who sat on the other end of the bed, crossing his legs and clasping his hands round a knee, thought a little and then began to speak in a low voice: "In my story there is nothing remarkable. I was born in Gießen, then my

my family moved to Zweibrücken; in 1771 I entered the university of Göttingen, faculty of law. In 1772, together with several acquaintances of mine, I founded a literary circle. In 1775 I transferred to the faculty of theology. This year I completed my studies and returned home. Such were the outer events of my life."

"But your poetry?" reminded Aloys. "It is your main occupation..."

"Yes, poetry was my passion since school. I am accustomed to perceive the world by means of the word, to think by images, to listen to the essence of things... Then I try to utter what I heard – to translate it into another language. I do not always manage this. But is it possible to transmit an idea completely?"

"I create music in the same manner," remarked Aloys. "I seem to listen to a sound arisen suddenly for me – in me – and I try to write it down until it dies away. But as soon as I begin putting it down, it becomes lower and even vanishes sometimes."

"And one has to seek the loss, as if one were fumbling in the darkness," added Ansgar. "One fears that it has disappeared forever, and a living thing – which has begun and is still palpitating with its peculiar vehement life within one's soul – will perish..."

Aloys did not take his eyes off him.

"But if one succeeds in creating," continued Ansgar; "there arises a sensation that one changes the world by one's work. Is this familiar to you?"

"Yes, I experience something similar... But I could not – hitherto – express this. You are right: one seems to change the world," Aloys fell to thinking. "Anyhow, the world remains the same, and neither new poem nor symphony nor even the Creator's Word can change it."

"And one turns out to be only a particle struggling with the irreparable," Ansgar summed up. "However..." He paused. "It is better to change one soul, one life than all, isn't it?" Ansgar looked perspicaciously at Aloys. The latter shook his head in amazement:

"Never have I met people who thought like I. It is a miracle!"

Ansgar smiled faintly:

"Even greater miracles happen," he said softly, gazing at Aloys with gentle sadness.

Ansgar spent the whole evening with Aloys and went away only after midnight. Aloys saw him to the porch covered with snow, stood a little there, looking into the darkness where his friend had vanished, and then returned reluctantly to his deserted room. The place on the bed, where Ansgar had sat, kept his trace. Aloys locked the door and lay down on the bedspread. Again, only memories remained with him – or rather impressions and sensations, which made him feel Ansgar's presence. While the conversation had enthralled and distracted him, he had scarcely experienced excitement; now that he was alone with Ansgar's image belonging entirely to him, his feelings revived. Exulation, tenderness, and languor filled his pliable being; and he smiled, wept with joy, and caressed the disappeared trace until, tired with happiness, sank into a cosy sleep. He was no longer alone.

XIII

The young men had arranged to meet the next day at four o'clock in the afternoon. And the appoin-

ted time came. In Aloys' dwelling there reigned a white silence from the frozen window. The room had been heated, the bed had been covered, fresh loaves lay on the table. But – where was Ansgar?... Aloys paced the room anxiously, touched the icy window-pane hiding the street from sight, and then opened the door to the dusky corridor. There was no one. Maybe, the innkeeper had not heard the bell? Of course! Aloys threw on a coat and hurried downstairs.

The even snow covered the porch. In the distance a resounding peal mingled with the swearing of a coachman. There was no one – no one for Aloys, who was glancing in perplexity over the snow-covered street with the black fractures of branches and the gloomy row of houses.

Aloys waited a little, gazing now here now there, and returned to his room. Maybe, Ansgar had forgotten about the meeting? Hardly... Had anything happened? Or had Ansgar lost interest in him as Aloys himself had lost interest in many others during his quest? Aloys sat motionless on the edge of the bed, deep in thought. The dismal light faintly penetrated the frozen window: the icy twilight was gathering in the room.

In the middle of the darkness and uneasy thoughts, a gingerly knock at the door was heard. Aloys rushed to open the door. On the threshold there was Ansgar.

"Good evening!" he greeted Aloys, who was dumbfounded with joy. "Excuse my being late, I felt slightly unwell."

Aloys led him into the room, lit a candle, helped Ansgar to take off his coat (feeling his warmth and the cold of his clothes), and asked him to sit down where he had sat last time.

"I thought you would not come," uttered Aloys,

sitting on the very edge of the bed. He said “thought,” but Ansgar understood that he had meant “feared” and gave him a faint smile with an unknown sadness in the corners of his lips: “If I have promised... Only something unforeseen can make me break my word.”

They spoke little: only at times, they discussed something about music and poetry or related insignificant events of their life, whereupon they immersed themselves in the common silence – that soothing stillness, which tells more than any words and unites those who are drawn to each other. Without the window the blue blizzard was whizzing.

“Recite me some of your poems,” Aloys suddenly asked. “We have talked much about poetry, but I do not know yours at all.”

Ansgar, sitting on the bed at arm’s length from Aloys, fell to thinking, leaning his elbow on his knee and putting his chin upon his hand.

“I do not even know what to recite,” he said in embarrassment. Lingering a little more, he became serious, gathering his thoughts, whereupon he straightened up, threw his hair from his forehead with a habitual movement of his head and, closing his eyes, began to recite, with the prophetic inspiration in his face. It was not the lyrical recitation which was characteristic of many other poets, but a living speech, as if words appeared at the present time, in a supreme and tragic afflatus. “Tragic” – for there was no glimpse of joy in that narration – the narration about an emptiness dragging the poet’s soul ineluctably into itself:

> ... In the evening crimson of the last dumbness,
> Which suffuses the darkening sky,

To vanish like a sigh of the void,
To vanish – –

and nothing more. A half-burnt candle glimmered, and Ansgar's face with the closed eyes was beautiful in the gloomy chiaroscuro. He fell silent, sitting motionless. Aloys, still spell-bound with Ansgar's voice and touched with that unknown sorrow concealed behind the words, glanced at him – gingerly, as if his gaze could disturb the harmony which was a poet initiating an understanding hearer into the mystery of his inner life. Ansgar opened his eyes and, waiting for Aloys' opinion, looked at him – questioningly and somewhat shyly.

"I can respond only by means of music," Aloys uttered in hushed tones. "Oh no, even music is powerless..." He closed his eyes, as if he recalled something. "What is in the poem... How dreadful it is!" He bowed his head. Ansgar watched him attentively.

"Tell me," Aloys gave him a timid glance; "this emptiness... What originates it?"

Ansgar withdrew his eyes, thoughtlessly adjusted his shirt upon his breast, and then answered simply: "Only some feeling of loneliness."

"Some?..." Aloys moved up to him. "But I sense how painful it is for you... This emptiness... The emptiness of absence..." He was confused. Ansgar's feeling was his own: Ansgar knew the same loneliness. They could not but understand each other, they could not remain strangers... At last, Aloys asked softly: "Do you long for a friend, too?"

"Yes," replied Ansgar frankly. "I have got accustomed to him too much."

Aloys' eyes widened in surprise.

“Just so,” confirmed Ansgar, paling. “He died three weeks ago.”

An icy needle broke painfully in Aloys’ heart, and silence fell. Ansgar was sitting still – drooped, dark, absorbed in thought. Aloys did not know what to do. At last, recovering from his astonishment, he drew near to Ansgar and gently touched his hand lying languidly on his knee. Ansgar looked at him with resigned sorrow.

“I loved him,” Ansgar uttered in hushed tones and then averted his gaze again. “We knew each other from a very young age…”

Aloys did not take his hand off Ansgar’s hand.

“Tell me about him, please,” Aloys asked gingerly. Compassion for Ansgar and the revived feeling of loneliness clenched his soul. Ansgar sighed slightly, closed his eyes like in reciting the poem, and began to speak – softly and pensively:

“I met him at gymnasium. He wrote poems, too – he began to write them: this brought us together. At first, we were friends, for he was three years younger than I. Noble and affectionate, he believed in me so much, as if I had all the wisdom of the world… As to others, he regarded them with distrust and was inclined to call everything into question. I answered those questions. So he lived – submissive and susceptible – beside me until I saw that he was no longer a boy, whom I had patronised fondly, but an independent youth. He became very attractive.” A faint smile appeared in the bitter corners of Ansgar’s lips. “And I could not resist him… It was so strange – to fall in love with my friend. Novelty intoxicated us. We were inseparable. I admired him – I was delighted with his grace, purity, and the nobleness of his spirit… And he

was devoted to me... We were one person," Ansgar became silent, clasping his hands and gazing absently into the space. Aloys did not move beside him.

"One winter," Ansgar continued in a muffled voice; "in this city where he studied, he caught a chill. It was so sharp a frost, and he did not bear cold... He did not recover completely. A strange fever recurred – an inner heat, which his frail envelope yielded to more and more. Then he began to cough up blood... I lived at home when I received a letter from him, in which he begged me to come as soon as possible. 'I want to tell you how much I love you,' he wrote. I came. He was almost unrecognisable: the fever was devouring his body and, at the same time, it seemed that it was liberating his spirit. I had not known that he possessed such spiritual power. He accepted his sufferings like..." Ansgar stopped talking and bowed his head. Taking a grip on himself, he continued with a poignant calmness: "... like a martyr in the early centuries of Christianity. He told me about Heaven, as if he already saw it. Maybe, he indeed knew it: he did not belong to this miserable world. How often I had thought in fear that he would be unable to live alone on earth – if I passed away first... And now – he was going away – 'to Father' as he said. I did not want – may He forgive me! – to let him go even to Him. And he grieved for me. In those last days he expressed no resistance to his fate, nor did he mention loneliness which awaited him: he thought only about that loneliness which lay in store for me." And again, Ansgar gave himself up to his painful memories, which he could not share with anyone.

"He passed away in the morning – an empty white morning..."

Silence fell. The youths sat side by side, separated by their inner life. Aloys thought about what he had heard and his own loneliness. What was worse – to have a friend and then to lose him, being left with hurting reminiscences, or not to have him and to live with the sensation of a lasting loss? And what would be for them both the next day?

Ansgar took a plain silver locket which he wore on a silver chain around his neck.

"Such was he," Ansgar opened the locket and put it on Aloys' palm. With awe as during communion, Aloys received the warmed locket and met the affectionate gaze of a beautiful boy with regular features and a long fair hair falling in light waves upon his shoulders. Aloys smiled involuntarily in response, and the piece of ice vanished.

"He is very beautiful," Aloys uttered without taking his eyes off the image. Lingering a little more, he closed the locket with care and, putting it on Ansgar's palm, covered it with his hand. "It was worth living to be your beloved," he whispered, looking aside.

"He resembled you very much," Ansgar remarked in a low voice. Aloys glanced at him. Ansgar smiled gently, and in his smile there was no longer any bitterness.

XIV

Ansgar put the locket back in the warmth under his white shirt, whereupon he took Aloys' yielding hand confidently and with care into his warm palms. Its fragile structure was felt through the thin soft

skin, and the tips of the long fingers were tenderly-cool. Aloys blushed, anticipating something important, and, dropping his eyes, he heard – through his excitement – the gentle words "I love you." Before he had time to believe it, Ansgar's affectionate arms embraced his shoulders and his soft lips insistently touched Aloys' cheek. The space quaked, as though the familiar world suddenly flooded back, and a calling delicious languor took possession of Aloys. As if seeking deliverance from it, Aloys, with a virginal timid passion, snuggled up to Ansgar and offered him his lips...

Aloys yearned to perceive his friend completely and to be sated with his beauty, warmth, and strength – not only bodily strength, but also spiritual power, which he felt in him and which attracted him, promising peace sought for a long time. Meanwhile Ansgar, in response to Aloys' languor, clung to him like to a life-giving source – with his lips, hands, whole being – clung so impetuously and desperately, as if he strove to overcome their bodies and to touch Aloys' yearning soul with his. The essence of true love is a poignant unconscious desire to be – to be not only a physical creature, but also a perfect one whom a person can become only beyond the earthly world, where there is no loneliness. It was that numinous coexistence that the seeking souls of the lovers aspired to, until they united in the almost-unbearable ecstasy of caresses – for one moment of eternal Love.

XV

When Aloys awakened, the first thing that he saw was Ansgar's happy face. He was not asleep and had even heated the room. Now, lying on his side, Ansgar admired his beloved in the pink light of the frosty morning.

"Is this reality?" murmured Aloys, touching him so gingerly, as if Ansgar were an apparition. "I thought that I dreamt about Heaven."

Ansgar smiled and gave a stroke to Aloys' silky hair: "This is our Heaven."

His sensitive fingers slowly followed a wavy lock of hair falling along Aloys' neck and stopped under his clavicle. Aloys grasped Ansgar's hand and pressed it to his heart. "Do you feel how joyfully it is beating?" he asked, and in his eyes affectionate sparkles began to glimmer. "It thanks you for giving it life. Yes, life, for it cannot exist empty."

They luxuriated in bed a little more, caressing each other and whispering of their love, whereupon Ansgar sat up: "It is time to go away."

Aloys stopped him: "Move in with me!"

Ansgar thought a little and then uttered: "It would be pleasant, but my work... You know I came for a short while. I serve as a confessor to a man in my town."

A flicker of amazement passed over Aloys' face. After a pause, he replied jokingly: "I hope he will not lose the right path while you are with me."

Ansgar pondered more and thereupon said carelessly: "I can communicate with him by post, after all," and he, completely nude, rose into the pink shine. Aloys involuntarily closed his eyes for a moment and

then, opening them, raised himself up on his elbow to behold the picture before him. The beautiful lithe body of his friend looked wonderfully-tender – as if it shimmered from within – and unfamiliar: in the darkness Aloys had been unable to see it and only had sensed its warmth and exciting smoothness. Ansgar, having noticed Aloys' gaze, stood still, allowing to admire him; and Aloys sated himself with his beauty until his cheeks became suffused with colour and his look darkened with desire. Ansgar understood all, smiled playfully, and returned to the bed.

XVI

In the afternoon Ansgar carried his simple things to Aloys, declined the innkeeper's suggestion to put another bed, assuring him that he could be content with very little, and there began Ansgar's new life. The deceased boy smiled in loneliness under the cover.

One night Aloys, resting after caresses in the icy-blue moonlight, uttered in moving gingerly away from his friend: "It seems to me that there is something unfair in our relationship..."

Ansgar apprehensively raised himself up on his elbow: "What do you mean?"

"Our happiness arose from someone's else misfortune," replied Aloys, moving still more away. "I mean your beloved. Somewhere in my heart of hearts I feel guilty towards him, for I took his place," Aloys sat up and wrapped his arms around his knees. "He is alone now, whereas I enjoy this love which belonged to him. Do you not consider this to be wrong?"

Ansgar listened to him attentively, whereupon he smiled gently and stroked Aloys' hand soothingly: "Do not worry! Yes, you took his place, but he gave it up to you. Before the end, I promised him not to love anyone else – I promised this rashly, for such a word is the hardest to keep. And he replied that he let me go, for he did not want me to be alone."

Aloys fell to thinking, while Ansgar, squeezing Aloys' hand slightly, repeated: "Do not worry. If he knows – if he had known these thoughts that you have told me about, he would have had a high opinion of you – like myself," Ansgar sat up and embraced his friend: "You did not take anything – you have given: to me, a possibility to be happy again, and to him, joy for me," and he pulled Aloys back onto the pillows.

XVII

The youths were together all the time save hours which Aloys spent at the university. The unnecessary studies, which distracted him not only from music, but also from his beloved, began to annoy him still more, and if he had not respected his father's will he would have abandoned them. He did not make friends there, for he did not need new ones; and he stopped visiting the literary circle, having lost interest for its members, who possessed far lesser knowledge and spiritual power than his Ansgar did. Ansgar was not perfect either – he was the one whom Aloys needed. It had been he whom Aloys had longed for; it had been he whom Aloys had desired to call "brother"; it had been he who had appeared in joyous dreams, after which

it had been so dreadful to wake up into the habitual pain; it had been he whom Aloys had composed his music for, wanting to give his warmth... Ansgar became his dream come true – his fulfilment in another person.

Aloys enjoyed noticing his own traits in Ansgar, as if they confirmed the reality of his happiness. He experienced the yearning to share what pleased him, and he was delighted when Ansgar liked a poem or an engraving found by him. As to Ansgar, he accepted with interest all that Aloys offered him, and, in his turn, he gratefully acquainted his friend with his favourite things. They loved reading a book together, sitting shoulder to shoulder. It seemed to them that the same thoughts occurred to the other and he felt the same emotions. Sometimes Ansgar read aloud for Aloys, settling on the edge of the bed, while Aloys lay on his back, with his eyes closed and his arms relaxed behind his head. Ansgar's soft, rich voice gratified him, and words spoken by his beloved seemed to become still more expressive.

Aloys knew plenty of Ansgar's poems by heart. They were read to him at his request; and thereafter many evenings he, sitting comfortably with a notebook given to him, immersed himself in even lines written in a sure, clear handwriting with slight flourishes, which reminded of the wings of a swallow in the ease of flight. That notebook was the written soul of Ansgar, and a strange excitement took possession of Aloys when he remained alone with it – even if his friend was in the same room, reading or resting. Aloys felt, as if he were in a temple, one to one with the invisible Love.

Those poems showed an absolutely-mature perso-

nality – an independent, passionate, and loving personality. The most part of them was dedicated to Ansgar's first beloved, the rest told about faith, freedom, and life. Some were pictures in words – an ancient river remembering the history of that land, a tempestuous night similar to the freedom-loving spirit of the nation... Aloys admired the subtlety of Ansgar's perception and his accuracy in conveying his thoughts and feelings. Ansgar felt all, understood all, could all – or almost all. Looking in that thin spiritual face, touching that confident firm hand, Aloys felt extraordinary powers within himself – powers of creation, and fortitude in the face of life. He had nothing to fear beside Ansgar, whose affectionate embrace was his retreat.

Aloys composed much – for his beloved. Sonatas, cantatas, quartets, symphonies... Every hue of his emotions and every new impression changed into music. He himself changed into music, working with the same rapture which he loved Ansgar with. Many times he, with the flushed cheeks and the shining eyes, turned to his friend, holding a new score in his hand: "I have finished it!" and then, at Ansgar's request, he played parts of his compositions or the whole work if it was possible. "Oh, if only I could play all!" sighed Aloys. "If only I had an orchestra – or, at least, several musicians! It is a pity that you cannot hear what I create thanks to you and for you." Aloys was saddened by the impossibility to share his inner world, revived by his beloved and existing for him, with him. At night, snuggling up to Ansgar's breast, he often whispered in an almost-painful languor: "If only I could make you feel all my feelings and know all my thoughts, so that you could sense my love for you and

be happy!" Ansgar stroked him and replied with the same words. The bodies hindered them in their spiritual intimacy, separating them. Only during caresses, their bodily envelopes became a way to unite – to unite for one instant of the future bliss, whereupon the lovers – after some rest – could make their ascent again.

XVIII

The winter passed unnoticed. The snow had melted from the streets, the environing hills had become bare without their white mantle, and in the outskirts a beech grove revived with the anticipation of leaves.

One evening in April Aloys was returning from a bookshop to his lodging. The crimson sun, drooping behind him in fleecy clouds, illumined the wide straight street with a sad pink light. Carriages rattled on cobblestones; passers-by, who were not so sullen as in the winter, went past Aloys. He was walking unhurriedly, with his eyes lowered; and every step made an inexplicable lassitude increase. Reaching a corner, he stopped and rested his hand on the warm trunk of a young linden. The air seemed to be stuffy. "It is the illusory warmth that has caused this," Aloys thought, adjusting his neckerchief. "Perhaps, I have caught a chill..." Lingering a little, he continued his way, feeling the road vacillating under his feet.

The sun had already sat and colours faded, when Aloys, at last, reached home. He staggered upstairs in the darkness, unlocked the door, entered the room, saw Ansgar writing by the window, and, putting his bag on the floor, knelt in exhaustion.

“What happened to you?” Ansgar rushed to Aloys.

“I do not know…” Aloys answered in a weak voice. “I have caught a chill – perhaps…”

Ansgar helped him to rise and take off his coat, whereupon he sat him down in a chair and washed Aloys’ hands with water from a jug.

“Does anything hurt?” Ansgar asked compassionately. Aloys glanced gratefully at him and replied: “I feel only weariness, as if I walked all day long. Besides, I am very hot.”

Ansgar touched Aloys’ forehead.

“You are feverish,” he said apprehensively. “It must indeed be a chill. Go to bed.”

Aloys moved obediently to the bed, undressed with Ansgar’s help, and then lay down, covering himself with a blanket up to his chin.

“Now I feel cold,” he uttered softly, looking in the anxious face of his friend.

“Wait a little, I shall run to the shop,” Ansgar said and, throwing on his cloak, vanished in the doorway.

In Aloys’ chest a thin golden thread suddenly flashed. It shimmered for a few seconds, then it stretched, widened, and turned into a fiery ball. “How inopportune this is!” Aloys thought in annoyance. To fall ill when Ansgar and he were so happy! But… This illness was certainly mild: the next day he would recover…

Ansgar soon returned with a jug of milk and a little pot of honey.

“Let’s treat you!” he smiled, trying to be cheerful.

“I am so sorry to trouble you,” responded Aloys, opening his eyes.

“It is not difficult to care for you,” Ansgar assured him, taking off his cloak and, stopping, asked: “Get

well as soon as you can," as if Aloys were able to do anything for his beloved's sake.

XIX

Ansgar's wish did not come true: fever did not subside. Exacerbated at night, it ended in perspiration by morning, and then the wearied Aloys slept calmly until midday. It made Ansgar believe that the illness was receding; but in the evening, with a new attack of fever, he lost hope. So several days passed, blending in his weary mind into a painful sequence of the exulting sun and the gloomy chiaroscuro of candlelit nights.

One night Ansgar sat, as usual, by the bed of Aloys, giving himself up to the slow current of incidental thoughts, which occurred in his anxious waiting. Aloys slumbered, lying on his back. His head was inclined to Ansgar, and his hair, which fell loosely upon the crumpled white pillow, encompassed it with a dark halo. His tender cheeks became somewhat sunken and pale; under his eyes there were dark circles like a shade cast by his long eyelashes; his lips were full and bright as always. The similar image – almost angelic in its fearful beauty of suffering – was kept in Ansgar's memory.

"How long wilt thou forget me, o Lord, for ever?" he involuntarily began to read the thirteenth psalm to himself. "How long wilt thou hide thy face from me?"

Aloys moved awkwardly, as if he strove to free himself from something, and awakened with a heavy sigh.

"What is the time?" he asked hoarsely.

"A quarter past two," Ansgar replied in hushed tones. "Do you need anything?"

“No,” Aloys touched Ansgar’s hand. “Go to bed.” In those days Ansgar slept on the floor on an old blanket covered with a sackcloth sheet.

“I am not tired,” Ansgar responded in the same low voice, trying to speak cheerfully, and gave a stroke to Aloys’ hand. “How do you feel?”

“Almost well. I am slightly hot, but it is nothing.”

“Does anything hurt?”

“No, all is well,” Aloys did not want to tell that even in his superficial strained sleep he sensed a changeable pain in his chest. It did not resemble a chill, and he was alarmed.

“Did you not rest?” Aloys asked. “You ought not to stay awake all night. You may fall ill.”

“I have great endurance,” Ansgar assured him. “The most important thing is that you get well soon.”

“It is already passing,” Aloys turned onto his side. “Give me some water, please.”

Ansgar hurried to the table, where a full kettle stood. He had time only to reach out his hand for it as he heard Aloys’ wheezing cough.

“My God!” Ansgar turned to him. Aloys, with a fixed gaze, was sitting on the bed, holding a handkerchief which served for wiping sweat. His cheeks were glowing.

“Do not worry,” Aloys asked almost voicelessly. “Nothing serious…”

Ansgar rushed to him.

“Show it to me!” he told.

Aloys obediently gave him the handkerchief.

“It is nothing…” he repeated in a whisper. His hand was trembling. Ansgar unfolded the crumpled white cloth and turned it to the light.

“How long, o Lord?…”

XX

Ansgar sat on the edge of the bed, embracing Aloys, who snuggled up to him.

"Loneliness was always unbearable for me," uttered Aloys. "But I should like to be alone now – not to know you. It would not have been so hard. I do not want to become your new loss."

"One can live with it for years," Ansgar responded in a dull voice.

"So I shall be your dread for years?..." Aloys moved away from his friend and glanced at his deadened face.

"We are under His command," murmured Ansgar. He was silent for a while, whereupon he looked intently at Aloys: "Do you believe in Him?"

Aloys nodded assent.

"We have nothing to fear, then!" said Ansgar, unexpectedly livening up, and took Aloys into his embrace again. "Tell me what is life, in your opinion?"

Aloys lingered in the cosy warmth and then moved away.

"The way to departure," he answered calmly.

"And what is after it?" Ansgar gingerly continued asking.

Aloys had not discussed that with anyone. Existential concepts, which he had explored carefully and pondered over, seemed to him to be simple and irremovable – inseparable from his consciousness. Ansgar could think differently... For the first time, Aloys felt anxiety beside his friend. Sensual passion had enchanted them too strongly to cogitate upon what was essential to each of them. Their superficial likeness fascinated them, but what was in their heart of hearts?

"Well?" Ansgar urged Aloys gently.

Without the window the darkness reigned. However, “we are under His command.”

“After it there is true life,” Aloys said what Ansgar knew and, without looking at him, added with confidence what was the base of his own faith: “... true life for the one who is not alone. Without a friend, there is nothing.”

“Without a friend as well as without God, we are nothing,” echoed Ansgar. Aloys glanced at him. Ansgar smiled faintly, gazing at him with gentle joy.

“You feel all as it must be felt, and you understand all,” whispered Ansgar. “We shall not be alone.”

Exultation took possession of Aloys.

“All will continue,” Aloys replied in hushed tones, taking Ansgar’s hand. “Even if one of us passes away before the other, it will be only a temporary separation.”

They embraced.

“I feared that you do not believe in God,” confessed Ansgar, cuddling Aloys carefully. “It would have meant spiritual death.”

“And I feared that you believe differently,” uttered Aloys, basking in the soothing warmth of his friend.

XXI

A few days later, Aloys got up. His body was still weak, but his spirit was active as always.

“One of those nights,” Aloys told Ansgar; “a new symphony came to me.”

He sat by the window, outside which the sun was rising. Deep-blue shades flooded the street, fresh

leaves appeared on the tree under the window, and the familiar dark belfry looked solemn in the pale azure sky. Ansgar settled on the edge of the made bed before Aloys. The latter continued: “It was wonderful to feel that symphony arising out of shadows, candlelight, moonbeams, sunrises, and sunsets; to feel it growing gradually through my soul, across my lassitude, overcoming all and triumphing – like our love...” He closed his eyes in recalling his experience. “It was extraordinary – to feel my spirit and its powers so vividly, whereas my body could only lie without will. Maybe, ailments exist to make one sense one’s soul?” Aloys opened his eyes and looked at Ansgar, who listened to him attentively, with his elbow leant on the headboard and his cheek rested on that hand.

“Your perception of the world is amazing,” Ansgar said with gentle admiration. “Nowadays, when the fundamentals of the society are being destroyed and nothing is sacred, such persons as you give hope. The Prophet Amos said that a remnant would survive. They would inherit the Kingdom of God. I do not doubt that you are one of them,” Ansgar rose, looked in Aloys’ surprised eyes and, kneeling before him, pillowed his head upon Aloys’ knees. “Beside you, I feel, as if I were at the gates of Heaven.”

Aloys, smiling faintly, lightly stroked Ansgar’s hair. It was strange to hear such words from his friend – it was strange yet joyous. They thought alike, they felt alike: he could not desire more in his life.

They were silent for a while, whereupon Ansgar suggested: “When you regain your strength, let’s go to the beech grove. It is not far. The grove is peaceful and very beautiful – especially in spring...”

XXII

The grey trunks of beeches rose like slender columns, and the clear morning sky showed blue through the tender green lace of their crowns. The earth was still covered with dry leaves, which young grass was growing through, and simple pink flowers peeped here and there. In the peaceful stillness the voices of birds were tinkling like invisible little silver bells.

Aloys and Ansgar walked along a winding way deep into the grove, then they turned to a narrow path, which was scarcely trodden, and, finding a fallen tree on a little glade, they sat down on it.

"How easy it is to breathe here!" said Aloys, inhaling the air suffused with exciting spring scents. "And how cosy this grove is!" He closed his eyes, and a flicker of enjoyment came across his face. Ansgar smiled, watching him.

"This grove," Aloys began to speak again; "reminds me of a temple for some reason – neither Christian temple nor that of ancient creeds with their bucolic moods, but the very idea of a sanctuary."

"Nature is the temple of God," agreed Ansgar. "I wonder at His creations. How simple yet perfect all is! For example, that pink flower which is peeping up through decayed leaves: it is very modest yet finer than plenty of things created by the man."

"Plenty of things?..." Aloys repeated in amazement. "Do you think what is created by the human genius is not as beautiful as it?"

"It is not beautiful if it does not come from a good feeling," replied Ansgar assuredly.

"You are right. Any art must come from a good

feeling and bring good – to the one who can appreciate it," Aloys fell to thinking, stirring thin brown leaves with the toe of his little shoe, whereupon he added: "But it is a dreadful impulse."

Surprised, Ansgar looked at him.

"Just so. One creates to give something good to the one who lives in one's imagination; in reality, one entrusts oneself to uncertainty. However, for me, it is already in the past. Thanks to you, I have neither fear nor doubt," Aloys glanced at Ansgar with a sudden yearning. "How much I want to *say* my love! But I cannot..."

Ansgar affectionately put his arm around Aloys' shoulder as he often did, as if he wanted to protect his beloved, and they immersed themselves in that silence of mutual understanding which they liked so much. A little later, Ansgar whispered: "You were right when you likened this place to a temple. I often came here with my first friend..." Cuddling Aloys more heartily, he added: "It is a miracle that I have you. I could not have lived without love, with a void in my heart."

XXIII

They were happy, and that simple happiness was full of the sun, colours, Aloys' music, and Ansgar's poetry; it lasted in the blessed alternation of thoughtful evenings, passionate nights, and peaceful dawns. It seemed to them that it could not be differently and, at the same time, they hardly believed that it was reality. That happiness was what they both desired and needed. Both Aloys and Ansgar could not exist for them-

selves: their main yearning was to love, to protect and bring joy to another person. They understood how rare and precious such aspiration was in this world of separated and isolated particles, wherefore they admired and valued each other still more. Their unity was the beginning of their eternal Life, they did not belong to this world, but the world encompassed them.

"It is unthinkable!" Ansgar indignantly threw a new issue of a literary almanac aside. "And they call it poetry!... Just look at it! It is a downright blasphemy!" He got up from the desk. His sunken cheeks were glowing, and his eyes were sparkling gloomily like the eyes of Savonarola inveighing from his pulpit against vices of his dearly-loved city of Florence.

"I do not even want to look at it," Aloys responded from the bed, putting a book aside. He lay relaxedly on his back, with one slender leg in a silk stocking crossed on the other. "It is called freedom of thinking," he added derisively. "Yes, the thought is verily free – from religion, moral, conscience – from all; and, not knowing what to do with its freedom, it rushes in fear from one extreme to the other."

"Yes, today they have freedom of thinking, but tomorrow there will be neither freedom nor thinking," Ansgar pushed the chair under the desk and began to pace the room, unhurriedly and resolutely. "Unthinkable! To glorify unbelief!... To call religion a millstone around the neck!... Whither does the world go?"

"Whither?" Aloys turned on his side. "Like that herd of swine which devils went into, ineluctably – to a precipice."

"Right! And nothing can stop it. Oh, what times!"

"'*O tempora, o mores!*' These words were said two

thousand years ago," reminded Aloys tiredly.

"But today there is something inconceivable. Was there a similar attack on sacred concepts since the Diocletianic Persecution? Today is the very epoch of Diocletian!"

"Remember how those Christians acted."

"They hid and served to God in catacombs."

"I am afraid that today one has to go into catacombs, too, but into spiritual catacombs," Aloys sighed and sat up.

"Yes, but is there anyone to go?" uttered Ansgar hopelessly, stopping in the middle of the room.

They became despondently silent, whereupon Ansgar, beginning to pace again, continued thoughtfully: "When I transferred from the faculty of law to that of theology, I believed that I had chosen something more useful. I saw the way of service to God in the service to the man. And lo! – I am a confessor to the one who feeds his scanty religious ideas with a rationalistic doctrine, and when he becomes confused, he rushes to me for help. But I cannot help him, for he does nothing. I cannot change even one man!" Ansgar waved his hand with despair.

"Let him live as he can," replied Aloys indifferently.

"You are right. But how fearful it is to look into another soul! – like into a hole in a grave."

"'Their inward part is very wickedness; their throat is an open sepulchre,' so the psalmist lamented, if I am not mistaken. It is their wickedness, and the sepulchre is theirs. They will perish from themselves."

Ansgar came up to Aloys and, kneeling before him, pillowed his head upon Aloys' knees.

"I feel so good with you," he said softly.

Aloys gave a stroke to Ansgar's hair:

“Let it rage – far away,” he uttered. “Nothing can affect us.”

Ansgar raised his head and, taking his friend’s hand into his affectionate palms, smiled to him.

XXIV

When Aloys appeared at the university, where his studies were coming to an end, Albert stopped him in the corridor.

“Where did you vanish?” he asked Aloys. “Did anything happen?”

“I felt a little unwell.”

Albert scrutinised Aloys’ haggard face.

“We all missed you,” he said. “Last Sunday we recalled how wonderfully you had played for us. By the way...” Albert assumed a mysterious air, as if he intended to announce important news. “While you were absent, something happened...”

“Well?” Aloys became interested.

Albert took Aloys by the arm and led him to a window.

“Now then!”

Albert looked at Aloys, anticipating that impression which he wanted to make, and then declared:
“A renowned poet visited our city – Klaudius.”*

Aloys had heard something of him.

“It goes without saying that he did not fail to visit

* Matthias Klaudius (1740 – 1815) – a German poet.

our circle," continued Albert. "Enjoyment was mutual. But the most important thing!..." He raised his finger, smiling like John the Baptist by da Vinci. "Conversing with him, I mentioned you..."

"What for?" Aloys did not understand him.

"Concerning connoisseurs of poetry. As an example. Moreover, I said that you are a remarkable composer. And he replied..." Albert paused for one instant, wanting to keep Aloys in suspense. "He replied that he would like to meet you."

"Me? What for?" asked Aloys, still more puzzled.

"It has to do with music," Albert stepped aside, intending to go away. "Come to our gathering next Saturday. He will be there, and you will learn everything from him. As to me, it is time to go," and Albert hurried to his lecture-room.

XXV

On Saturday Aloys was in the familiar room in the attic – the room illumined not by candlelight, but by the soft yellow light of the evening sun. The members of the circle gathered near him, when he sat on the edge of the sofa, crossing his legs and clasping his hands round a knee. He answered their questions politely and shortly and asked them about their news, new works, and ideas. So some time passed. At last, the door opened, and a thin middle-aged gentleman in travelling clothes entered the room. He had fine features and an intelligent gaze. His long blond hair was combed back, revealing his high forehead with

slight early wrinkles. It was Matthias Klaudius. All eyes turned to him. Aloys got up and, together with the others, greeted him. After the interchange of greetings and polite remarks, the poet was given the best place – in the arm-chair – and Albert proudly introduced Aloys to him.

"Your friends spoke very well of you," said Kladius, scrutinising the face of Aloys, who sat before him on the sofa beside Albert. Aloys murmured somewhat shyly: "They are very kind to me."

"As far as I know, you are a gifted composer," uttered the poet half-questioningly. "Would you like to please me with one of your works?"

Aloys was prepared for such a request.

"With pleasure," he replied.

"I ask you to play, then," Klaudius, smiling encouragingly, made a light inviting gesture towards the piano.

"What does he intend to tell me?" thought Aloys, sitting down at the instrument with such confidence, as if he were accustomed to play for hearers. A composition, which he had chosen beforehand, was a short lively rondeau. During the performance, he could not see Klaudius, who was sitting sideways, and he would not dare to glance at him lest his play should be disturbed, but he felt his attention, as if Klaudius were to appraise his skill. Finishing, Aloys turned to him. The poet's face expressed admiration. Aloys rose, bowed, and then stood still in hesitation.

"It is amazing!" his eminent hearer exclaimed. "I could listen to your music further, but I am afraid of seeming importunate."

"Thank you very much," responded Aloys, blushing. He continued to stand near the piano, touching

the raised fall board and looking expectantly at the poet. Klaudius, apparently feasting his eyes on him, said: “However, let’s leave that for next time. Do not be shy, take a seat.”

Aloys returned to the sofa.

“Have you ever tried to find a job that would suit you?” asked Klaudius.

“Not yet.”

“But you would like to find it, wouldn’t you?”

“Of course!” Aloys, drawing himself up, waited for what Klaudius intended to say.

“I have a proposal for you, then,” Klaudius uttered in the same calm and friendly voice. Aloys held his breath.

“What do you think about working as an orchestra conductor?”

Aloys moved forwards, gazing at the poet.

“It would be an honour for me!” he breathed forth in excitement (Albert’s face lit up). “Where?”

“In Copenhagen.”

Aloys was taken aback. In Copenhagen?... So far away?... Ansgar would hardly agree to move there: for him as for a poet, it would be difficult – or even impossible – to get accustomed to new conditions... No, Aloys could not... But – the post of conductor!... And – in Copenhagen!... Oh, Lord, what a pity!

“No, I cannot...” Aloys murmured with effort, looking aside.

“If you do not speak Danish, you can learn it.”

“I speak it... I have to decline your proposal.”

“But you do this regretfully,” Klaudius remarked with sympathy. “I am sorry. You have a great talent.”

“I cannot...” Aloys whispered without looking at the poet. Albert, not understanding anything, watched

him. Klaudius rose: “I have to take leave of you.”

Aloys glanced at him with a miserable expression. The poet gave him a smile of cheer:

“I liked your music very much. It will be one of pleasant memories of my stay in this city. As to the post... It is a pity – a great pity that you have declined my proposal. However, I am sure that you will find a good job easily.”

As soon as Klaudius went away, Albert rushed to Aloys:

“Why did you refuse? Such a chance!... Who knows if there will be another opportunity?”

“For aught I care,” Aloys replied in a dull voice, with his gaze directed towards the window. The sun was drooping behind sharp roofs. “For aught I care...”

“But this is a folly!” Albert continued lamenting. “To miss such a chance!... Oh...” He moaned, as if he himself had missed it. “Tell me what hindered you from agreeing to his proposal?”

“Nothing special.”

“Nothing special?...” Albert repeated, whistling in surprise.

“I did not express myself well,” Aloys turned to him and, assuming a serious air, uttered dramatically: “I am very attached to my homeland. To depart for another country, for Copenhagen... No, it is too painful. I shall not survive in foreign parts.”

Albert understood his explanation.

XXVI

Later, in his room, Aloys told Ansgar about the

proposal. Ansgar was surprised at Aloys' refusal, thereafter he expressed regret, and finally he said with almost-reverent joy: "I knew that you loved me, but I could not even suppose that you were willing to sacrifice your success for my sake."

Aloys, sitting at the desk, replied simply: "Remember our conversation. I compose music for you, first of all. If you are with me, I shall be content with any job – even the job of a scribe."

Ansgar gazed at Aloys like at a sacred image. Aloys rose, paced the room and, recalling Albert's lament, smiled ironically to himself.

"What do you think of?" Ansgar asked him.

"I remembered Albert," replied Aloys carelessly, stopping by the window and looking out of it. "He is a nice lad. He sympathised with me sincerely, and could not comprehend why I had refused."

"What did you tell him?" Ansgar wondered, leaning his elbow relaxedly on the headboard.

"I invented that I am very attached to my fatherland, and therefore I should not survive in foreign parts," Aloys said in laughing.

"Did you invent?..." Ansgar repeated, raising himself.

"Yes. What surprises you?" Aloys turned to him and met his guarded look.

"This is nothing more than a joke to you..." Ansgar's voice was unusually cold. Aloys was embarrassed.

"Yes, in this case it was a joke," he murmured. "I told you about the true cause of my decision."

"But if we leave this case..." persisted Ansgar. He sat, with his elbow upon his knee, and stared intently at the perplexed Aloys.

"Why do you ask about this?" uttered Aloys cho-

kingly. “Is this of any importance in our relationship?”

“To me, yes.”

Aloys shook his head in amazement: “Ansgar, I do not recognise you...”

“You do not know me very well,” replied Ansgar, relenting. “What is only a joke to you, is a serious thing to me.”

Aloys lingered in confusion, but soon he took a grip on himself.

“Very well!” he said cheerfully and stepped resolutely towards Ansgar. “You are a poet; for you, it is more important to feel the roots,” Aloys stopped in the middle of the room, looking confident and friendly. “As to me, I may feel something not completely.”

Ansgar gave him a faint smile. Aloys quickly approached him and, snuggling gently up to him, whispered: “It is good that I have discovered one more trait of your personality.” He began stroking his friend gingerly: “I like studying you so much... I like getting to know you better...” His tender little hand slipped into the neckline of Ansgar’s shirt, and his lips touched his neck affectionately. Ansgar forgot all.

XXVII

The end of June approached unnoticed, and with it, Aloys’ twenty-first birthday. Awakening late in the sunny morning, he saw a merry little bunch of flowers on a chair near the bed. Ansgar was absent. Aloys sat up, took the bunch and, smiling, breathed in its fine honey scent, whereupon he looked at each flower,

imagining how Ansgar had gathered them carefully in dewy meadows. White, blue, red flowers – they were joyous like Aloys' mood. Meanwhile, the door opened slowly, and Ansgar noiselessly entered the room. Aloys noticed him and lifted up his shining eyes over the flowers. Ansgar stood still, admiring Aloys, who was happy, tender, and pink after sleep.

"Thank you," said Aloys. "I am pleased to receive this gift."

Ansgar smiled a little shyly and, coming up to his friend, uttered with a secretive look: "I have something more..."

Aloys put the vase upon the chair and, in joyful childlike anticipation, looked at Ansgar. The latter took something in a white handkerchief out of his pocket and gave it to Aloys with loving care. Aloys received the thing gratefully, feeling a heavy firmness through the cloth.

"What is this?" he whispered with interest. He lingered a little and then slowly unwrapped the gift. On his palm there was a gold pocket watch. A sunbeam fell on it, and its cover decorated with small diamonds began sparkling merrily.

"Oh, Ansgar!" Aloys exclaimed in rapturous amazement. "What beauty!" Having never received such luxurious gifts, he gazed spell-bound at it. Thereafter he glanced at his beloved.

"It must be very expensive," Aloys supposed, knowing how insignificant Ansgar's income was.

"Do not worry," replied Ansgar reassuringly. "I inherited it. The main thing is that you like it."

"I like it very much," Aloys opened the watch. On a white dial the fine hands showed eleven o'clock. He brought the watch up to his ear and listened to its

movement.

"Thank you," Aloys uttered, being touched by Ansgar's kindness. "Lean towards me."

Ansgar obeyed, and Aloys, putting his arm around his friend's shoulder, kissed him on the responsive lips. Moving away, he glanced thoughtfully at the watch and the flowers, and then at his content smiling beloved, as if he tried to remember that sunny moment of their happiness.

XXVIII

Aloys' studies were completed, and he could spend all his time with his friend, who did not hasten to return home. He successfully supported his restless spiritual son (who was almost his coeval) by means of letters and was paid sufficiently to live modestly and share his money with Aloys. The latter accepted the help with grateful shyness and asked his parents for a small sum from time to time. What lay in store for him? He did not want to think of that. The peaceful current of days enchanted him, and whatsoever was ahead, he desired only to be with Ansgar.

One clear July afternoon the youths went to a river flowing nearby. They passed a meadow smelling of honey and found themselves on a bank overgrown with silvery willows. There they chose a cosy sandy bight.

"I have not swum in the river for so long!" Aloys sighed, gazing at the alluring dark water.

"What if this will be harmful to you?" said Ansgar concernedly.

Aloys thought a little and then replied carelessly: “The day is so hot... What may happen?” And he began to undress unhurriedly, while Ansgar, settling on the sand, watched him spell-bound. At last, the shirt, the breeches, the stockings, and the little shoes were put carefully aside, and, against the green background of the other bank, the nude Aloys stood, delicate in his lines.

“Why are you not undressed yet?” he asked Ansgar.

“Later...” Ansgar did not take his eyes off him. “If only you could see yourself! Sometimes I regret that I am not a painter.”

Aloys stood in contrapposto, lightly resting one foot on a cobble, and gazed at his friend with a proud awareness of his attractiveness. Thereafter he turned gracefully and, walking up to the water, entered it cautiously. The water was pleasantly warm. Feeling smooth stones under his feet, he took a step towards the depth, then another, and finally gave himself up to the caressing current. Ansgar quickly took off his clothes and threw himself into the water.

“M-m, what delight!” Aloys tried to keep afloat on his back. His face expressed bliss. Ansgar, who enjoyed batching too, did not move away from him, watching him with concern. But Aloys felt excellently. There were neither difficulty in breathing nor sudden poignant pain nor usual short fits of coughing, but only a delightful sensation of freedom and peace. Under the caresses of the current and Ansgar’s gaze, the familiar sweet languor took possession of Aloys, and he, with the same unhurriedness, swam away to the bank and came out of the water. Ansgar followed him. They spread a sheet on the sand and settled on it. Aloys reclined, leaning on his elbow, and looked

expectantly at his friend. His long hair was wet and seemed still darker, and his beautiful body was shining with drops of water. Ansgar, lying on his side, watched a drop running down Aloys' fragile breast to the erect pink nipple, where it changed into a glittering diamond – the diamond of one instant of waiting – quivered a little and then fell. Ansgar cuddled Aloys impetuously, and this world vanished for them.

Later, they lay on their backs and gazed at the azure sky.

"Somewhere there," uttered Aloys; "our life will continue. However..." He paused for a moment. "Who knows where is Eternity? God is everywhere."

"Yes, He is everywhere," agreed Ansgar. "But His presence is especially felt in a church. When I visit it, I have a sensation of being alone with Him," he turned to Aloys. "Let's go there one day!"

Aloys gave him a sidelong glance:

"Why to seek His presence in a crowd?" he said. "He is in our very love, which is His gift."

"Yes, but..."

Aloys put his arm behind his head and continued: "Churches, rites, and everything else are to waken and feed only a hesitant religious feeling. For the one who knows God, they are superfluous."

Ansgar sat up abruptly.

"Superfluous?..." He even gave a whistle with amazement. "Are sacred things superfluous?..."

Aloys looked at him in surprise.

"Such is my opinion," Aloys replied calmly. "I do not want to argue with you."

Ansgar bowed his head:

"It is unpleasant for me to know that you think differently," he whispered.

"... that I believe differently?..." In Aloys' voice bitterness was heard. He sat up, too. "Do you remember I once spoke of my apprehension? Was I right?" A sense of foreboding clenched his heart.

"Yes, you were right," Ansgar responded in a dull voice and looked him straight in the eye: "I am a Lutheran, whereas your faith is your own."

They fell silent. After a pause, Ansgar supposed: "Perhaps, your parents are unbelievers?"

"On the contrary, they are zealous Catholics."

"But why did they not instil their beliefs into you?"

"Faith is not a matter of education," said Aloys firmly. "It is given neither by one's parents nor by the Church, but by God."

He got up and began to dress. Ansgar remained sitting pensively.

"You are right," Ansgar uttered at last. "Faith comes from God. But education gives it a right course."

Aloys, fully dressed, was smoothing out the lace on the cuffs.

"A right course?..." he repeated with a chuckle, stopping his occupation. "Do you mean that God's actions need human correction?"

"No, you do not understand me..."

"I understand you."

"I did not express myself well," Ansgar thought a little, choosing words. "Education transmits tradition..."

"What is tradition for if there is faith?" asked Aloys derisively, gazing at him.

"Again!..." Ansgar exclaimed in annoyance. He got

up and began to dress, too. Aloys watched him. Something went wrong. Why?

"Come along," Ansgar told him, finishing dressing. "I do not want to argue here," and he wended away – as lightly and resolutely as ever. Aloys glanced around the bank and then followed him.

XXIX

Returning to their room, they both were silent for a long time. Ansgar tried to read, thoughtlessly following lines, whereas Aloys stood in a dismal stillness by the open window. At last, Ansgar broke the silence.

"Let's make peace," he said friendly.

Aloys turned to him: "Why? I am not angry with you."

Ansgar rose, smiling somewhat apologetically, came up to Aloys, and cuddled him. Aloys embraced him heartily in response.

"It was a devilish temptation – our argument..." Ansgar whispered, stroking Aloys' silky hair.

"No, it was not a temptation," Aloys moved a little away from Ansgar and looked at him. "It is only our ignorance of each other."

"But then you know all now."

"All?"

"Yes. Faith is the most important thing."

"And the rest?" Aloys remembered the chill during the conversation about their homeland.

"The rest is unimportant. To each his own. It are principles that must be the same."

"What if they are not the same?"

“One ought to make them such, then!” exclaimed Ansgar, as if he rejoiced at the idea.

“Who ought to make them such?” asked Aloys emphatically, releasing himself from Ansgar’s embrace.

“The one who is wrong.”

“Who of us is wrong?” Aloys felt uneasy again. Ansgar did not reply.

“Do you think I am wrong?” Aloys broke the silence.

“I have not said so.”

“But you think so!”

“Oh, Lord!” Ansgar recoiled from Aloys and began pacing up and down the room. “Arguing again!...”

“Alas,” sighed Aloys. “It is impossible to live peacefully with an opponent.”

Ansgar stopped: “Why do you consider me to be your opponent?”

“You must understand this,” Aloys’ voice was absolutely calm.

“What should I do? Change myself?”

“If you can...” whispered Aloys.

Ansgar narrowed his eyes: “Do you realise what you say? You ask me to renounce my faith!”

Aloys felt uneasy, but he still kept an imperturbable air.

“Faith and religion are different things,” he uttered calmly. “Faith comes from God, whereas religion is invented by the man. Try to separate the wheat from the chaff!”

“Chaff?...” repeated Ansgar derisively. “Are God’s behests only chaff to you?”

Aloys regained his usual resolution.

“God’s is only what is pristine. Temples, service, and dogmata are behests of humans. Of *humans*!”

“Yes, but those humans were God’s people,” Ansgar stopped by the desk and leant against it. Aloys continued to attack him: “But why do you follow them, if you hear God? What are intermediaries for?” He raised his voice. “Or...” He paused. “Or is the power of your faith not sufficient?”

“Stop it!” Ansgar thundered in striking his hand on the desk.

“Ha!” chuckled Aloys triumphantly. “I am right!”

“Do not judge what is unknown to you,” Ansgar murmured in a dull voice, sinking wearily into the chair.

“And your spiritual son?...” reminded Aloys. “Can you know him completely? Notwithstanding this, it is your work to judge his actions and movements of his soul and to guide him.”

“I do this not according to my will, but...”

“... according to behests,” Aloys finished for him. “You do this according to behests of God’s humans, who show you how you must believe.”

“You are insupportable!” Ansgar buried his face in his hands.

“We shall be such for each other if one of us does not give in,” said Aloys composedly. With a confident and independent air, he was standing by the window, leaning against the windowsill. Ansgar glanced at him:

“I leave it to you,” he uttered quietly.

Aloys replied with a scathing look:

“Do you suggest to substitute an invention for faith?” he asked derisively.

“Why do you consider your conviction to be true?” Ansgar began to attack Aloys.

“All that comes from God is true.”

“Are you sure of its coming from God?”

"Yes, I am."

"Why?"

Aloys averted his face and looked out of the window. The sun had set, and the street was dark.

"If it had not been true, it would not have saved me," he murmured.

"Does it not save me?"

"Yes, it does," Aloys turned to Ansgar. "But your faith is encrusted with ideas which humans instilled into your soul. You were raised in the bosom of the Church, and you absorbed its postulates, but look! – how many religions exist! Do you think they are all right? Only God is right."

"Do you mean that all the religions are erroneous? One universal error?..." Ansgar rose and began pacing the room again. "Do you not feel that it is the spirit of the times that makes you think so? You say the same thing as those whom you criticise!"

Aloys was unshakeable:

"You assert this, for you do not understand my thought," he said calmly.

"I do not understand it?..." Ansgar repeated in amazement, stopping near the bed. "Having got to know you, I do not understand it?..."

"Yes."

"But you – do you understand me? Do you understand what was in my soul when we met? Do you understand what you saved me from?" Ansgar's eyes became fearful with pain arisen within him. "And you are destroying all because of your devilish obstinacy! Have you saved me in order to destroy me yourself?"

"Pray, stop it," Aloys' face was distorted with anguish.

"What next?"

“Do not argue with me anymore.”

“I cannot agree with you.”

“Try to agree with me if you do not want to lose me.”

“I should rather lose you than ruin my soul,” Ansgar exclaimed and fell face down on the bed.

“But I shall remain in your soul,” said Aloys softly. “You love me, I love you: what are arguments for? Only take a step to meet, and we shall be happy again!” He came up to Ansgar, who lay motionless, sat down on the bed beside him, and passed his hand over his friend’s hair. Ansgar was silent. Aloys understood that he had overcome him. Not “convinced,” but “overcome” – with his stubbornness and necessity. Wherefore Aloys himself felt defeated.

“Ansgar!” He stroked his friend’s shoulder. “Let’s make peace and forget this!” His hand slipped down Ansgar’s back. “Why quarrel if we can be together?” Aloys began caressing him more insistently. “Why attack each other if we can love each other?” His hand moved gently to the neckline of Ansgar’s shirt. Ansgar turned over and pulled him impetuously to himself.

XXX

Thenceforth, every day there were fruitless arguments in an attempt to make each other change his mind, passionate reconciliations, and the anguish of the sleepless dawn like a question of what would happen that day.

“We are destroying our happiness ourselves,” said Ansgar regretfully. “These months I experienced such

bliss, which I had no longer hoped for, but now I feel that something is breaking. Still unnoticed, gradually, but it is breaking…"

"We can stop this," replied Aloys confidently. "Only look round you, change a little, and all will be well!"

"You demand too much."

"All is possible for the one who loves."

"I cannot abandon God for your sake."

"We worship the same God."

"But we perceive Him differently. I cannot feel with your feelings."

"I do not demand this, Ansgar. No one can feel and think as another person, even if that person is one's equal. Even lovers are separated by their inner world for their entire earthly life."

"But then they will be united later."

"We shall not be united there. We are unkindred to each other now, we are apart here: *what* can be united there? Oh, Ansgar! Only one movement towards me, and all will be well – both here and there!"

"I cannot do what you ask."

"But I cannot exist without you. There is no life without a friend. It is inexistence."

"Why suffer so much? Change your world outlook a little…"

"… to seek in churches the One Who is within my soul? And to recognise all that is contrary to my sensation of the world? Do you understand what you want?"

"And you – do you understand what you want?"

"I want your love… Ours…"

"Damnation! It is a vicious circle!"

"We shall be unable to break it until one of us gives in."

"How many times have I told you that it is beyond my powers. I am a churchman: it is my way of life, my service, my daily bread..."

"This is bitter bread."

"I agree. But then it comes from God."

"And my faith – does it come from the devil?"

"I have not said so."

"But you think that I am mistaken."

"Yes, I do. Some your views are erroneous."

"My mistake is that I did not erect a wall between God and me?..."

"Your mistake is that you do not recognise His Word."

"His Word!... What was revealed to me at the very beginning of my conscious life, what shaped my consciousness, what is inseparable from my essence – do I not recognise it?"

"Well, you recognise it. But you hear it wrongly."

"And you – do you hear it rightly? You hear what is re-told to you!"

"You are not Moses either."

"Neither of us is Moses, but God speaks to all. However, a few persons are able to hear His speech and to reply to Him."

"Are you able?"

"My very feeling for you was a reply to Him, Ansgar. God wants people to love each other. And lo! – all is being destroyed because of a misunderstanding!"

"Stop it, then!"

"Why it is I who must do this?"

"But why it is I who must do this?"

Such conversations were repeated every day...

XXXI

Low dark clouds, tinged with lilac reflections of the sunset, were covering the sky from the east; and in that union of light and dusk, clearness and vagueness the belfry with the shining cross rose triumphantly. Ansgar stood by the window, with his hands behind his back, and gazed at the sky.

"What do you see there?" Aloys asked him from the bed, putting a book aside.

"Nothing. Absolutely nothing," he turned to Aloys. "I feel fear..."

"Fear of what?" Aloys sat up.

"Of my love for you. Just so, do not be surprised. It surpasses me, and I fear its power," Ansgar came up to Aloys and, sinking beside him, embraced him impetuously.

"If we had not argued, would you have felt this?" asked Aloys, sensing his friend's heart palpitating anxiously.

"I do not know... But now..." Ansgar could not find right words and only cuddled Aloys, as if he were losing him. Hollow peals of thunder were resounding in the distance.

"My God, let it end!" uttered Ansgar chokingly.

"What?" Aloys raised his head and looked into Ansgar's yearning eyes.

"This confusion... I feel uneasy."

His anxiety was transmitted to Aloys.

"I shall play something for you," he suggested. Ansgar agreed. Aloys took the violin and, standing in the middle of the room, began to play tenderly and sadly, as if evoked sounds were living yet doomed to die. Ansgar gave himself up to the music. He closed

his eyes and immersed himself in the enchanting melody. After a while, he opened his eyes and began admiring his friend – pensively and lovingly. Meanwhile a thunderstorm was approaching. From time to time, white flashes illumined the room, turning it into a ghostly space of music and love; and peals of thunder mingled with the melody, which seemed to last at some sad heights – sometimes calling insistently, sometimes fading into an unknown distance. Aloys, the music, the thunderstorm – all was united, all was one thing – God's word addressed to Ansgar. But did he comprehend that word?

At last, the final stroke of the bow sounded in unison with a peal of thunder in the darkness, and in the growing peace there arose the noise of a quiet rain. Aloys returned to Ansgar.

"Thank you," Ansgar said gently, receiving his beloved into his arms. "When I was listening to you, it seemed to me that you were playing my mood. I desired to dissolve in your music, to change into it..." His lips affectionately touched Aloys' glowing cheek.

"And I want to dissolve in your warmth," replied Aloys, putting his arms round Ansgar's shoulders. "To become it, to become inseparable from you, to become a being of warmth..." He found the lips of his friend and pressed his mouth to them. Ansgar responded; and in the gloom, to the monotone sound of the rain, they kissed for a long time, trying to appease the unappeasable.

XXXII

The summer passed, and in the beech grove, whither one sunny afternoon Aloys came to think, the thick foliage was already suffused with the shining yellowness. Aloys walked along the same path where he had strolled with Ansgar in the spring and, finding a fallen tree, sat down on it. An oppressing lassitude possessed his body, whereas his spirit was lively and keen: this was a habitual condition that accompanied his illness. Aloys bowed his head and, feeling the sun pleasantly warming his back, began to cogitate.

He pondered over what he was to do. He and Ansgar perceived God as everyday reality – one did according to the feeling, whereas the other followed the tradition; they both were sure that they were right; they both desired to convert the other to his own faith. Aloys tried to change Ansgar, deeming his soul to be limited with somebody else's ideas; Ansgar attempted to influence Aloys, for he did not want to leave him in what he considered an error. Their coexistence turned into a confrontation – an evident or latent confrontation. The latter was still more painful for Aloys. When he defended his point of view, Ansgar impugned it passionately, and both strove to change each other's mind, he had at least the illusory sensation of following Ansgar's inner life. But when they were silent, it seemed to him that his friend sank into a poignant darkness, and Aloys was anxious. What could he do if he could neither give in nor win? Aloys closed his eyes for a moment. Not a single sound reached his ears, and it seemed that some last effort sufficed to hear the past.

Out of that silence, out of the depth of Aloys' weary

febrile consciousness, there arose what appeared to be the only yet impossible solution – to part from Ansgar. To part from him in order to preserve Aloys' own personality and to stop tormenting his friend. To part from the one whose warmth comforted him, whose embrace was his shelter, whose existence had become his own... Aloys closed his eyes in shaking his head. To stay?... Neither of them would give in. Why to continue the confrontation of two equal forces? To go away...

Aloys was walking back shakily as if in a dream. Entering the room, he saw Ansgar agitated.

"Where did you vanish?" Ansgar rushed to him. "It is already getting dark..."

XXXIII

One evening, after an argument, Aloys went to the poets.

"We did not expect to see you again!" exclaimed Albert, embracing him. The faces of the others expressed genuine joy. They loved Aloys in their own manner, and he was touched by their kind attitude, which he noticed for the first time.

"We have plenty of news," added Franz, settling on the armrest of the arm-chair. "Albert has published his second collection of poems, Thomas has finished a historical ode, Carl has written a new drama, and I continue writing poems. And you – how are you?" Aloys replied something; and there began a habitual animated conversation of the poets, with reading of their poems and a friendly encouraging discussion about those works. All was peaceful and superficial.

Aloys forgot his troubles and calmed down. At the end of the meeting Carl asked him to stay for a minute:

"I should like to speak to you," he said and made the others understand that they ought to retire. Left alone with Aloys, Carl stood at some distance from him and, putting his hands behind his back, declared: "I want to suggest something to you."

Aloys looked questioningly at him.

"I advise you to move to Sweden."

"To Sweden?" Aloys was surprised. "But why to Sweden?"

"Our king is a patron of arts," Carl began pacing slowly up and down the room. "In Sweden you will win the recognition for your music far easier. This is quite different from Klaudius' idea."

"But he told about a job..." Aloys hesitated.

"Pay attention to the attitude towards arts!" Carl raised his finger significantly. "In Denmark you could have found a certain job, but you would have remained unnoticed as a musician, whereas in our country you will receive a worthy reward for your works."

"You exaggerate..." objected Aloys, beginning to yield.

"Not at all, I live and write there. I know whereof I speak. You need only to appear with your works, and you will be noticed. Talents do not perish in our country. But here..." Carl was silent for a while, choosing words. "Here you will be faced with too many rivals, envious persons, and opponents. In Sweden there is more freedom – more space for work, so to speak. Think it over."

Indeed, Aloys fell to thinking.

"No," he uttered after a short silence. "All this is too uncertain. Imagine, I arrive in a foreign country, I set-

tle down all alone, I roam with my works everywhere; what if I shall be rejected?"

"You may return, then," Carl replied, with the same calm confidence. "Just try! In any case, such a journey will be of benefit to you. You will see new places, you will meet talented persons... By the way..." Something dawned upon him. "Do you speak Swedish?"

"Yes, I do."

"Very well! You will familiarise yourself with our country and its musical life and, even if you do not stay there, one day you will be able to write a Swedish opera or a cantata."

To depart... For Sweden... Away...

"I need to think about this," said Aloys gravely.

XXXIV

To depart – this might be a way out. A distance, new conditions, and success in music would help to forget Ansgar...

Aloys rose from the desk, where a candle was burning down, and approached the bed noiselessly. Ansgar slept. He lay on his back, one hand rested upon his breast, his head was inclined, and his lips were bitterly compressed, as if he were lost in thought. A thick wavy lock of hair fell along his face, lending it a defenceless gentleness. Aloys sat down on the edge of the bed, gazing at Ansgar. He saw himself in him – himself in the restless sleep of loneliness, after which it was still more painful to awaken. How many times had he imagined the bliss of awakening beside a friend, like resurrection! Resurrection had come, that of them both,

but not to life – to its torturing possibility. Neither of them was guilty of their incomplete coming-to-be, both of them were right, for they both followed the right path, but their paths were parallel. Aloys and Ansgar, they were different in fundamental things as well as they were equal in the desire to love. The capacity for love is a gift, and the aim of the One Who gives it is the happiness of little human beings created solely for love. Though Aloys and Ansgar knew this, they could not thank Him together. In the inmost, most important concepts they were disunited. Aloys understood that Ansgar – as well as he himself – was tormented with that silence – with loneliness before God. To depart meant not only to preserve his, Aloys', personality, but to protect his beloved from additional bitterness.

Ansgar stirred with a moan, passed his hand over the edge of the bed in search of something and, touching Aloys, called him by name. Aloys took his friend's hand.

"Sleep well, I am here," he whispered.

"You need to rest, too," Ansgar replied softly. "Why are you awake? Did you write anything?"

"No, I did not write, I thought."

"About what?"

"About various things."

"To be anxious is harmful for you. Do not worry. Go to bed," Ansgar moved over.

Aloys blew out the candle, undressed quickly, and got under the blanket. Ansgar cuddled him silently and began stroking him with sad tenderness. No, Aloys could not... He did not want anything, but to love Ansgar, to feel affection for him... As if after a long separation, Aloys started to caress his beloved as

desperately as one seeks a way out of darkness – to caress until Ansgar united with him in a reciprocal yearning. Satisfying himself with one instant of unity, Aloys fell asleep peacefully beside his friend like on the shore of Eternity.

XXXV

The next morning, rainy and dark, Aloys had a new bout of hemoptysis.

"I told you that you ought not to worry," Ansgar, with an anxious gaze, gave a clean handkerchief to Aloys. "You may lose the rest of your health." He sat down on the edge of the bed where Aloys lay.

"For aught I care," responded Aloys apathetically, putting his hands upon his belly – the hands, which were almost as white as the cloth given him. His face was pale, too, and only his cheeks were suffused with colour, as if an over-worldly dawn illumined Aloys.

"But then I care," replied Ansgar calmly. Aloys glanced at him.

"You have already lost me," he uttered softly. "Our existence is only a reminiscence of the bygone joy."

"If it is so, we both did all the possible to make this happen," said Ansgar, getting up. "Rest. I shall go to the milkman."

Ansgar avoided an argument, and Aloys felt gratitude and respect – respect, which was still greater than at the beginning of their relationship. Unable to give in, suffering from Aloys' and his own stubbornness, in a worse loneliness than after his first friend's departure, Ansgar continued to spare him. Notwith-

standing his vehement ardour, Ansgar had an absolute power over himself and cared of Aloys not only during reconciliation, but even in a fit of anger. He was a rational man, and his inner world – that dark flame – was subjected to his mind, together with an attachment for another being – an attachment, which was the source of life for him. As to Aloys, he – like Ansgar – needed little to put his feelings in motion, but it was necessary much to stop them. His mind scarcely influenced him, his trained will often turned out to be weak to withstand the pressure of his rebellious passions; and sometimes he feared himself, his own core, whence there arose those bursts, which – as it seemed to him – could annihilate him one day. Faced with the necessity to tear himself away from the one whom he had become part of, to get out of his friend's loving embrace into the desert of the world, he did not believe that his feelings would allow him to do that. For Ansgar, it would be far easier, he supposed. More than once, Aloys was tempted to tell his friend about the inevitability of their separation and to ask him to leave him, to vanish from Aloys' room and life, going to a place where he would not seek him. To leave Aloys like a hepless wounded person – no, Ansgar could not do this. Someday Ansgar might acknowledge his defeat in the endeavour to make Aloys change his mind – in the endeavour to overpower him – and then he might begin to endure Aloys as one endures pain in a member of one's body, for it is impossible to chop it off. To be pain to him?... If Aloys lacked strength to do something for himself, he could do all for Ansgar. To go away – for Ansgar's sake, in order to free him from pain...

A new bout of cough interrupted his cogitation. Re-

covering his breath, Aloys continued thinking. Ansgar did not acknowledge – or did not understand – his failure in the effort to convert Aloys. If Aloys did not part from him, Ansgar would try to influence him with all the cautious insistence of his confident personality, undermining Aloys like a wave does a cliff. Would he be able to withstand this? Would he be able to observe Ansgar's actions constantly in an attempt to comprehend them? Aloys' independent and proud nature revolted against a possibility to be changed by force. He *must* depart, even if it would be a blow to Ansgar.

XXXVI

Aloys put off the difficult conversation from day to day. Harbouring his intention like a whetted double-edged knife, he did not hasten to deliver a blow – to them both, and he observed Ansgar stealthily, memorising him unchanged. He watched him reading his Psalter at the desk, and it seemed to him that not a candle, but the book itself illumined Ansgar's face by an over-worldly light, making it almost unearthly. Or Ansgar composed poems mentally, lying on his back, and his gaze was thoughtful, as if it penetrated everyday life and reached depths unfathomable to others. Or he had breakfast, stirring his tea businesslikely and cutting off a see-through slice of bread... All this would vanish, and therefore Aloys lingered. Meanwhile, the knife was getting still heavier. Understanding that he would soon be unable to raise it – to utter the prepared words, he pulled himself together.

"Ansgar!"

An attentive look met his over the tattered book.

"Ansgar..."

"Well?"

"I want to say... To be exact, I do not want to say this, but I have to..." Aloys rose as he always did during an important conversation and, coming up to the window, stood there. Ansgar gazed at him.

"I have to part from you."

The book tumbled on the floor.

Never had Aloys seen such an expression on Ansgar's face. Amazement, pain, and even fear came over it, as if he were sentenced to death.

"Why?" His question sounded like "For what?"

Aloys moved involuntarily towards him and stopped.

"You understand that we cannot be together," he murmured, trying to be imperturbable.

"We cannot be *together*?..." repeated Ansgar emphatically. He was quite white.

"I know it pains you. It hurts me, too. But if neither of us can give in, we have to part."

Ansgar bowed his head. His hair fell on his face and hid it from Aloys. The latter was waiting. Ansgar sat motionless, without a word to say. It seemed to Aloys that his friend was weeping. "My God, what is all this for?" He turned away to the window – to the hopelessly-grey sky. God, Whom he felt like life, was depriving him of the one who was its meaning – his brother. "The Lord is a jealous God," and faith is of paramount importance.

"You are right," Ansgar uttered at last, making Aloys shudder with the calmness of his voice. Aloys turned round. Ansgar looked at him with sadness and awe.

“I should be unable to do this,” he whispered. Aloys caught his breath.

“May I ask you for a favour, Aloys?”

Aloys nodded assent.

“Please, do not hasten to depart.”

XXXVII

Aloys agreed to postpone his departure – to stop, raising his foot over an abyss. How long would his delay last? They both lingered now, and therefore they decided not to part until Easter.

Next Saturday Aloys appeared in the attic again, coming purposely towards the end of the meeting. He met Carl near the door. Aloys greeted the others, who intended to go away, whereupon he led Carl back to the room, made him sit down on the sofa and settled beside him.

“Well?” Carl was all ears.

“I thought it over,” began Aloys, knitting his brows; “and I came to the conclusion that your suggestion was rather advantageous.”

“Aha!” Carl jumped to his feet, clapping his hands with joy. “I knew that you would agree!”

“I should like to ask you about the journey. How much does it cost?” Aloys wanted to know this beforehand, for he supposed that he would not obtain money easily from his parents.

Carl calculated something and then replied: “If you want to travel comfortably, you need two hundred and fifty ducats.”

“But if I want to travel modestly, how much do I

need?"

Carl fell to thinking again, whereupon he said:

"Two hundreds ducats."

Aloys grew gloomy, imagining how he would beg for that sum.

"All right, I shall see what will come of it," he murmured.

In the evening Aloys was writing to his parents:

"Notwithstanding my deep respect for our dear Father, I cannot follow the path that he suggested to me, for it is against my nature. Music! – only it attracts me. Of course, you know my heart; and thanks to your love for me (which I value so much), you will not raise an objection to what may bring me happiness. I have decided to depart for Stockholm in the hope of devoting myself to my vocation. I know how much you will be grieved to learn this, but I hope for your understanding. As to my duty to the Lord, you may rest assured: in Stockholm there are ten thousand Catholics and two churches. I shall not be apart from the stronghold of our religion, and I shall pray for you and I shall thank the Creator for His gift, which is my certain aptitude for music. Lest this gift should perish, I need your help and, appealing to your love, I beg you to send me two hundred ducats by Easter." Aloys paused, thought sullenly for a while, and then added: "If it is impossible, I am ready to sacrifice my happiness." He knew that his father, who served as a clerk, could give him the required sum, but his esteem for his family made him feel uneasy in asking for what his siblings never demanded. Aloys sealed the letter, undressed and got quickly under the blanket, where Ansgar was waiting for him.

XXXVIII

The reply soon came. Aloys' father wrote:
"Dear son,
It is unnecessary to say how much we were pained by your self-will. Knowing our love for you and our desire to see you happy, you have dared to disobey and, rejecting what could be of benefit to you, you have chosen a path which is unworthy of a decent man. Music is beautiful by itself, but the work of a musician implies service and dependence on an opportunity. I told you about this. Even if difficulties do not frighten you, think over what you are intending to do. To depart!... To leave your family and your Homeland in the hope of an illusory success!... You intend not only to leave your hearth and home, but to maroon your soul. Ten thousand Catholics and two churches?... But are you sure of the unhindered performance of their most important duty? First of all, think it over. Then – does your Homeland not mean anything to you? The earth which has bred you!... And we – your family?... You have not a grain of gratitude to us, if you can leave us so easily. And you ask such money for this! – without thinking of your siblings!... Saving your gift, you will make them beggars."

Aloys indignantly put the letter aside, took a pen and a sheet of paper, and began to write the reply:

"Because of my love for you, I cannot help being terrified at your misunderstanding of my intention and me. It is needless to dispute your words: you know me sufficiently to see (when your ire passes) how bitterly you were mistaken. I love you and my dear siblings too much to depart light-heartedly. However, sometimes one ought to waive one's feelings.

As to the status of a musician in Sweden, you lacks knowledge of it, and I assure you that it is not so low as you think. Thank you very much for your concern for my soul, but I have to confess that I do not belong to the Catholic Church or any other. My faith is only mine. As to my Homeland, I owe all to the Lord and you, but not to this country. What I can do as a musician will be my service not to a nation, but to the man. In order to make this possible, I repeat my request to send me two hundred ducats by Easter."

Aloys wanted to depart for Sweden, for it would ease the separation with Ansgar. In another country, without a possibility to return at any moment, he would be compelled to forget him; whereas in Germany he might yield to his longing and reunite with his friend, losing himself and his faith, which was sacred to him. He explained all this to Ansgar, and the latter seemed to hope, thanks to his unselfishness, that Aloys would succeed in his intention.

The reply to the second letter came quickly, too. Aloys unsealed it with trepidation: if his father objected again, it would be impossible to make him change his mind. His father might refuse at first, but one had only to apply some insistence and eloquence, and he gave in. But if he remained adamant after the repetition of a request, one had to abandon one's intention... The most part of the letter consisted of lamentations about Aloys' faith and his attitude towards his homeland. The message ended in the words: "As to your request: you are no longer a child, my son. Do as you deem right. Money will be sent by Easter." There was nowhere to retreat.

XXXIX

Strangely enough, but on the threshold of the separation, Aloys and Ansgar felt peace. Understanding the impossibility to change each other, they abandoned their wearing attempts and gave themselves up to the serene current of their happy days, like in the beginning. Those days were indeed happy, for there were neither bitterness of the unnatural confrontation nor sensation of loneliness during an usual habitually-involuntary address to God. They simply lived together, sensing the blissful warmth of each other and delighting in every caress, every loving look, every minute of common silence. When it was raining, they remained with pleasure in their little room, which had become cosy and homelike; in rare clear afternoons they strolled in the environs – in the deserted, dumb beech grove and dark meadows where last improbable flowers peeped through dry yellow grass. Again, they animatedly read books and discussed modern poetry; Aloys played for Ansgar, and Ansgar dedicated his poems to him. The parting was only a remote possibility, whereas life was love.

So, gently and quietly, the autumn passed. In December Aloys and Ansgar celebrated the anniversary of their meeting: they recollected how they had seen each other in the attic of the university and compared the first impression with the explored image, wondering once again at the possession of what had seemed unattainable. A little later, there was a year since the day of the departure of Ansgar's first beloved, and Ansgar shared his reminiscences and thoughts with Aloys, confidingly as ever and without sadness, mentioning his deceased friend for the first time after that

conversation in the beech grove in May. Ansgar knew that Aloys regarded his first beloved without misplaced jealousy – on the contrary, Aloys had even some liking for his predecessor, who had not had time for anything but love for the one who had needed it and consequently he had done all. Thereafter Christmas followed: without the window, light snow fell from the sky, like a visible calm; and within there was an unexpected awkwardness because of the mutual silence. And then New Year's Day came like a line between the past and the future, between unity and separation. Thenceforth, Aloys could not forget what was in store for him – what he was dragging himself to on the rope of his stubborn will. Ansgar was calm.

In early spring Aloys took to his bed with a violent exacerbation of consumption. Ansgar nursed him as ever – he prepared a light and pleasant food, he changed handkerchiefs and spittoons, he brought water for washing, he read aloud to Aloys, he conversed with him, he was near... One night full of variable bright dreams, the forthcoming parting presented itself to Aloys so vividly that he awakened Ansgar with his scream, and on the borderline between sleep and reality he pressed against his friend and whispered something unintelligible...

The illness passed, too. All passed save the last day.

XL

At night before the departure they caressed each other so desperately, as if they desired not only to reach the other's soul, but to become him, absorbing

all his tenderness and all his sorrow; they contemplated each other in order to create an inner portrait of the other; they stroked each other with almost-reverential wonder at the miracle of beauty; they listened to their heartbeat and rested, with their eyes closed, embracing each other and dissolving in the other's loving warmth.

"To dissolve in warmth... Ansgar, that is all I want," in semi-darkness, Aloys looked sadly at his friend like the suffering Sebastian had gazed at the sky.

"To dissolve into warmth... If only I could express my feelings! They surpass me," Ansgar responded; and again, there followed kisses, embraces, and the entwinement in the exhausting aspiration to love...

In the morning Aloys was awakened by a light touch to his nude shoulder.

"Get up. It is time."

Aloys opened his eyes and saw the pale calm face of Ansgar. He sat up, not believing what was happening. To depart?... It was just the same as to put an end to one's life when all was well. Aloys rose, dressed accurately and thoughtlessly, and declined the offered breakfast.

"I am ready."

It was eleven o'clock. They were to part at noon.

"Come along," Aloys stepped resolutely towards the door. Two travelling-bags were there. "Wait a little!" he stopped Ansgar, who bent down to lift the bags. Aloys embraced his friend, snuggled up to him, and pressed his cheek against the warmth of Ansgar's neck lined with the stiff collar of his coat. Ansgar stroked Aloys slowly, cuddling him with care in his affectionate arms. To go away – out of that?...

“If hell exists, Ansgar, it is loneliness,” Aloys released himself from Ansgar’s embrace and took a step towards the door.

The street was flooded with the jubilant clear sun – a black deathly sun. Aloys was walking as though in sleep, not seeing anything, trying to go as slowly as possible to deceive the inevitability. He was walking as if to Calvary – together with his beloved, and wherefore the way was still more painful. A turn, a road, a coach on a square. He stopped before coming up to the coach.

“And that is all.”

“... all.”

They were still together yet divided. Feeling lost, they rushed back to the life-giving warmth.

“Ansgar!”

“Aloys!”

They no longer existed, and only their names remained like a warm trace of their personality.

The last embrace, the last meeting of the lips, a yearning gaze into each other’s eyes like into the own pain. It seemed that life lasted while the gaze did.

“I love you,” one after the other whispered in the last attempt to say their love – to express themselves, whereupon Aloys tore himself with an effort away from Ansgar. Ansgar helplessly unhanded him like a support.

Into the coach – into despair – into tears. All ended forever.

XLI

In Hamburg Aloys was joined by Carl who was de-

parting home. Although Carl's company was more pleasant than that of incidental fellow-travellers, Aloys was annoyed by his presence, for he wanted to be alone. Carl tried to start a conversation with him, but, having noticed Aloys' disinclination to speak, asked him with cautious sympathy: "It is painful to leave your homeland, isn't it?"

"Yes, it is," Aloys replied in a dull voice, directing his eyes indifferently to the window. Without there stretched green fields interspersed with small dark copses, which receded into a bluish wave of low hills on the horizon. He did not think of anything, nor did he feel anything save the spiritual emptiness, as if his essence were removed and there remained only the weakened envelope.

In a post chaise, they reached Lübek. There they had to wait eight days for a favourable wind, whereupon they stepped aboard a ship bound for Copenhagen. Towards the evening of the first day, the wind dropped, and the vessel heaved to. The passengers strolled a little on the deck and then went to their cabins. Carl no longer disturbed Aloys, and the latter, finding a nook at the bow, was left alone.

It was a strange experience for him – to be alone with the unbounded sky and the infinite water space similar to its reflection. There was neither earth nor support nor anything else save the eternal change – the weak movement of dispersed clouds and a light ripple, like the passing of the Holy Ghost in infinity. The sea and the desert – two great spaces where nothing human prevents one from feeling the Creator, and He shows Himself in all His immensity and power – to support some and to annihilate others. He is neither a father nor even a lord, but the very endless

existence, the everlasting Today.

The pale sun drooped nearly to the horizon, illumining the sky with a pink shine, across which fine clouds plumed like exquisite cobalt murals. A little higher, that light changed to lilac, blending with the finest goldish hue. Still higher, there followed the softened azure with almost-dispersed clouds; and finally, over the whole firmament, the diaphanous blue shone, mirroring in the water and turning it into a pearl shimmer, across which – from the sun to Aloys' feet – a gold path exulted, with crimson flashes upon the crests of tiny waves.

That shining world absorbed Aloys and enchanted him, like an organ melody under the vaults of a temple, and he almost forgot his torment, until the habitual desire to share the beautiful struck him, bringing him back to the dismal reality.

The next night a storm broke out. Aloys stayed alone at the bow as the day before. All was mingled into a bellowing darkness, whence waves, like formless shadows, rose before him, beating his face with a salty spray. Out of that vehement gloom, which sounded like the tocsin of despair, came images of his past – vivid, clear, almost-perceptible images; and tears ran down his cheeks, mixing with water brought towards him from infinity. "Brother!" his whole being was that call. "Brother!" the space resounded with pain, as if the One for Whose sake he had left his beloved grieved together with him and pitied him, receiving him into the cold of His palms. Aloys did not feel how chilly the night was, nor did he notice that his clothes were wet through, but he wept and wept, unable to stop and unable to continue...

On the eighth day the ship entered the port of Copenhagen situated at a distance of twenty-four hours of sailing free. Carl visited his acquaintances, Aloys did a theatre, and they continued their voyage. In the port of Helsingör, whither they arrived shortly after, they saw a wonderful picture – about three hundred sailers waiting for fair wind. Aloys and his companion sailed across a narrow strait and, at last, set foot on the Swedish shore.

They took a post chaise and departed for Stockholm. It was May, and grass was covering the barren north earth. On either side of the road lined with willows there stretched lightly-undulating fields, over which in the clear sky lapwings were flying and the jubilant song of larks was sounding. Sometimes the travellers saw knolls, which enshrined the bones of ancient warriors. Later, there appeared calm streams, along which birches rustled, dark heaths with spaces of a bare red earth, and fields littered with multiform fragments of flint, where lonely beeches towered... Such – modest, austere, and "laconic" – was the new homeland of Aloys. But was this a homeland for him, who did not belong to the world, being separated from it by his illness – that incessant *memento mori*? His home was where his friend was. He no longer had a friend.

XLII

At the beginning of June Aloys and Carl arrived in Stockholm. Cosy two- and three-storey houses with sharp or figured gables and the clear-cut rows of rectangular windows, narrow cobbled streets, dark

needle-shaped belfries, old trees, and a lake shimmering in the sun: Aloys liked the appearance of the city. He found a room at a reasonable price, took leave of Carl, who was going farther, to Uppsala, where his home was, and was left all alone among suppositions, hopes, and doubts.

In the first days Aloys acquainted himself with the city, strolling along the streets and feeling lost. There was not a single familiar stone or face – all was alien to him, and his sorrow made that alienness poignant. Returning to his small room with a narrow window opening to a quiet side street, he would sit motionless for hours, as if he were paralysed with his pain. What had he come there for? For oblivion? But memories become still dearer in foreign parts. Hoping to forget his friend, he had made himself think about him constantly. His beloved ceased to be his life and became his state, his alert consciousness in that unknown desert of humans.

At night he felt fear. He lost sleep and only lay, looking into the darkness, which blended with his weary consciousness, and the images that had appeared the stormy night at the bow flashed in his mind's eye again. He rushed to light a candle – for a few minutes, since he had to spare candles due to the lack of money. He did not want to ask his parents for help, and he tried to save what remained. At first, he reduced food to two slices of bread with a glass of unsweetened tea. It was easy. As to clothes and bed linen, his task was more difficult. Aloys loved cleanness, but he had to pay for washing. He could launder his things himself, but it would be necessary to pay for water, and the price would turned out to be the same, with the addition that he would tire his hands, which

were to create music. Therefore Aloys resorted to the help of a laundress. He had to pay for water that he used to wash himself. He had to pay for the room... A fortnight later, Aloys wrote reluctantly to his parents, mentioning the desirability of a bill of exchange without daring to name the necessary sum.

In summer the musical life of the city came usually to a standstill because of the king's departure for his country castle, and Aloys might hope to attract attention only in the autumn. To win recognition was to receive financial aid, which he needed so much. "Money! – for my soul!..." In order not to sell what had been created thanks to his beloved and for him, Aloys, overcoming disgust, set to an operetta based on a romantic novel – in the hope of suiting the taste of the Swedish public. After trudging with all his tenacity through the first acts, he abandoned the work and began roaming along the streets again, as if he tried to recover his breath. During those wanderings, he discovered a cosy park spread picturesquely over the bank of the lake. There, among old trees – beeches, lindens, and birches, he found some peace. Humans became unbearable to him, for they were strangers, but nature, which embodied the spirit of the Creator, was friendly everywhere. Aloys stood on the bank for a long time, leaning against the warm trunk of a linden, and gazed at the smooth of the lake, which mirrored the pale north sky.

At the beginning of July Aloys paid for the room and reduced his food to one slice of bread. There was no reply from his parents. "It does not matter, all will be well," the youth usually consoled himself and sat unwillingly at the desk, trying to add at least few lines

to the score. A few hours – a few lines – later, he gathered the sheets of paper into a neat pile, closed the inkpot, and immersed himself in reading. Books were not those favourite ones shared with Ansgar. Those books, full of reminiscences of his friend, became distressing, and Aloys diverted himself with something unwearisome and uninteresting only to occupy his mind.

The idleness of the mind was unsupportable, for Aloys dwelled upon the only thought. The man is a foe to himself, being compelled to bear all his torturous thoughts and all his languishing feelings without repose until his dying day... Once in his childhood, Aloys, tossing in bed with an usual inflammation of the lungs, had wanted to abandon his body: let it suffer without him, whereas he would wait calmly... Now his spirit, having lost a support, tossed thus, meaningless and needless.

XLIII

The summer passed, September arrived. The operetta advanced with difficulty, the parents kept silence, money was almost gone. At the beginning of October Aloys had a new exacerbation of his illness. He lay under a shabby blanket in the room, which was scarcely heated, and shivered with fever. From time to time, a bout of coughing shook him, and he expectorated his decomposing lungs into a dirty handkerchief. “It does not matter... not matter...” he whispered to himself, like an incantation. “This too shall pass.” This would pass, but what next? He looked ahead and saw

only darkness – a black void, whither he was falling ineluctably. He had thrown himself voluntarily into it, having torn himself away from Ansgar; he had returned to the emptiness, which had been the world without a friend. He could not live alone and for himself. To love – he desired solely this.

Day passed into night, night passed into day; fever gave place to a short relief, it was followed by a new attack of fever; and there was no end. But could it be? Has loneliness – the frozen terror of a self deprived of its meaning – the end? Life will pass, and death will pass, but loneliness will remain with a soul lost in infinity. In God's infinity... "My Lord, my Lord, what did You create me for?" For love. "But I have rejected it. What was that love – a trial of faithfulness to You or Your gift, and consequently I have revolted against You? And why have I rejected it? In order to keep my relationship with You – my inmost core... But Ansgar did not lead me away from You, he only called me to his way. Maybe, was there arrogance in my act? I do not understand anything... Help me to bear myself! Yes, Your Son suffered, too, and He suffered silently, but His torment had a meaning. What is mine for? For no particular reason. And he feels pain – for no particular reason..." And Aloys wept until he swooned with exhaustion.

One of such afternoons a familiar knock at the door was heard. Aloys, lying and gazing thoughtlessly at the ceiling, started in surprise. The knock was repeated. Aloys staggered to his feet, tottered to the door, and opened it. On the threshold stood the landlord.

"Would you be so kind as to pay?" the man impassively uttered the habitual phrase.

"You see... I..." Aloys was confused.

"Would you be so kind as to pay for the last month?" the landlord repeated in the same dull voice.

"If it is possible, wait a little, please," Aloys murmured almost pleadingly. "My parents are to send me money for payment."

The man was inexorable: "This is not a charitable institution."

"But only to wait a little!... You will not perish without those few thalers, which I cannot give you now!"

"My whole business will perish if every guest lives on credit."

"But I shall pay my debt!" Aloys wanted to add something, but a bout of coughing interrupted him. Due to his weakness, even such an effort was exhausting, and he leant against the wall, putting a handkerchief to his mouth. The landlord looked at him with pity.

"Agreed, stay," he said condescendingly when Aloys recovered his breath. "Have you any food?"

There remained only a hunk of bread and weak tea.

"Of course, I have," Aloys assured him. "Thank you for your kindness."

His existence depended on his parents. Aloys had written to them thrice, no longer ashamed to ask for help, but he received no reply. Why? It was easiest to think that his letters had not been delivered. But, in that case, his parents would have written to him themselves. Perhaps, the communication was broken in both directions?... Or it was their inner communication that was broken?... All was managed by his father. His mother, a quiet and inconspicuous woman, lived unnoticingly in the house, being responsible for everything and influencing nothing. The silence was that of his father. Aloys had never had a strong bond with

him, but he had respected him and had always been sure of his father's duty to love him because of being his father. To Aloys, fatherhood was inseparable from love, and he felt something sacred even in the word itself, as if the transcendental fatherhood of the Creator had sanctified the earthly relationship.

Aloys' father wanted to see his continuation in his son. Aloys had been a child when the man had started to teach him his principles of existence – his everyday philosophy, which the boy had not understood and had begun to avoid afterwards, having seen its narrowness. Against the will of one and the desire of the other, their paths had been diverging and their relationship had become more and more fragile. Had Aloys' self-will broken it?

A father neglecting his son – was that unnatural, incomprehensible, extreme case his own? "Where is the lamb for a burnt offering? – God will provide himself a lamb for a burnt offering..." Was the annihilating paternal oblivion not a meaning of Abraham and Isaac's story? Perhaps, that act had been only a result of the father's dislike, but not his obedience to the Lord's will?... "My God, My God, why hast Thou forsaken Me?" What had resounded for centuries as the cry of the Messiah devoted to His service, was it not the cry of a forgotten son? Maybe, one of the sacred concepts – fatherhood – was sacred only thanks to love of the one who was born for sufferings... Was that involuntary awe not a kiss on a punishing hand?

It seemed to Aloys that he was delirious.

Aloys waited a few more days and then wrote a new letter:

"I have written to you thrice. I understand the cause of your silence, although – because of my love

for you – I cannot understand how it is possible. I have no-one to hope for. I am ill again. I have no money to pay for my room. Winter has set in here, but I have no warm clothes, without which one cannot survive in this country in the cold season. I do not ask you – I implore you to give as much as you can to the one who is not your son, but a beggar now. I shall return money by means of my operetta someday."

Aloys sent the letter and began to wait for the reply again, for he could not comprehend his parents' actions.

XLIV

By November the illness had passed, but there remained an oppressing lassitude – a bodily and mental lassitude. Notwithstanding it, Aloys returned to his operetta, for, to all appearances, he had to rely solely on himself in order to win his place in that world, which was alien to him. He worked with a greater disinclination, jerkily, for a few hours running, whereupon there followed a short pause. A week, the second, the third – and the composition was ready. Aloys dressed as warmly he could, not caring about the shabbiness of his clothes, took his score, and went to the Royal Opera.

After passing through long marble corridors, Aloys stopped before the oak door of the director's office. An unusual timidity seized him – not because he had come to give his work to somebody's judgement (he was aware of his talent), but because the composition had been created insincerely. After a short hesitation,

Aloys took off his hat, tucked it under his arm, and knocked gingerly at the door. Being accorded permission to enter, he came in. Velvet curtains hung on the high windows, and bronze figurines glimmered everywhere. A corpulent elderly gentleman sat at the desk. He had a neat powdered peruke, which looked strangely in contrast to his red full face.

"What brings you here?" the director asked in a condescending tone after the exchange of greetings and reclined lordly in his soft arm-chair.

Aloys, standing with several sheets of paper before him, replied courteously: "I should like to show you one of my compositions."

"Ah, a young talent!" The director moved forwards and looked attentively at Aloys, as if the latter were a remarkable insect. "Well, let me see your work."

Aloys offered the score respectfully. The director leafed it through and put it carefully on the edge of the desk.

"We shall examine it," he said.

"When may I come?"

"In three months," the director answered and politely made Aloys understand that he ought to go away.

On the way back, Aloys visited the post office, which he had visited every day. To his surprise, there was a letter from his parents. He wanted to read it forthwith, but he overcame himself and went to his lodging, guessing what might be written in the letter. In his room he locked the door and, not taking off his coat, broke the sealing-wax. His father wrote:

"Dear son,

We have received all four letters from you and have answered each of them. The bill of exchange for one hundred ducats has been sent. Knowing how hard

your life is, we are ineffably sorry that you could not receive our messages in time...” A few days later, the bill arrived, too.

XLV

Neither letter nor money nor waiting for the director’s reply distracted Aloys from thoughts about his friend. Longing for him, he felt Ansgar’s yearning for himself. By day he tried to do something without knowing what for, and imagined how his beloved strove to occupy himself with some work at the same time and abandoned it because of its needlessness; at night he wept for Ansgar and, in compassion, almost felt his friend unable to find repose even for one instant. Although they were different, they were one person.

“Why do you torment yourself? Return to him!” “But the path which I have chosen... To step aside – to admit defeat?...” “You know it is hard to walk alone even on the right path.” “To retreat is unacceptable to my pride.” “Your pride? Continue torturing yourself and him for the sake of your pride, then!” “Agreed, I shall return. One moment of happiness of our reunion – and what next? Quarrels?” “Yes, quarrels.” “And the same question ‘who must give in’?” “Yes, the same question...” “And who must give in? And why must he give in?” “For the sake of love.” “To forsake God for our own comfort!...” So Aloys was talking to himself, trying to understand what he should do.

While Aloys had been convinced of dooming himself to loneliness because of his faith, he had been able to be resolute. But there arose a doubt, there appeared

an insignificant break, – and his firmness began yielding to. Had he indeed abandoned his friend for God's sake? What if his decision had resulted only from his incredible pride? He wanted "to preserve his essence," but Ansgar had not attempted to destroy it at all. Yes, churches, dogmata, and divine worship – all this was alien to Aloys; however, all this was such not due to falseness or superfluity, but because Aloys was unaccustomed to those things. Was peculiar beauty not in praying to the Creator in a temple? God was everywhere: as one could feel Him in nature, as one could feel Him in a church. Dogmata? Aloys asserted that he could not accept them (the concept of the Trinity, for instance), but for all that he heard the passing of the Holy Ghost over waters, thought of the suffering Son, and called God Father... As to the Bible, did he not recognise it involuntarily, resorting solely to it? But was the Father not primary to him, whereas the Son was only His Word – a shown act of love? Did he not consider any teaching – Protestant or Catholic – to be a human judgement, whereas faith – an inner conviction – was God's gift, which did not require interpretation? And the belonging to the Christian community, whereas he did not need any society but only a friend united with him in the Supreme Love?... Furthermore, was it justifiable to join any community if there were others? Christians were divided, Christ's most important behest – to dwell in unity – was broken: what community could be right after that? It was disunion that was the main error, which made the rest null and void. To be apart from that community meant not to be implicated in the unconscious crime.

Consequently, Aloys was on the right track. But... A doubt arose again, he revalued his conviction anew,

the mental argument was repeated. While he and Ansgar had been together, all had been definite like light and shade on a sunny afternoon, but the longing for his friend blurred outlines. Aloys had been resolute beside Ansgar; but at a distance, he was gradually losing his capacity for withstanding him.

XLVI

At the end of January Aloys appeared at the Opera again – deferential, confident, and ready to gain a victory or to admit defeat with dignity. The director politely answered his greeting, unhurriedly found his score in a drawer of the secretaire, leafed it through for some reason anew, thought a little and, at last, began to speak, measuring his words: "We have perused your composition. Undoubtedly, you have a certain talent..."

Aloys gave a faint ironical smile.

"This work has a charm of its own," the director thoughtlessly adjusted his sheets of paper on the desk. "But..." He looked at Aloys coldly. "It does not suit us."

Aloys felt a slight prickle within.

"Why?" he asked calmly.

"Firstly, it is too complex," drawled the director. "Secondly, your vocal parts will make our singers breathless. Thirdly, it will hardly draw attention of our public." He returned the score to Aloys.

"Well," the youth said with an imperturbable air, shoving the score carelessly under his arm; "I, too, consider this thing to be far from best. Goodbye!" and he proudly left the room.

If Aloys had been rejected one or two months earlier, it would have reduced him to despair. But when he had some money, the relationship with his parents was restored, and loneliness gradually overcame him, he experienced quite different feelings. “What a scoundrel! To make me wait so long!...” Aloys grumbled in his room. “Too complex!... An operetta – a downright rubbish – is complex for them! Their singers will be breathless!... Are your singers consumptives?” But through indignation from his wounded pride, he felt almost joy, as if the rejection betokened that he had done all in his power to stay there and had every reason to depart.

To depart – that desire had been increasing during the last months. “Why to torment yourself, if it is possible to stop this? All depends solely on you.” “To depart – to admit defeat?” “You persist only out of pride. Only because of it, you suffer and make him suffer.” “What if it is not pride? What if I endanger my faith if I stay with him?” “He does not want to deprive you of your faith.” “But he calls me to a way which is alien to me.” “Follow your own way, then; yearn for him!” “I am tired of yearning.” “Return to him!” “And what next? New quarrels?” “Quarrels...” “I do not want them.” “Stay here and suffer.” “I cannot...” “Return to him!” By spring Aloys was completely confused.

XLVII

“Striving to preserve my self, I am annihilating myself, since there is no life in loneliness – at least, for such a person as I. Before our meeting, I had learnt

what loneliness is, experiencing the need to love and considering brotherhood to be the only possibility to live. Feeling love for you, I felt living – I felt joyously-eternal. Now there is the same – the absorbing emptiness, whence it is impossible to escape. Even death, which is so near to me, does not soothe me, for there is no end to the dread called 'soul.' I want to love – I want to live – but I am watching myself perishing.

What am I to do, Ansgar? If you say 'Stay there,' I shall continue walking thoughtlessly along the path, which leads me into darkness, but then it is my own path. If you say 'Come back,' I shall depart forthwith. I entrust you to decide for me only due to the decline of my will, which has turned out to be unable to withstand my feelings for you.

I have not succeeded in finding a suitable job here. I could not give my true works to anybody's judgement, and therefore I wrote something incidental and I was rejected. I starved and begged my parents for money; I have not met anyone to feel liking for; round the clock, I was doomed to myself like to a slow torture. I have nothing to occupy myself with, for all has become needless; and I am only watching days pass – days, which take nothing from me and bring nothing to me. So it was yesterday, so it is today, so it will be tomorrow. I am weary of this futile existence, I am weary of myself.

The only reason of this letter is to say to you that I often thought about you.

Your Aloys"

Having sent the letter, Aloys was relieved. He

ceased trying to understand what had impelled him to depart for Sweden – faithfulness to God or his pride; and he no longer pondered over who was right. It was love that was right – a life-giving and creating love, which unclosed everlasting Life. There is no life without God; but life has no meaning without a brother – no meaning for those who are given a talent for love.

XLVIII

The spring began – imperceptible as always in the north – rather the anticipation of life than a natural phenomenon. The snow did not melt yet, in the morning icy flowers shone on window-panes, but in the very air there was some liveliness like the foretaste of the long-awaited warmth. Aloys did not want to stay indoors, therefore he put on a plain fur coat, which had been acquired with money sent by his parents, and went to the park situated near the lake. There, among blue shadows and iridescent snow sparkles, he wandered for a long time, giving himself up to that joyous lightness which one experiences after hard work. It seemed to him that quite near there was something good, inevitable after all the difficulties, and he had only to wait a little to see it.

He did not doubt that Ansgar would welcome him. His friend's persistence in his beliefs, which had impelled him to let Aloys go, was the violence of his will to his loving heart. Ansgar could destroy himself with his own power, but he was unable to suppress his main aspiration. Like Aloys, he desired the coming-to-be in love with his equal – the coming-to-be, which is

the only meaning of human existence. Aloys' letter, which was expected yet sudden, must bring him peace.

Aloys even knew what Ansgar would reply to him. "We tried to change each other, making the other change his mind, and we tried to change ourselves, convincing ourselves that it is possible to live without a friend. Love has turned out to be stronger and resolved all itself. Come back! We have the same God and the same core. Is it worth sacrificing happiness because of an insignificant difference?"

But Ansgar did not reply. Aloys, not believing this, asked at the post office every day whether there was a letter for him. There was no letter. What did this mean? He wanted to think that his letter to Ansgar had been lost. In that case, it was necessary to write again. Aloys took a quill as a sudden doubt stopped him. Perhaps, the absence of the reply was a reply in itself. What if Ansgar – unlike Aloys – had been able to overcome himself? What if that silence was the neglect towards Aloys?... And Aloys indignantly put the quill aside. He had once succumbed to the temptation of Ansgar, and he had acknowledged defeat in the struggle with him and with himself by the fact of his letter; he would never do all this again. They were equal – this had been the basis of their union; if Ansgar had been capable of renouncing him, Aloys must be able not to return to him. Let there be neither victor nor vanquished. And Aloys was almost pleased to imagine how Ansgar, who certainly expected the second letter, would be surprised at his silence. Some time passed, and Aloys began doubting his rightness. What if Ansgar had not received his letter? What if he rejected his only friend because of an incident? And

again, Aloys was ready to write a letter; and again, he stopped himself...

By May Aloys' condition worsened. The money sent to him in the winter had been spent, and he apprehensively counted his debts, which increased every day. To the landlord, the laundress, the shoe-maker, the tailor... He owed little to each of them, but his debt in total amounted to one hundred ducats, whereof he regretfully notified his parents. The innkeeper, tired of the poverty-stricken lodger, was not ashamed to remind him of the necessity to pay off the debt. "Be merciful, wait a little, I shall pay it!" "I constantly wait for this. Taking in lodgers is a way to earn my living, after all. Therefore – payment, please!" "But for God's sake, wait a little! I have written to my parents, asking them to send me money for payment." "Another year will have passed by the time they send it. I cannot keep my lodgers gratis: my inn is not a charitable institution." "But..." "Payment, please. Otherwise you will be arrested." Aloys knew about such a danger. However, he had nothing to pay with, and the next bill of exchange might come late indeed.

One evening Aloys, standing by the open window, thoughtlessly took his watch out of his pocket (the watch given to him by Ansgar), raised its cover, which shone forth with the multitude of sparkles, and glanced at the dial. It was seven o'clock. It did not matter: to him, time as though had stopped, turning together with his soul into one everlasting instant of pain. Aloys closed the watch, stroked it, recalling the shy smile of his friend on that joyous morning of his birthday, gazed at the irisated shimmer of gems, and looked round the room with the bed under a threadbare coverlet and an empty rough desk. Much time

would have passed before he received the bill, and his dwelling might change... "Of course, I shall have a roof over my head, a resting-place, and free bread – to wit, conditions will be not worse than here. But how shall I feel after that? To be equated with criminals!..." From behind the iridescent flash of diamonds, the watch said a quarter past seven. That was what might help him – to pawn the watch! "*His* watch!... To pawn a keepsake because of these cursed debts to the canaille!..." It was better to waive his pride than to feel guilty towards his beloved. "But I shall redeem it, I shall redeem it, without fail; whereas a stain on my honour will remain." Aloys put the watch to his ear and closed his eyes. He had listened thus to its movement that day, and the smiling Ansgar had stood near him. "'Thank you, lean towards me...' Embrace me, protect me from any pain, my brother! You were beside me, and I was a living person, but what am I now? – a feeling nothing in nothing." Aloys threw his head back, smiled bitterly and, waiting a little, wrapped the watch carefully in a clean handkerchief and put it in his pocket. The next day he would pawn it, then he would pay off all his debts, and, receiving the bill of exchange, he... would depart for Germany!

XLIX

At the end of May Aloys pawned his watch. The money sufficed only for food and paying off an insignificant part of his debts. A month later, the long-awaited bill arrived; but, after exchange, the sum turned out to be smaller than Aloys had expected. He

redeemed his watch, but he could not pay off the remaining debts. Again, he had to write to his parents and to wait for their reply – when he wanted to be on the journey so much! Due to troubles, Aloys took to his bed with a bout of fever.

Aloys' parents soon responded – or rather their letter was delivered in time. Money for the journey was obtained, and Aloys livened up. He could depart. Forced to spare the little that had been sent to him, he decided to sail from the port of Stockholm to the nearest German port, for it was cheaper than to travel across Sweden in a post chaise.

One cloudy dark evening in late July Aloys began to pack his bags. Several books, scores, his parents' letters, the watch regarded as a treasure because of its moral value – all this was put with care in a travelling-bag to the increasing rumble of a thunder-storm. Aloys was still there, he did not even know the day of departure (it depended on the weather), but he felt so light, as if his journey had already begun – a hard yet happy journey to his friend. Aloys had stopped waiting for Ansgar's reply, nor did he worry about his silence, for he could see him soon. Ansgar certainly had not received his letter, wherefore Aloys' unexpected and so desired return would gladden him still more. But if something had changed... Aloys would say to Ansgar that he came, for he had been bored with Sweden.

A heavy gust of wind suddenly rustled in the narrow street. Aloys looked out of the window. The sky was covered with gloomy thunderclouds, but not a single drop fell on the dry earth. Aloys lingered, waiting for the rain, and then continued his preparations.

If no obstacle arose on the way, he would be with Ansgar after three weeks. He would see him again, he

would look into Ansgar's affectionate eyes, he would snuggle up to his loving breast, he would delight in his protecting embrace... Aloys even stood still, with his eyes closed, feeling a joyful tenderness surging up in his heart. At the same instant, the thunder pealed, and the rain came down. At last! Aloys loved thunderstorms, for there was something purifying in them. Rejoicing, he finished his occupation, stretched out blissfully on the bed, and began listening to sounds of nature as to divine music comprehensible solely to him. It was quite dark – a sudden night: only at times, white flashes illumined the space, and thunder, like a shudder of the universe itself, roared over Aloys.

After three weeks, he would live again! And his beloved would live, and their Life would never cease. Arguments?... They would no longer arise, for nothing could disunite those who were one being in their core. And Aloys smiled happily.

The next day Aloys learnt that navigation was hindered by storms. To wait again?... But while he waited, he would run out of money... What was he to do?

One day Aloys, walking along the street, met one of his acquaintances. After the greeting, the gentleman asked him whether he had succeeded in finding a job. Aloys replied that his works had been rejected. The gentleman shook his head regretfully: "You are undoubtedly gifted. You have not found the one who would be able to appreciate your talent. Try again!" "It is impossible. My financial situation does not allow me to live where all is so expensive." "But to leave with nothing for your efforts!... I advise you to go to the director of the Academy of Music Baron Leijonhufvud. He is an intelligent man, who encourages young talents. He will certainly help you." Aloys fell to thin-

king. It was not known how long he would be delayed, waiting for good weather to sail, and he might run out of money again. Therefore it was worth while following that advice – only to earn some money for his forced stay.

The next morning Aloys was at the Academy. Baron Leijonhufvud turned out to be an elderly man with exquisite manners and a sympathetic gaze of the clever eyes. Aloys showed him some of his compositions and told about the misfortunes that had befallen him.

"To be rejected with such knowledge and talent!" exclaimed the director. "I cannot comprehend how it was possible. What do you intend to do now?"

"To depart for Germany."

"What? Empty-handed?..."

"Just so."

"I feel sorry for you. To come from another country, to live in distress, and to depart without achieving anything!... I think that you ought to stay."

Aloys shook his head: "I cannot stay here. Firstly, I am in straitened circumstances. Secondly, I feel indebted to my father. He sacrificed so much for me during this time! I must return and help him with his work in order to thank him for his care."

"He is already blessed with so splendid a son, whereas we should be pleased to welcome a talented musician," the director gazed searchingly at Aloys. "A new composer is required at the court, for ours are rather aged: the king said this."

Aloys looked at Baron Leijonhufvud with wide eyes.

"As to your situation," the director continued with reassuring confidence; "I shall seek to help you. As a

music lover, I consider sufferings of a gifted person to be a blatant injustice," he paused, whereupon he added: "Our Academy will deem it an honour if you work with us."

Aloys was dumbfounded.

"Do not refuse my offer hastily. Think it over."

"But... I do not even know what to say..."

"I understand that your well-being is the most important thing to you now. Do not worry about it, I shall support you," and Baron Leijonhufvud suggested to Aloys to visit Kommerskollegium with him. Aloys, astonished by the unexpected kindness, obeyed.

The councillors of Kommerskollegium received Aloys with the same benevolence.

"Would you like to settle in Stockholm?" the youth was asked.

To settle in Stockholm? But Ansgar?...

"It is impossible," replied Aloys firmly, regaining his resolution. "I doubt that my difficulties can be overcome. What if I shall disappoint the gentlemen who are so kind to me?"

"Oh, do not worry. *Herr* Leijonhufvud has a keen sense for musicians, and if he has chosen you, you can be confident in your future. In our turn, we shall submit your case to the king for consideration, provided that you do not depart until you receive his reply."

Aloys was taken aback. He desired to leave as soon as possible, but in his heart of hearts he felt indebted to his father. If he could earn something, he would return to him all that he had received from him and would thank him not only in word but in deed...

"Well, do you agree?"

No one would oblige him to stay longer than it was

necessary. He would earn what he needed, and then he would depart.

"Yes," uttered Aloys hesitantly. "I agree."

That evening Aloys wrote to his parents: "Circumstances have changed unexpectedly and miraculously. I was proffered assistance, and my case will be submitted to the king himself. Is this not a miracle – to meet sympathising persons? But I am still undecided. I have promised not to leave until I knew the results, but I do not want to tarry here. What am I to do?" Aloys hoped that his father would advise him to depart, thereby relieving Aloys of his moral debt to him. However, he had to tarry, for the storms continued.

L

There was neither a letter from Aloys' parents nor a reply from his unexpected benefactors. Again, Aloys fell ill due to tension and lay powerless for days together, not feeling anything save weariness, not thinking about anything save his friend. More than a year had passed since the day of their parting: Aloys could no longer bear the separation. "Whatsoever Father thinks, whatsoever those magnanimous gentlemen do, I shall depart!" To depart as soon as possible, to rise from the dead... "May this ailment pass!" Aloys coughed and despised his helpless body. "Maybe, it is better to get up?" Perhaps, he would recover faster if he did not lie in bed... And Aloys, overcoming dizziness, rose, staggered up and down the room, sought to occupy himself with reading, and even tried to write

something, as if activity of his spirit could vivify his body. To his satisfaction, lassitude was passing. He began going out into the street. The city depressed him, and he wended slowly to his favourite park, which was already full of golden rustles. There Aloys settled on a bench under an old branchy tree and watched yellow leaves swirling lightly in the quiescent air. He loved autumnal nature in its beauty of seeming death – that thoughtless, effortless transition to repose.

At the beginning of October Aloys visited the Academy. The director welcomed him and said sadly that his endeavour had been futile. Aloys breathed a sigh of relief.

When Aloys returned to his room, he found a letter from his parents. Thinking that it concerned his situation, he unsealed it unhurriedly and began to read:
"Dear son,
You ask what you ought to do. Of course, we should be ineffably glad to see you, but your happiness would be a greater joy for us. Wherefore do not hasten, wait for the results..." Aloys was reading thoughtlessly. Expressions of love and wishes – all this was written with the same unapparent bitterness because of his self-will. "Now we have to tell you about something else. You wrote that in Stockholm there are temples of our religion. It is good when one has a place to go to in joy – to thank the Lord for His gifts – and in sorrow – to find consolation. The man is completely subordinated to his Creator, Who does all for his weal, although it is difficult to comprehend this sometimes. One readily accepts good from Him; may one be wise enough to accept woes patiently! Be firm in your faith lest temptation should turn you away from the Lord. God's will be done. We have to say to you that on the 30th of May

this year your friend Ansgar died of an inexplicable melancholy. Your letter (as his father has written to us) was a few days late."

* * *

"I sought to preserve my soul, and therefore I rejected Your greatest gift – brotherhood. Loneliness became the death of my brother; I was left in a continuing dying. Was it worth while preserving my self, Father?"

Epilogue

Two years later, the protagonist, whom I named Aloys, became Kapellmeister at the court of the Swedish king Gustav III and also his close friend. He was recognised as the best Swedish composer of the 18th century, and his works are considered to be unparalleled for his time. Until his death in 1792, he kept warm memories of his deceased friend.

January 19 – April 13, 2013
Translation: May 9, 2013 – January 8, 2014

Без друга жизни нет

Йоханну Фридриху Хану (1753 – 1779),
с пониманием

Предисловие

Существует портрет одного молодого немецкого поэта XVIII века. Взор изображенного юноши заставляет вздрогнуть. Недоверие, отчаяние, почти злоба отражены в его проницательном, брошенном искоса взгляде. Однако, если присмотреться, можно заметить, что его глаза выражают лишь крайнюю боль.

Он был одним из основателей важного литературного кружка и служил исповедником для другого поэта. Он мог считаться преуспевающим. Поэтому никто не понял его, когда он внезапно оставил работу, прекратил общение с приятелями и предался мучительной тоске. Знакомые сочли его ипохондриком.

Его стихотворения были опубликованы лишь в 1880 году и никогда не переиздавались. Многие из них воспевали мужскую дружбу.

Дружба: то был источник жизни для него. Одиночество стало небытием.

Он устало смотрит из пустоты, и я, встречая его взгляд, вижу собственную боль.

Эта повесть посвящается тебе, брат мой.

Автор
15 мая 2014 г.

I

На всем лежал отпечаток привычной скорби. Малолюдные улицы, усеянные тлеющей листвой, серые каменные дома с темными ставнями высоких окон, кирпичные готические церкви цвета запекшейся крови, скудные сады, в голых ветвях которых свистел осенний ветер, даже изломанная линия окрестных холмов: все казалось столь безнадежным, словно здесь только что прошла похоронная процессия, и какие-то отзвуки погребального плача остались звучать под низким сумрачным небом.

Алоиз остановился перед двухэтажным зданием с треугольным фронтоном. Это был миловидный юноша двадцати лет, невысокого роста, хрупкого сложения, смуглый, с гордой осанкой и задумчивым взглядом больших темных глаз. В одной руке он держал дорожный мешок, а другую спрятал от холода в карман камзола. Помедлив, он осторожно поднялся по истертым ступеням крыльца и постучал. Никто не открывал. Он постучал еще раз, настойчивее. В глубине дома послышались тяжелые шаги, и вскоре дверь распахнулась.

– Что Вам нужно? – неприветливо спросил появившийся на пороге пожилой человек с простым лицом и в засаленной телогрейке.

– Насколько я знаю, Вы сдаете комнату, – вежливо сказал Алоиз. – Мне хотелось бы взглянуть.

– Ну, тогда проходите, – человек посторонился, и юноша вошел в темное влажное тепло. Было тихо,

пахло супом, в углу коридора посверкивали кошачьи глаза.
– Идите за мной, – велел хозяин и направился к неясно видневшейся лестнице. Алоиз последовал за ним. Они поднялись по нескончаемым скрипучим ступеням и оказались перед низкой дверью чердачной комнаты.
– Вот, смотрите, – человек открыл дверь в серую мглу. Алоиз робко ступил внутрь и остановился. У левой стены стояла простая деревянная кровать с голым матрацем, у правой – грубо сколоченный стол, такой же стул и маленькая печка с закопченным чайником на шестке. Впереди располагалось довольно большое окно. Под потолком, образованным острой крышей, сгустилась темнота.
– И сколько же Вы запрашиваете? – спросил Алоиз.
– Четыре талера, – ответил хозяин, дав понять своим тоном, что не уступит ни гроша.
– Четыре талера?! За это?..
– Да, и не меньше, – хозяин скрестил руки. – Можете отказаться. Но, уверяю, Вы не найдете ничего дешевле.
Близилась ночь, и искать было уже поздно.
– Хорошо, – с запинкой произнес Алоиз. – Я останусь до утра.
– Тогда располагайтесь, – несколько мягче сказал человек. – У Вас есть вещи?
– Это все, – Алоиз приподнял свою легкую сумку.
– Так мало? – удивился тот. – Ладно, обзаведетесь всем необходимым. Вы, должно быть, в первый раз путешествуете?
– Нет, путешествую – не в первый, – со значением проговорил юноша, окинув взглядом комнату. – Я

надеюсь, Вы предоставите посуду и подушку?
– У нас это не предусмотрено, – ответил хозяин и ступил к двери. – Располагайтесь. Оплата – завтра утром.
– Но, постойте... – Алоиз хотел было попросить убрать комнату, однако хозяин уже закрыл за собой дверь. Его угрюмость не располагала к переговорам, и Алоиз, не имея ничего лучшего, решил потерпеть эту ночь. Стоя посреди комнаты, он растерянно огляделся еще раз. Сквозь оконное стекло мало что можно было рассмотреть, на стенах виднелись следы плесени, из матраса торчала старая солома.
– Проклятое захолустье! – вполголоса выругался Алоиз и раскрыл сумку в поисках свечи. За последние пять лет он успел пожить уже в трех городах, переезжая из-за учебы, но еще нигде он встречал такого духа запустения и уныния, как здесь. Не предполагая того и надеясь, что условия будут обычными, он не взял с собой ничего, кроме свечей, огнива, подсвечника, пары любимых книг, полотенца и смены белья. Да, руки он сберег и, когда родители пришлют ему скрипку, снова сможет играть. Играть – здесь?!
– Проклятое захолустье! – повторил он, пытаясь зажечь фитиль. Тот занялся, и теплый огонек, как маленький веселый дух, оживил мрачное помещение. Алоиз поставил свечу на стол и подошел к окну. Редкая тишина царила в этом городе, как будто он был оглушен некоей тяжестью. «Какое мертвое место», – подумал юноша, пытаясь увидеть сквозь стекло улицу. Напротив находился старинный собор с высокой кирпичной колокольней, крест которой одиноко чернел в смутном не-

бе, а под окном покачивались ветви какого-то старого дерева. Нигде никого не было видно. Алоиз отошел ото окна. Дома сейчас собирались ужинать. Горели свечи в бронзовых канделябрах, мать расставляла тарелки из фарфорового сервиза, отец занимал место во главе стола, а сестры о чем-то оживленно щебетали – наверное, рассказывали о событиях прошедшего дня. Алоиз вздохнул и с опаской потрогал постель. «Может, не ложиться?» – подумал он. Однако усталость была сильнее отвращения, и он, положив вместо подушки свернутое полотенце, лег не раздеваясь.

II

Здесь Алоизу предстояло завершить свое историческое образование. Начало было положено в университете соседнего города, где преподавание было проникнуто таким всеостанавливающим буквоедством, что Алоиз, с трудом вытерпев два курса, разразился уничтожающим пасквилем и с облегчением оставил учебу. Он никогда не вернулся бы к ней, ибо не испытывал ни малейшего желания становиться профессором истории, однако таковой была воля его отца. Еще завися от его вспомоществования, Алоиз считал неблагодарным и неразумным прекословить ему и поэтому скрепя сердце отправился в незнакомый город. Он надеялся, что учеба не помешает заниматься тем, что являлось его единственным и всеподчиняющим устремлением, – музыке. Его замечательные способности к ней были вовремя замечены, и родители постарались, чтобы он мог развить их. Ему на-

шли хороших учителей и создали дома необходимые условия, однако музыка воспринималась родителями только как развлечение, занятие для досуга, которое не могло стать делом жизни их сына. «Продажей партитур ты себя не прокормишь, – говорил Алоизу отец, – значит, придется поступать в услужение какому-нибудь барину, который станет помыкать тобой и твоим дарованием. Хочется ли тебе этого? Если нет, тогда получай профессорское звание: так ты станешь независимым человеком», – и отец деловито набивал трубку, выражая всем своим видом, что он уверен в своей правоте и не потерпит возражений. Алоиз и не возражал – только молчал, внутренне посмеиваясь, поскольку хорошо знал, что должен делать, и верил, что ему это удастся.

Теперь надо было обустраиваться. Поднявшись рано утром, Алоиз набросил плащ, взял кошелек и отправился сначала к хозяину. Тот грелся перед ярко пылавшим камином.
– Вот Ваши деньги, – Алоиз любезно подал их после приветствия. – Я пока останусь.
– Как пожелаете, – с сонной медлительностью отозвался хозяин, забирая монеты.
– И пусть в моей комнате приберутся, – с неизменной вежливостью добавил юноша и вышел.

На улице с утра царила такая же угнетенность, что и вечером. Изредка мимо проезжали извозчики, а навстречу попадались редкие прохожие, чьи хмурые серые лица делали их столь похожими один на другого, словно то двигалась одна неизъяснимая озабоченность города. Острое чувство отстраненности овладело Алоизом – чувство, что не-

редко охватывало его, когда он выходил на улицу или оказывался в каком-либо обществе. Он жил в уединении собственных идей и смотрел на мир со стороны, видя все то, что избегало привычного взгляда. Мир был для него подобным смятению туч, гонимых и разрываемых ветром на своем бессмысленном пути, тогда как за ними сияет неколебимая бесконечность. Это ощущение глубинных токов вечного питало и поддерживало его, заставляя чувствовать свою непричастность внешнему и осознавать себя частицей непреходящего – пусть частицею крохотной, но обладающей волей и знанием о своем пути. Алоизу не нужно было не спрашивать себя, откуда и куда он идет: он знал, что начало и конец его – вечность.

Осознание мимолетности всего зримого, всего исходящего от земли уменьшало неизбежную боль существования, равно как усиливало немногие настоящие радости, ибо давало возможность понять, что они были отсветами истинного бытия – цели земной жизни. В таком мировосприятии заключалась свобода – и страх бесконечного одиночества.

Алоиз был одинок, как почти каждый человек, движущийся против течения – течения серых лиц, серых мыслей, серых чувств. Отсутствие равного казалось ему неестественным – чем-то подобным недораскрытию идеи, промежуточным состоянием между бытием и небытием. Оттого он так отчаянно искал друга, будто возможности жить, но находил только тех, кто не мог разделить его мировоззрение и ответить на его любовь. Возможно, что если бы он был одним из этих существ, бездумно спешащих к незначащей цели, он нашел бы подобного себе, но сделало бы это его живым? Мог

бы он тогда любить? Несколько лет назад он полагал, что каждому человеку присуща эта потребность в любви с равным – любви не только чувственной, но трансцендентальной, являющейся основой и смыслом бытия. Однако опыт, приобретенный за время поисков, убедил его в ином. Способность любить – такая же редкость, как и творческое дарование. Его равного, так же чувствующего, так же мыслящего и столь же сильно нуждающегося в единении, могло не быть нигде и никогда.

Когда Алоиз вернулся, то нашел комнату заметно более чистой. Пол был выметен, окно протерто, а на постели появился хороший матрац. «Не вздумал бы этот умник потребовать с меня доплаты за свои старания», – подумал юноша, разбирая покупки. Они тоже обошлись недешево. Жестяная кружка, глиняная миска, медный чайник, простое постельное белье: с таким же успехом он мог бы приобрести сервиз с позолотой и шелковые простыни. «О, захолустье!..» – в который раз подумал он с досадой. Но еще большую досаду вызывало то, что завтра предстояло идти на занятия.

III

Университет представлял собою трехэтажное краснокирпичное здание с двумя флигелями и строгими рядами высоких прямоугольных окон. Кирпич потемнел от времени, и в сырой пасмурный день выглядел столь же мрачным, как и все

остальное в этом городе. Или мрачным было настроение Алоиза? С обычной решительностью он прошел по усыпанной гравием дорожке к университетскому крыльцу, на котором стояли, разговаривая, несколько студентов. Они не обратили на него внимания: здесь обучались более девятисот человек, и появление нового легко оставалось незамеченным. Алоиз открыл дверь и спокойно вошел в полусвет коридора.

Первой была лекция по истории Церкви. Алоиз незаметно занял одно из последних мест в постепенно наполнявшейся аудитории и, достав тетрадь, стал ждать преподавателя, господина Мюллера. Вскоре тот появился – высокий, грузный человек в длинной черной мантии, напоминавший монаха-расстригу. Он торжественно взошел на кафедру, как будто на пьедестал, окинул присутствующих внимательным взглядом небольших глаз, чуть задержавшись на Алоизе, и начал занятие.

– ... Так виконт Безьерский, Рожер Транкавель, – размеренно рокотал низкий голос преподавателя в просторном помещении, – отказал его преосвященству папе Иннокентию III уничтожить язву альбигойской ереси и потому был должен сразиться с де Монфором. В день 22 июля 1209 года последний умертвил двадцать две тысячи еретиков...

Со всех сторон покорно поскрипывали перья. Алоиз, остановив свое, рассеянно слушал давно известную ему историю.

– ... Когда военачальники заколебались, не зная, как быть с жителями, легат его преосвященства Арно Амори отдал приказ: «Убейте их всех. Бог уз-

нает своих», – лектор ненадолго замолчал, после чего добавил:
– Вы, должно быть, найдете это жестоким, как и многие другие примеры. Но таковы были времена, – с нажимом произнес он. – Такова была опасность для святой Церкви. Был ли у нее выбор? – он обвел глазами присутствующих и остановился на Алоизе. – Вам это кажется забавным? – строго спросил он, заметив легкую усмешку на губах юноши.
– Ни в коем случае, – с готовностью возразил тот.
– Тогда почему Вы улыбаетесь? – не отступал преподаватель. – Вас отвлекли какие-нибудь посторонние мысли?
– Нет-нет, – поспешил заверить Алоиз, – я очень внимательно слушаю Вас, – и он принял сосредоточенное выражение.

Взгляд преподавателя помедлил на нем.
– Странный Вы человек, – с расстановкой произнес он и вернулся к своему предмету.

IV

Этого Алоиз и опасался, – что профессора окажутся такими же педантами, как и в прежнем университете. «Безнадежными педантами», – уточнил он, укладываясь в постель. Было только семь часов вечера, но он чувствовал себя утомленным. С самого утра его тревожила неясная боль в груди – пульсирующая огненная ниточка боли. Теперь к ней прибавилось легкое стеснение дыхания, словно грудь чуть стянули широкой лентой. «Это все здешний воздух, – подумал юноша. – В низине

между холмов плохо дышится». Он лежал на спине, прикрыв глаза, и слушал, как по стеклам барабанит начавшийся вечером дождь. Ему нравились звуки природы – шум дождя, раскаты грома, шепот ветра в саду... Это было речью элементов мироздания, с сутью которого он ощущал неразрывную связь, и он слушал эту речь, как обращения своего Создателя. Самым значимым из них была для него тишина. Она заключала в себе начало всего – удара грома и порыва ветра, слов любви и его собственной музыки. Она была началом и она, вероятно, должна была стать концом. Тишина – спокойствие...

В равномерном шуме пылающая ниточка истончилась и погасла. Алоиз погрузился в сон.

V

На следующий день Алоиз случайно узнал, что при университете существует поэтический кружок, образованный студентами и сочувствующими. Он тоже писал стихи несколько лет тому назад, и, хотя влечение к музыке оказалось сильнее, от прежнего занятия остались любовь к поэзии и живой интерес к новым именам. Поэтому не было ничего удивительного в том, что однажды вечером он оказался в небольшой уютной комнатке, обустроенной на чердаке университетского флигеля. Горели свечи, узкое окно закрывала простая темно-синяя штора, и несколько молодых людей, расположившихся кто на стульях, кто на потертом жестком диванчике, увлеченно беседовали. Алоиз, устроившийся в уединении возле окна, присматривался и прислу-

шивался. Много живости было в этих юношах, много вдохновенной силы одаренной молодости, и рядом с ними казалось, будто в мире не существует иных понятий, кроме творческих, иных явлений, кроме искусства.

– Должна ли поэзия заниматься повседневной жизнью или ее область – вечное? – задал вопрос Карл, шведский студент-теолог, с неторопливыми движениями и зачесанными назад светлыми волосами.

– Поэзия должна находить вечное в повседневном, – отозвался Альберт, сидевший ближе всех к Алоизу, и откинулся на диване, положив ногу на ногу. Его правильный профиль выражал уверенность.

– Это совершенно верно, однако что есть вечное? – спросил сосед Альберта по имени Франц и обвел присутствующих внимательным взглядом небольших глаз, готовый выслушать других и согласиться. – Вот, например, что есть вечного в этой комнате? В этой минуте?

– Для меня, так ничего, – ответил из дальнего угла Томас, неразговорчивый юноша с упрямым лбом молодого бычка. – Это пройдет, ничего не оставив по себе, и так же минует день завтрашний, и вся жизнь. Кто вообще сказал, что на земле есть что-то вечное? Все суета сует и ловля ветра, как утверждал Экклезиаст.

– У твоего Экклезиаста был слишком мрачный взгляд на жизнь, – заметил Альберт. – А ведь достаточно только присмотреться, чтобы увидеть непреходящие вещи. Наша общность – разве это кончится завтра? Или родина – разве ты назовешь любовь к ней суетной?

– Ты прав, надо только уметь видеть и выбирать, – подытожил Карл, и собравшиеся перешли к обсуждению следующего предмета.

Они говорили немало справедливого – эти поэты, еще не успевшие приобрести известность. Тем не менее, в каждом из них Алоиз чувствовал нечто неуверенное – некое искание, пусть его целью были только частности к почти сложившемуся целому. Но и поиск их был занимателен для него не меньше, чем находки, – занимателен от того, что производился сообща, с дружескими шутками и глубокими наблюдениями. Этот дух товарищества, столь редкий в обществе людей искусства, привлекал Алоиза своим отдаленным сходством с братством, идея которого была ему очень дорога.

Спустя неделю кружок собрался снова. В разгар обсуждения дверь неслышно отворилась, и в комнату вошел юноша лет двадцати трех, в черном плаще и с пронзительным взглядом пророка.
– О! Ансгар! – воскликнул сидевший напротив двери Карл, поднимаясь. – Какая приятная неожиданность!

Все внимание тотчас обратилось на незнакомца. Тот мягко, но сдержанно ответил на радостные приветствия – голосом странно глухим на противопоставлении с оживленной речью остальных, снял плащ и опустился на край дивана. Приятели окружили его. Алоиз, сидевший в тени противоположного угла, не сводил с него глаз.
– Мы уже не ожидали, что ты когда-нибудь придешь, – сказал Франц.
– Захотелось вспомнить прежние дни, – ответил

Ансгар. Товарищи принялись засыпать его вопросами и рассказывать свои новости, при этом шутливость и задор, отмечавшие их недавнюю беседу друг с другом, сменились некоторой почтительностью: по всей видимости, Ансгар, бывший их ровесником, чем-то отличался от них.

Наконец, Альберт поднялся с подлокотника дивана и взглянул в сторону Алоиза.

– А в нашем союзе появился новый человек, – сказал он. Алоиз встал со своего места, все еще пребывая в тени.

– Познакомьтесь, – Альберт сделал руками сближающий жест. Ансгар поднялся, и Алоиз шагнул ему навстречу – с той неуверенностью, которую всегда ощущал при знакомстве. Пламя свечей осветило их лица, и Алоиз с едва скрываемым восхищением увидел вблизи этот печальный лик, с заливами тени возле запавших глаз и темною прядью вдоль бледной щеки. Ансгар же, взглянув на него с готовой приветливостью, вдруг замер на мгновение, будто узнавая. Все молчали, и Алоиз ждал, не двигаясь. Альберт прервал тишину, обратившись к нему:

– Это, как ты уже слышал, Ансгар, один из основателей нашего кружка, – произнес он. – А это Алоиз, композитор и ценитель поэзии.

– Рад познакомиться, – приветливо улыбнулся Ансгар, справившись с замешательством, и протянул Алоизу руку.

– Я тоже, – тихо проговорил тот и коснулся несмело его уверенной руки.

VI

Над черным крестом собора появилась желтая луна. Алоиз задернул тонкую ситцевую занавеску и прилег на кровать. Его слегка лихорадило, как это нередко бывало в последние недели, и от жара с особенной живостью вспыхивали в сознании то обрывки из истории Средневековья, к лекции по которой он готовился этим вечером, то картинки сумрачных улиц города, запомнившиеся по дороге домой, то отдельные фразы из беседы поэтов, услышанной ранее, а через все это проступала темная фигура его нового знакомого, отделенная от всего и всех. Алоиз заложил руку за голову и закрыл глаза, вспоминая. Присутствовало нечто в том юноше, что заставляло думать о нем. Был ли он талантливым поэтом? Личностью, следовавшей своим путем? Чьим-то верным другом? Алоиз ничего еще не знал о нем – лишь имя и облик, являвший сосредоточенное, замкнутое в себе спокойствие, подобное тому, что владеет природой перед грозой. Несомненно, Ансгар был примечателен – даже среди своих сотоварищей, мысливших поэтическими категориями и искавшими красоту в этом мире. О чем мыслил он? Что искал и что нашел? Кто был он, этот юноша с обликом пророка – пророка, сказавшего свое последнее слово?

VII

Ночь прошла беспокойно, будучи полной странных будоражащих грез, возникавших и таявших в передвижении полос лунного света, падавших

падавших сквозь занавеску. Наутро Алоиз чувствовал себя еще более утомленным, чем вечером. Противная слабость владела одновременно телом и духом, отчего не хотелось ни шевелиться, ни думать, но только пребывать в почти приятном покое полузабытья.

Он с усилием поднялся с измятой постели, умылся теплой водой, принесенной от хозяина (одна мысль об обычной холодной вызывала озноб), и, выпив кофе, отправился в университет. На первых двух лекциях, по латинскому языку и греческой истории – предметам, занимавшим его недавно, – он даже немного приободрился, но в конце учебного дня ощутил ту же болезненную вялость. Как назло, последней была лекция по истории Церкви.

Господин Мюллер величественно вступил в аудиторию, сухо приветствовал студентов, и, взойдя на кафедру, зарокотал о падении Святого Града под натиском войск Саладина. Алоиз прислонился к спинке скамьи и отдался своей подавляющей истоме. Сегодня преподаватель не обращал на него никакого внимания.

– Гибель Иерусалима повергла в скорбь весь христианский мир, – вещал господин Мюллер – черный против белой стены. – Тогда его святейшество папа Урбан III написал к мирским правителям, призывая их объединиться на пути борьбы с неверными...

В груди длилась неясная боль.

– ... обещая отпустить грехи тому, кто возьмет крест...

Уныло поскрипывали перья.

– ... Фридрих Барбаросса не смог устоять против

дуновения Святого Духа и взял крест...

Что-то темное и теплое охватило Алоиза.

– ... и так был начат новый поход.

Под блистающим шквалом копий недруг не устоял...

– Алоиз!!!

Юноша вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стоял господин Мюллер. Полное лицо его было багровым от возмущения.

– Что сие значит?! – рявкнул он. – Спать?.. На моих лекциях?! По священной истории?!!

Где-то раздался сдавленный смешок. Господин Мюллер не слышал: все его внимание было приковано к Алоизу. Тот, совершенно проснувшийся, поднялся и стал, смиренно склонив голову.

– За такое... выгнать... мало! – выдохнул преподаватель. У Алоиза слегка дрогнули губы в усмешке.

– И чем Вы это объясните? – снова набрав воздуха, прогремел господин Мюллер. – Тем, что Вам ни к чему знать церковную историю?

– Ни в коем случае, – спокойно и вежливо отозвался Алоиз, не поднимая глаз. – Историю всем полезно знать, чтобы извлечь из нее определенные уроки. Просто я плохо спал эту ночь.

– Плохо спал! – ворчливо повторил преподаватель. – Все вы плохо спите... О чем вы только думаете? – он повернулся и грузно зашагал к своей кафедре.

VIII

В воскресенье Алоиз снова был среди поэтов. За две прошлые встречи он смог оценить каждого из

них. Франц обладал пытливым, но ограниченным умом, Томас был разочарованным нигилистом, Карл – умным добропорядочным мещанином, а вдумчивый и независимый Альберт был склонен переоценивать малозначимое. Имея достаточное представление о них, Алоиз больше не испытывал чувства отстраненности и в этот раз, сознавая свою самодостаточность, с интересом принял участие в их беседе – словно старший. Когда же обсуждение вышло за пределы чистой поэзии и коснулось искусства в целом и творчества как такового, он заговорил столь уверенно, будто пытался внушить их еще восприимчивым умам собственные идеи.

– Вот вы говорите, что рационализм чужд искусству, – произнес Алоиз, присаживаясь на подлокотник кресла. – Однако смотря что подразумевать под этим понятием. Если, например, произведение являет собой мысль, а не одно переживание, оно может быть названо рациональным. Но если человек заявляет, что не существует ничего надмирного, ничего, кроме зримой поверхности, и призывает, как мы теперь нередко слышим, отбросить «суеверия» и заглушить чувство идеей, это уже не суждение от разума, но сущая глупость, – он поднялся и снова прошелся по комнате, хрупкий и решительный, казавшийся еще темнее в неясном свете свеч. Остальные члены кружка слушали его, не прерывая.

– Если заглянуть вглубь и посмотреть, что является началом творчества, то мы найдем, что побуждение происходит от чувства, но развитие дает мысль, – он остановился, скрестив руки, возле занавешенного окна и окинул взглядом присутствующих. Все взоры были обращены на него. – Не-

что, хорошее или плохое, производит на нас определенное впечатление, – продолжил он, опять начав прохаживаться, – то есть воздействует на чувство, а от этого переживания возникает некоторая идея. Таким образом, получается, что рассудок и чувство дополняют друг друга в творческом действе, но главенствует все-таки рассудок, – и он вернулся на свое место в затемненном углу.
– Ну, я нахожу твое заключение оспоримым, – протянул Карл с противоположного конца комнаты. – Если, допустим, меня вдохновила роза, и я написал о ней стихотворение, воспев ее красоту и не выводя из этого никакого силлогизма, разве его источником не будет одно только чувство без вмешательства рассудочного начала?
– А кто сказал, что это вообще будет стихотворение? – насмешливо спросил Альберт.
– А что такое, по-твоему, стихотворение? – задал Карл встречный вопрос, ожидая поставить того в тупик.
– Отображение умонастроения в данное время, – не задумываясь ответил Альберт и откинулся в кресле с победным видом. – Заметь: умонастроения.
– Согласен: отображение внутреннего состояния, – ловко перефразировал его Карл, не желая спорить.
– Не состояния как такового, – негромко заметил Алоиз, – но внутреннего отклика на внешнее событие или побуждение извне. Поэзия ничто иное как сосредоточенная явь, воспринятая отдельным человеком.
– Превосходно! – Франц даже вскочил с дивана. – В этих нескольких словах – вся сущность нашего дела! – пылко произнес он, обращаясь к сотовари-

щам. – Нет, это просто изумительно, как человек, можно сказать, со стороны способен так глубоко проникнуть в суть поэтического творчества, – и он посмотрел на Алоиза с нескрываемым восхищением. Тот, не привыкший к похвалам и не ожидавший их теперь, потупился и чуть покраснел. В его углу этого не было видно.
– Музыканту полезно знать поэзию, – сказал он, – как поэту – музыку.
– Да, а мы о музыке знаем не столь уж много, – задумчиво протянул Альберт. – И у меня есть одно предложение...

Все прислушались и даже молчаливый угрюмый Томас взглянул на говорящего с интересом.
– Не будет ли Алоиз столь любезен сыграть для нас какую-либо из своих композиций – допустим, в следующую встречу? Нам всем было бы приятно послушать, – и Альберт посмотрел на Алоиза. Тот немного помедлил в нерешительности, после чего сказал:
– Хорошо. Я сыграю что-нибудь.

IX

Ночью выпал первый снег, и город преобразился. На ветвях деревьев, фонарях, крышах, карнизах лежала чистая легкая опушка, и ранний вечер казался Алоизу светлее, когда он, спрятав руки в карманы и подняв воротник, спешил на собрание кружка.

Его уже ждали. Скользнув взглядом по лицам, он поздоровался и вдруг замер, заметив в затененном углу сидевшего в кресле Ансгара. Тот привет-

ливо кивнул ему, чуть улыбнувшись. Испытывая непонятное волнение, Алоиз неторопливо разделся, аккуратно повесил свои вещи и присел в кресло возле ярко пылавшего камина, протянув к огню слегка озябшие руки. Тем временем поэты продолжали свою негромкую беседу, занимая время перед его игрой. Фортепиано, заранее принесенное из другого помещения, ожидало в его углу – наискосок от того, где сидел Ансгар.

Присутствие этого юноши беспокоило Алоиза. Нимало не стесняясь общества остальных, в котором он успел с уверенностью занять свое место и завоевать уважение, он робел перед ним, как если бы тот мог видеть самую его сущность и бесстрастно судить ее.

Окончательно согревшись, Алоиз в сосредоточенном молчании перешел к инструменту. Деловито опробовав его, он объявил присутствующим – сознавая из них лишь Ансгара – название композиции, которую собирался исполнить. Все затихли, Алоиз приготовился, а затем мягко и решительно коснулся клавиш...

Это было совсем не то, что он первоначально намеревался сыграть. Быстрое аллегро, рвущееся из-под рук, словно игривый ручей, которое подходило для исполнения перед этими молодыми людьми, казалось почему-то невозможным в присутствии Ансгара. Непостижимое спокойствие – или подавленность жизненных сил, отмечавшее облик этого юноши, внушало Алоизу совсем иное настроение. И он импровизировал, бережно создавая из задумчивых звуков простую и влекущую грезу, напоминавшую туманную даль, соединяющую в себе конец и начало.

Он играл, не поднимая глаз и не замечая окружающих, как будто превратившись с музыкой в одно. На последних глубоких аккордах он вдруг вскинул голову, словно от некоей переполняющей истомы, и, взглянув в сторону Ансгара, встретился с его тоскующим взглядом.

X

– Это просто поразительно! – в голосе впечатлительного Франца звучало искреннее восхищение. – Кажется, я мог бы слушать сколько угодно.
– Да, чудесная игра, – горячо поддержал его Альберт. – Столь живое отображение живого чувства!
– Никогда прежде я не слышал ничего подобного! – вставил свое слово Томас. – Это просто невероятно!
– Прекрасно! – добавил Карл.
– Неправдоподобно!..

Алоиз, поднявшись из-за фортепиано, вежливо улыбался собравшимся возле него молодым людям, почти не слушая их безудержные похвалы. Все его внимание было сосредоточено на Ансгаре. Тот стоял в стороне, сложив руки у груди и опустив взгляд, как будто чего-то ждал. Поэты сказали Алоизу еще несколько благодарно-хвалебных слов, пожелали дальнейших успехов и оставили его, собираясь уходить. Алоиз медлил. Снова опустившись на стул, он задумчиво поглаживал клавиши, искоса наблюдая за Ансгаром. Тот тоже не спешил покидать комнату и бесцельно прохаживался из угла в угол, как будто размышляя над чем-то.

– Ты, должно быть, уйдешь последним? – спросил у Ансгара Карл и, получив утвердительный ответ, передал ему ключ:
– Тогда закрой, пожалуйста, дверь, – и он вместе с оживленными сотоварищами исчез в темном проеме. Алоиз вынырнул из тени:
– Я что-то немного замечтался, – сказал он, оправдываясь. – После игры я нередко становлюсь рассеянным.

Ансгар, прекратив расхаживать, слегка улыбнулся:
– Такая игра заставила мечтать и меня... Мне казалось, будто я присутствую при совершении некоего таинства.

Они стояли посреди комнаты, на расстоянии в несколько шагов, озаренные светом догоравших свеч.
– Я задержался именно для того, чтобы выразить свое восхищение, – объяснил Ансгар, не глядя на Алоиза, и, помолчав, смущенно добавил:
– Но теперь чувствую, что у меня не получится.
– И не надо пытаться, – тихо ответил Алоиз, преодолевая странную робость. – Я все понимаю...

Они замолчали, и наступила полная тишина. В сознании Алоиза стали возникать какие-то нелепые слова для продолжения разговора, которые он тотчас оставлял, чтобы найти иные; и чем дольше это длилось, тем труднее становилось что-либо произнести. Странно, но еще никто не приводил его в замешательство... Наконец, нелепым стало казаться само положение, и, когда бедный Алоиз окончательно растерялся, Ансгар, все это время изредка бросавший на него проницательный взгляд, мягко проговорил:

– Скоро университет закроется. Пора идти домой.
– Да, пора! – с облегчением подхватил Алоиз. – И как там, на улице? – он подошел к окну и отодвинул занавеску. В синей мгле медленно кружились крупные белые хлопья, в некоторых окнах на первом этаже теплился свет, и чья-то одинокая фигурка брела по дорожке от крыльца.
– Снег идет, – объявил он и вернулся к Ансгару.
– Как далеко ты живешь? – спросил тот.

Алоиз назвал свою улицу.

– Неблизко... – проговорил Ансгар и с готовностью предложил:
– Я провожу тебя.

Алоиз, просияв, потупился:

– О, если это не будет затруднительным...
– Ни в коем случае. Тем более что мне нравится гулять под снегом.

Они оделись и вышли.

На улице Алоиз поднял воротник, чувствуя, как легкие снежинки с холодной лаской касаются его пылающих щек.
– А мне больше нравится лето, – сказал он, легко шагая рядом с Ансгаром. – Я очень не люблю холод.
– Лето быстро придет, – отозвался тот, неторопливо и уверенно ступая по пушистому снегу. – В темноте всегда кажется, что не может быть света, но рано или поздно наступает утро...

Они прошли спокойными улицами, мимо желтых пятен окон и беспросветных черных дворов, и, наконец, оказались возле дома, где жил Алоиз.
– Вот мы и пришли, – сказал он, останавливаясь.
– Тебя, должно быть, уже заждались, – проговорил Ансгар, скользнув взглядом по освещенным

окнам первого этажа.
– Меня некому ждать. Здесь я только снимаю комнату, а живу в другом городе.
– Я тоже не из этих мест, – отозвался Ансгар.

Алоизу показалось, что тому не хочется уходить, и он предложил:
– Не желаешь ли зайти на чашечку чая?

Ансгар покачал головой:
– Спасибо, но когда-нибудь в другой раз.
– Когда? – неожиданно для самого себя спросил Алоиз и посмотрел в смутно различимое лицо Ансгара. Тот опустил голову, задумавшись, а потом сказал:
– Если будет удобно, то послезавтра вечером.
– Конечно, удобно! – обрадовался Алоиз.

Они попрощались, и Ансгар растворился в безнадежной серой мгле, в которой упрямо возвышалась одинокая черная колокольня.

XI

Алоиз не ложился почти до самого утра. Со свечой, при запертой двери и завешенном окне, сидел он за столом, размышляя, покашливая и прислушиваясь к тому внутреннему звучанию, что есть начало любого творения. Музыка, представлявшаяся невозможной в серой застылости этого города, возвращалась к нему. Неотделимая от Ансгара, его облика, речи и движений, она являлась из неясных глубин, развивалась и совершалась, пока не превратилась в скрипичную сонату. С последним записанным знаком чудо не кончилось. Вместо усталой удовлетворенности, а то и

полной исчерпанности душевных сил – обычных ощущений Алоиза по завершении работы – он испытывал радостное возбуждение, словно в каждой жилке его существа пробудились живительные токи.

По стеклам шуршал снег. Юноша потушил свечу и подошел к окну. В белой смуте метели земля и небо казались едиными – с черным разрывом там, где находился собор. Прежде, глядя вот так в свое окно, за которым старый сад хранил память о живших в том доме предках, Алоиз, не чувствовавший родства ни с кем и ни с чем, думал о той пустоте, каковой являлся для него мир, и ему становилось страшно, как то бывает, когда гаснет свеча, а рука не может нащупать спички. Мир был для него отсутствием друга, и это отсутствие отрицало его самого, нелюбящего и нелюбимого – ненужного. Теперь там появился тот, о ком он мог думать и кто, как он надеялся, думал о нем. Зовущая нежность к Ансгару волною поднялась в Алоизе, заставив опереться ладонями о подоконник и закрыть глаза, тогда как мимо самого его лба с шумом проносилась метель, будто вырвавшиеся на волю силы природы в безудержном и страшном ликовании отзывались на его ожившие чувства.

XII

В условленное время за два дня до нового 1777 года пришел Ансгар. С мерцанием тающих снежинок на шапке и румянцем на щеках вошел он вместе с Алоизом в его комнату и остановился в

нерешительности у двери.
– Не скажу, конечно, «чувствуй себя, как дома»,– улыбнулся Алоиз, – но, во всяком случае, не стесняйся. Присаживайся, – и он указал на стул, на который был заблаговременно наброшен новый мягкий коврик. Ансгар разделся, быстро провел рукою по волосам и сел. Алоиз запер дверь, после чего, двигаясь бесшумно и ловко, заварил чай, нарезал душистый белый хлеб и раскупорил горшочек с яблочным вареньем:
– Угощайся! – любезно пригласил он.

После трапезы, сопровождавшейся редкими вежливыми замечаниями с обеих сторон, молодые люди перешли на кровать, застеленную чистым простым покрывалом и долженствовавшую служить в этот вечер диваном.
– Расскажи мне что-нибудь о себе, – попросил Алоиз, облокачиваясь о деревянную спинку.

Ансгар, сидевший на другом конце, положив ногу на ногу и обхватив колени руками, немного подумал, после чего негромко заговорил:
– В моей истории нет ничего примечательного. Родился в Гиссене, потом моя семья перехала в Цвайбрюкен, в 1771 году я поступил в университет Гёттингена, на юридический факультет. В 1772-м, вместе со знакомыми, основал поэтический кружок. В 1775-м перешел на факультет теологии. В этом году завершил учебу и вернулся домой. Таковы внешние события моей жизни.
– А поэзия? – напомнил Алоиз. – Ведь это твое основное дело…
– Да, поэзия была моей необходимостью с ранней юности. Я привык воспринимать мир посредством слова, мыслить смысловыми образами, вслушива-

ться в суть вещей... Услышанное я пытаюсь сказать – как будто на другой язык перевести. Это не всегда удается. Да и возможно ли сполна передать идею?
– У меня так же создается музыка, – заметил Алоиз. – Я как будто вслушиваюсь в некое звучание, вдруг открывшееся мне... во мне... и стараюсь записать, пока оно не затихло. Но, странное дело, как только я начинаю заносить его на бумагу, оно становится глуше, а порой и вовсе исчезает.
– И тогда приходится отыскивать утерянное, как будто шарить в темноте, – подхватил Ансгар. – При этом становится страшно: вдруг оно ушло безвозвратно, и то живое, что ты начал и что еще пульсирует в тебе своей особой неистовой жизнью, должно погибнуть...

Алоиз не сводил с него глаз.
– А если все удается, – продолжал Ансгар, – то возникает ощущение, как будто ты своей вещью меняешь мир. Тебе это знакомо?
– Да, я испытываю нечто подобное... Только не мог – до сих пор – выразить. Вот именно – словно меняешь мир, – Алоиз задумался. – А он все равно остается прежним, и ни новое стихотворение, ни симфония, ни даже Слово Творца не в силах его изменить.
– И мы оказываемся только песчинками, борющимися с непоправимым, – подытожил Ансгар. – Впрочем, – он помедлил, – лучше изменить одну душу, одну жизнь, чем пытаться переменить все, не так ли? – и взглянул внимательно на Алоиза.

Тот покачал в удивлении головой:
– Я никогда не встречал людей, которые мыслили бы так же, как я. Это какое-то чудо...

Ансгар чуть улыбнулся:
– Бывают даже еще большие чудеса, – тихо сказал он, глядя на Алоиза с мягкой печалью.

Ансгар провел с Алоизом весь вечер и ушел лишь когда время перевалило за полночь. Алоиз проводил его до крыльца, заметенного снегом, постоял там, глядя в темноту, в которой скрылся его товарищ, и нехотя вернулся в свою опустевшую комнату. Место на постели, где сидел Ансгар, еще хранило его след. Алоиз закрыл дверь и лег поверх покрывала. Снова с ним остались одни воспоминания – или, скорее, впечатления и ощущения, заставлявшие его до сих пор чувствовать присутствие Ансгара. Пока беседа с ним увлекала его и отвлекала, он почти не испытывал волнения, но теперь, когда он остался наедине с его образом, полностью ему принадлежавшим, чувства ожили. Пронзительная радость, нежность, томление овладели податливым существом Алоиза, отчего он и улыбался, и плакал, и поглаживал исчезнувший след, пока, утомленный счастьем, не погрузился в уютный сон. Он больше не был один.

XIII

Молодые люди договорились встретиться на следующий день в четыре часа. И вот – четыре часа. В комнате белая тишина от замершего узорчатого окна. Протоплена печь, тщательно застелена постель, на столе свежие булочки. И никого. Алоиз в беспокойстве прошелся по комнате, коснулся ледяного стекла, скрывшего улицу от глаз,

распахнул дверь в сумрачный коридор. Никого. Может быть, хозяин не услышал звонка и не открыл? Ну, конечно же! Алоиз быстро оделся и поспешил вниз.

На крыльце ровный снег. Где-то вдалеке унылый звон колокола, прерываемый бранью извозчика, подгоняющего сопротивляющуюся лошадь. Никого. Никого для него, Алоиза, растерянно оглядывающего заснеженную улицу с черными изломами ветвей и темным рядом домов.

Он подождал, глядя то в одну, то в другую сторону, и вернулся к себе. Может быть, Ансгар забыл? Едва ли... Что-нибудь случилось? Или тот исчерпал его так же, как он сам исчерпывал других в своем безнадежном поиске? Алоиз сидел не двигаясь на краю постели и думал. Угасающий свет слабо проникал сквозь морозное окно: в комнате собирались ледяные сумерки.

Посреди темноты и тревожных мыслей раздался осторожный стук в дверь. Алоиз бросился открывать. На пороге стоял Ансгар.

– Добрый вечер, – приветствовал он онемевшего от радости Алоиза. – Прости, что я задержался. Мне слегка нездоровилось.

Алоиз провел его в комнату, зажег свечу, помог раздеться, чувствуя холод одежды и тепло Ансгара, и усадил на тот же стул, где Ансгар сидел в прошлый раз.

– Я думал, ты не придешь, – признался Алоиз, опускаясь на краешек постели напротив него. Сказал «думал», тот услышал, как надо: «боялся». И улыбнулся ему своей светлой улыбкой, с неизвестной печалью в уголках губ:

– Если я обещал... Только нечто непредвиденное

может заставить меня нарушить свое слово.

Они мало говорили в этот раз, лишь время от времени вспоминали что-нибудь о музыке и поэзии или же рассказывали о незначительных событиях своей жизни, после чего погружались в общее молчание – в ту успокаивающую тишину, что лучше любых слов объединяет тех, кто устремлен друг к другу. За окном уныло свистела синяя вьюга.

– Прочитай мне что-нибудь из своих стихотворений, – неожиданно попросил Алоиз. – Мы немало говорили о поэзии, но я совершенно не знаю твоей.

Ансгар, сидевший теперь на кровати на расстоянии вытянутой руки от Алоиза, задумался, опершись о колено и положив подбородок на руку.

– Даже не знаю, что, – растерянно проговорил он. Помедлив еще, он посерьезнел, собираясь с мыслями, а потом выпрямился, отбросил привычным движением головы упавшие на щеку волосы и, закрыв глаза, с пророческим вдохновением в лице начал читать. Это была не та лирическая песнь, свойственная поэтам, декламирующим свои стихи, но живая речь, как будто произносимые слова рождались прямо сейчас, в высшем и трагическом наитии. Трагическом: ибо ни одного солнечного блика не было в этом рассказе – рассказе о пустоте, что неуклонно вовлекала в себя душу поэта:

... В закатной алости последней немоты,
Сжимающей темнеющее небо,
Исчезнуть вздохом пустоты,
Исчезнуть –

и больше ничего... Ровно горела наполовину истаявшая свеча, и глубокая тень окружала прикрытые глаза Ансгара. Он замолчал и сидел не шевелясь. Алоиз, еще зачарованный его голосом и взволнованным той неизвестной тоской, что скрывалась за словами, несмело взглянул на него – как будто взгляд мог потревожить ту гармонию, какую являет собою поэт, посвящающий понимающего слушателя в тайну своей внутренней жизни. Ансгар открыл глаза и, ожидая оценки, посмотрел на него вопросительно и немного смущенно.

– Я мог бы отозваться только музыкой, – тихо проговорил Алоиз. – О, нет, даже музыка бессильна... – он зажмурился, словно что-то припоминая. – То, что в стихотворении... Как это страшно... – он опустил голову. Ансгар внимательно наблюдал за ним.

– Скажи, – Алоиз взглянул на него, – эта пустота – отчего она?

Ансгар отвел взгляд, бездумно поправил рубашку на груди и просто ответил:

– Всего лишь от некоторого чувства одиночества.

– Некоторого? – Алоиз чуть придвинулся к нему. – Я же слышу, как тебе трудно... Эта пустота... Пустота отсутствия... – он смешался и смолк. Чувство Ансгара было его собственным: он знал то же одиночество. Они не могли не понять друг друга, не могли остаться чужими... Наконец, он тихо спросил:

– Ты ведь тоже слишком скучаешь без друга?

– Да, – отрывисто ответил Ансгар. – Потому что я слишком привык к нему.

Глаза Алоиза расширились.

– Именно так, – подтвердил Ансгар, бледнея. – Он

умер три недели назад.

Какая-то ледяная иголочка болезненно сломалась в груди, и наступила тишина. Ансгар сидел недвижимо – поникший, темный, погруженный в свои мысли. Алоиз не знал, что делать. Наконец, придя в себя, он подвинулся еще ближе к Ансгару и мягко коснулся его руки, безвольно лежавшей на колене. Тот с покорной тоской посмотрел на него:

– Я любил его, – проговорил он и отвел взгляд. – Мы были знакомы почти с самого детства...

Алоиз не отнимал руки.

– Расскажи мне о нем, пожалуйста, – осторожно попросил он. Сострадание к Ансгару и ожившее ощущение одиночества боролись в нем. Ансгар слегка вздохнул, прикрыл глаза, как при чтении стихотворения, и заговорил – негромко, с печальной задумчивостью:

– Мы познакомились в гимназии. Он тоже писал стихи – начинал писать, – это нас и сблизило. Поначалу мы были только друзьями: он был младше меня на три года. Благородный и милый, он верил мне так, будто я заключал в себе всю мудрость мира... К другим он относился с недоверием и был склонен все ставить под сомнение. Я эти сомнения разрешал... Так он и жил рядом со мной, покорный и восприимчивый, пока однажды я не увидел, что это уже не тот мальчик, к которому я привык относиться покровительственно-снисходительно, но самостоятельный юноша. Он стал очень привлекательным, – Ансгар чуть улыбнулся – одними горькими уголками губ. – И я не устоял... Это было так странно: полюбить своего друга... Новизна опьяняла нас. Мы были неразлучны. Я любовался им, восхищался его грацией, чистотой, возвышен-

ностью его духа... А он был так предан мне... Мы были – одно, – Ансгар замолчал, сцепив руки и невидяще глядя в пространство. Алоиз не шевелился возле него.
– В одну зиму, – глухо продолжал Ансгар, – находясь в этом городе, где он учился, он простудился. Стояли такие сильные морозы, а он так боялся холода... Он тяжело болел и окончательно уже не поправился. Странная лихорадка стала посещать его – внутренний жар, которому все больше и больше поддавалась его хрупкая оболочка. Потом он стал кашлять кровью... Я находился дома, когда от него пришло письмо, в котором он молил меня приезжать скорее. «Я хочу сказать, как сильно я тебя люблю», – значилось там. Я приехал. Он был почти неузнаваем: жар поглощал его тело и, странно, будто высвобождал его дух. Я не знал прежде, что в нем столько силы. Он принимал свои страдания, как... – Ансгар внезапно замолчал, уронив голову, но тотчас, справившись с собой, продолжил:
– Как мученик первых веков... Он говорил мне о небесах, словно уже видел их. Может быть, он действительно их знал: он не принадлежал земле. Сколько раз я со страхом думал, что он не сможет жить в этом мире один, без защиты, – если придется. И вот теперь он уходил – «к Отцу», как говорил он. Я не хотел – да простит мне Он! – отпускать его даже к Нему... А он печалился обо мне. В эти последние дни он ни разу ничем не выразил противления своей участи, ни разу не упомянул о том одиночестве, что ожидало его, но только о том, что ожидало меня, – и Ансгар снова погрузился в свои тягостные воспоминания, неразделимые ни с

кем.
– Он ушел утром – пустым белым утром... Его последними словами были слова любви.

Стало тихо. Юноши сидели рядом, разделенные своей внутренней жизнью. Алоиз думал о том, что только узнал, и о своем прежнем одиночестве. Что хуже: иметь и потерять, оставшись с ранящими воспоминаниями, или не иметь никогда и жить с ощущением длящейся потери? И что будет завтра для одного и для другого?

Ансгар достал из-за пазухи простой серебряный медальон:
– Вот таким он был, – сказал он и, подняв крышку, положил его в ладонь Алоиза. С благоговением, как при евхаристии, тот принял нагретый медальон, из которого на него смотрел большими ласковыми глазами красивый мальчик с правильными чертами лица и длинными светлыми волосами, легкими волнами спадавшими на плечи. Алоиз невольно улыбнулся ему в ответ, и льдинка исчезла.
– Он очень красивый, – проговорил Алоиз, не отрывая взгляда от изображения. Помедлив, он осторожно закрыл медальон и, вложив его в руку Ансгара, накрыл своею:
– Стоило жить, чтоб быть твоим любимым, – прошептал он, глядя в сторону.
– Он был очень похож на тебя, – тихо заметил Ансгар. Алоиз вскинул на него глаза. Тот мягко улыбался, и в его улыбке больше не было горечи.

XIV

Убрав медальон в теплоту под белую рубашку, Ансгар уверенно и осторожно взял в свои ладони покорную руку Алоиза. Сквозь тонкую кожу ощущалось ее хрупкое строение, а длинные пальцы были нежно прохладны у кончиков. Алоиз вспыхнул от предощущения чего-то значительного и, опустив глаза, услышал сквозь волнение тихое: «Я люблю тебя». Не успел он в это поверить, как ласковые руки Ансгара слегка обняли его за плечи, а мягкие губы настойчиво коснулись щеки. Пространство всколыхнулось, будто привычный мир внезапно отхлынул, и ослабевшим существом овладела зовущая сладостная истома. Словно ища избавления от нее, Алоиз с девственной робкой страстностью прильнул к Ансгару и подставил ему губы...

Он желал сполна воспринять друга и насытиться этой красотой, теплотой, силой – силой не телесною, но духовной, которую он осознавал в нем и которая привлекала его, обещая давно искомое успокоение. А Ансгар, как будто отзываясь на его томление, приникал к нему, словно к животворящему источнику, – губами, ладонями, всем существом своим, приникал так порывисто и отчаянно, будто стремился преодолеть тела и своею душой коснуться зовущей изнемогающей души Алоиза. Порыв любви есть неистовое и бессознательное желание быть – но быть существом не телесным, а тем совершенным, которым человек может стать лишь за пределом земного, где нет одиночества. К этому совершенному совместному бытию и устремлялись ищущие души влюбленных,

пока в почти нестерпимом восторге ласк не слились воедино – на мгновение непреходящей Любви.

XV

Первое, что увидел Алоиз, проснувшись, было счастливое лицо Ансгара. Тот уже давно не спал, даже успел протопить печь и теперь, лежа на боку, любовался своим возлюбленным в розовом свете морозного утра.

– Неужели это правда? – пробормотал Алоиз, касаясь его так, будто тот был видением. – Я думал, мне приснились небеса.

Ансгар улыбнулся и погладил его по шелковистым волосам:

– Это и есть наши небеса.

Его чуткие пальцы медленно проследили волнистую прядь, спускавшуюся вдоль шеи Алоиза, и остановились пониже ключицы. Тот перехватил его руку и прижал к сердцу:

– Чувствуешь, как радостно оно бьется? – сказал он, и в его глазах замерцали ласковые искорки. – Это оно благодарит тебя за то, что ты подарил ему жизнь. Да-да, жизнь: оно не может существовать пустым...

Они еще понежились в постели, лаская друг друга и шепча о любви, а потом Ансгар приподнялся:

– Думаю, мне пора уходить.

Алоиз остановил его:

– Переселяйся ко мне!

Ансгар подумал немного, после чего прогово-

рил:
– Было бы приятно поселиться с тобой, однако моя работа... Ты знаешь, я приехал сюда только на время. Я служу в своем городе духовником у одного человека.

На лице Алоиза отобразилось удивление. Тотчас справившись с собой, он ответил шутливо:
– Будем надеяться, что он не собьется с верного пути, пока ты со мной!

Поразмышляв еще, Ансгар сказал беспечно:
– В конце концов, я могу сообщаться с ним письменно, – и поднялся в розовое сияние совершенно обнаженный. Алоиз невольно зажмурился, а открыв глаза, приподнялся на локте, созерцая явленную ему картину. Стройное гибкое тело друга выглядело удивительно нежным, словно светящимся изнутри, и – незнакомым: ночью, в темноте, он не мог его рассмотреть и только чувствовал теплоту и волнующую гладкость. Ансгар, заметив пристальный взгляд Алоиза, остановился, давая ему возможность полюбоваться, и тот насыщался им зрительно, пока на его щеках не сосредоточилась вся розовость рассвета, а взгляд не потемнел от желания. Ансгар все понял, улыбнулся новой, чуть озорной, улыбкой и быстро вернулся в постель.

XVI

Днем Ансгар перенес к Алоизу свои скромные пожитки, отказался от предложения хозяина поставить вторую кровать, объяснив, что он может довольствоваться малым, и началась новая жизнь. Умерший мальчик улыбался в одиночестве под

крышкой.

Однажды ночью Алоиз, отдыхая от ласк в льдисто-голубом свете луны, произнес, осторожно отстраняясь от друга:

– Мне кажется, что в наших отношениях есть что-то не очень хорошее...

Ансгар насторожился, приподнимаясь:

– Что ты хочешь сказать?

– То, что эта радость возникла из чужого несчастья, – ответил Алоиз, еще больше отстраняясь. – Я подразумеваю твоего любимого. Где-то в самой глубине я чувствую вину перед ним оттого, что как будто занял его место, – он сел, обхватив колени руками. – Теперь он один, а любовью, к которой он привык, пользуюсь я. Ты сам не находишь это несколько неловким?

Ансгар, внимательно слушавший, улыбнулся и успокаивающе погладил Алоиза по руке:

– Не тревожься об этом. Да, ты занял его место, но он это место уступил. Незадолго до конца я обещал ему, что у меня не будет никого другого, обещал опрометчиво, ведь такое слово труднее всего сдержать... И на это он ответил, что отпускает меня, потому что не желал бы мне одиночества.

Алоиз задумался, а Ансгар, слегка сжав его руку, повторил:

– Поэтому не тревожься. Если он знает... если бы знал об этих твоих чувствах, он восхитился бы тобою – как я сейчас, – Ансгар сел в постели и обнял Алоиза:

– Так что ты ничего не отнял – напротив, подарил: мне – возможность снова быть счастливым, а ему – именно так! – радость за меня, – и он повлек покорного Алоиза обратно на подушки.

XVII

Теперь юноши все время были вместе, кроме часов, которые Алоиз должен был проводить на занятиях. Ненужная учеба, отвлекавшая его уже не только от музыки, но и от друга, стала досаждать ему еще больше, и, если бы не уважение к воле отца, он, несомненно, давно бы ее оставил. Он не сблизился ни с кем из студентов, не испытывая в этом потребности, и перестал посещать кружок, потеряв интерес к его членам, столь значительно уступавшим в своих познаниях и личностной силе его Ансгару. Ансгар тоже не был совершенством – он был тем, в ком нуждался Алоиз. Именно о нем тосковал он всю сознательную жизнь, что прошла для него одним внутренним отчаянным зовом «Брат мой!..»; именно его видел в радостных снах, от которых столь страшно было просыпаться в привычную боль; для него писал музыку, желая подарить всю свою теплоту... Ансгар стал его сбывшимся желанием – его осуществлением в другом.

Алоиз с удовольствием подмечал в Ансгаре общие с ним черты, как все новые и новые подтверждения действительности своего счастья. Ему было присуще стремление делиться тем, что увлекало его самого, и теперь он приходил в восторг, когда найденные им стихотворение или гравюра нравились Ансгару. А тот с интересом принимал все, что открывал ему Алоиз и благодарил, знакомя его с собственными любимыми вещами. Им нравилось читать одну и ту же книгу, сидя плечом к плечу и следуя взглядом по одним и тем же строкам. Каждому из них казалось, что к другому при

этом приходят те же мысли и он испытывает те же чувства. Иногда Ансгар читал для Алоиза вслух, сидя на краю постели, тогда как тот лежал на спине, закрыв глаза и расслабленно закинув руки за голову. Мягкий и богатый тембр его голоса доставлял Алоизу наслаждение, а произносимые им слова становились как будто еще выразительнее.

Алоиз знал наизусть многие из стихотворений Ансгара. Все они были, по его просьбе, прочитаны ему в разное время, после чего он сам много вечеров, уютно устроившись с доверенной ему тетрадью, вчитывался в ровные строки, написанные уверенным четким почерком с легкими завитками, напоминавшими крылья ласточек в стремительности полета. Эта тетрадь была записанной душой Ансгара, и странное волнение овладевало Алоизом, когда он оставался с нею наедине – пусть при этом его друг присутствовал в той же комнате, читая или отдыхая. Он ощущал себя так, словно пребывал в храме, один на один с незримой Любовью.

Эти стихи отображали совершенно зрелую личность – независимую, страстную и любящую. Большая их часть была посвящениями первому возлюбленному Ансгара, другие говорили о вере, свободе, жизни. Некоторые являлись картинами в слове: древняя река, помнящая историю этой земли, грозовая ночь, подобная свободолюбивому духу народа... Алоиз удивлялся тонкости восприятия Ансгара и точности передачи мысли и чувства. Тот все чувствовал, все понимал, все мог – или почти все. Глядя в это худое одухотворенное лицо, касаясь этой уверенной твердой руки, Алоиз в самом себе осознавал необычайные силы – силы

созидания и стойкость перед лицом жизни. Ему нечего было опасаться рядом с Ансгаром, любящие объятия которого были его убежищем.

Он теперь много писал – для возлюбленного. Сонаты, кантаты, квартеты, симфонии: каждый оттенок его чувства, каждое новое впечатление превращались в музыку. Он сам превратился в музыку, работая с таким же упоением, с каким любил. Сколько раз он с разгоревшимися щеками и сиянием в глазах обращался к другу, держа в руке новую партитуру: «Я закончил!» – и по просьбе того наигрывал ему части композиций или же исполнял полностью, когда было возможно. «О, если бы сыграть для тебя все! – вздыхал Алоиз. – Если бы у меня был оркестр – или хотя бы несколько музыкантов для части работ! Ты ведь не можешь услышать то, что я пишу благодаря тебе и для тебя». Невозможность сполна разделить с любимым свой внутренний мир, им оживленный и для него существующий, томила Алоиза. По ночам, приникнув к груди Ансгара, он шептал в почти мучительной истоме: «Если бы я мог дать тебе почувствовать все мои чувства и узнать все мои мысли, чтобы ты ощутил всю мою любовь к тебе и тебе было хорошо!..» Ансгар гладил его и отвечал теми же словами. Тела мешали им, разделяя. Только во время ласк они становились путем к соединению – соединению на один миг будущего блаженства, после которого, отдохнув, можно было опять начинать восхождение.

XVIII

Незаметно миновала зима. Растаял почерневший снег на улицах, обнажились окрестные холмы, и буковая роща на окраине города ожила предощущением листвы.

В один из апрельских вечеров Алоиз возвращался в свою комнату из книжной лавки. Малиновое солнце, опускавшееся за его спиной в перистые облака, озаряло широкий прямой бульвар печальным розовым светом. Мимо проезжали кареты, гремя по выложенной камнем мостовой, прохожие, теперь не столь сумрачные, как зимой, попадались навстречу Алоизу или обгоняли его. Он шел неторопливо, глядя себе под ноги, и с каждым шагом все возрастала необъяснимая томительная слабость. Дойдя до угла, он остановился, опершись рукой о теплый ствол молодой липы. Было душно. «Это все обманчивое тепло, – подумал Алоиз, поправляя шейный платок. – Наверное, я простудился...» – и, помедлив немного, снова осторожно зашагал, чувствуя, как колеблется под ногами тротуар.

Солнце уже скрылось, и краски погасли, когда он, наконец, добрался до дома. С трудом поднявшись по темной лестнице, отпер дверь, ступил в комнату, увидел работавшего у окна Ансгара, и, опустив на пол сумку, опустился в изнеможении сам.

– Что с тобой? – Ансгар бросился к нему.

– Не знаю, – слабо ответил Алоиз, стоя на коленях. – Простудился... наверное...

Ансгар помог ему подняться и снять верхнюю одежду, после чего усадил его на стул и вымыл ему

руки водой из кувшина.
– У тебя что-нибудь болит? – участливо спросил он.

Алоиз отрицательно покачал головой:
– Только усталость, будто я целый день ходил. И очень жарко.

Ансгар коснулся его лба:
– У тебя жар, – сказал он с тревогой. – Должно быть, это действительно простуда. Ложись в постель.

Алоиз покорно проследовал к кровати, разделся с помощью Ансгара и лег, укрывшись одеялом до самого подбородка:
– Холодно стало, – тихо проговорил он, глядя в обеспокоенное лицо друга.
– Подожди немного, я сбегаю в лавку, – сказал тот и, набросив плащ, скрылся в коридоре.

В груди вспыхнула тонкая золотистая ниточка. Немного подрожав с мерцанием, она растянулась, расширилась и, наконец, превратилась в огненный комочек. «Как все не вовремя!» – с досадой подумал Алоиз. Заболеть тогда, когда им с Ансгаром было так хорошо! Но ничего, это ненадолго, уже через несколько дней он поднимется...

Вскоре вернулся Ансгар с кувшином молока и горшочком меда.
– Теперь будем лечить тебя! – улыбнулся он, стараясь казаться бодрым.
– Так неудобно, что я причинил тебе беспокойство, – отозвался Алоиз, открывая глаза.
– Мне отнюдь не составляет труда заботиться о тебе, – уверил его Ансгар, снимая плащ, и, остановившись, попросил:
– Ты только поправляйся скорее, – словно тот из

любви к нему мог все.

XIX

Желание Ансгара не сбылось: лихорадка не оставляла Алоиза. Нарастая к ночи, она обрывалась под утро испариной, и до полудня истомленный Алоиз спал спокойным глубоким сном, отчего Ансгару, не отходившему от него, казалось, что болезнь отступает. Однако вечером, с новым приступом жара, надежда покидала его. Так продолжалось несколько суток, которые слились в его воспаленном усталостью сознании в одну болезненную череду ликующего солнца и унылой светотени ночей, озаренных свечой.

В одну из таких ночей Ансгар сидел, как обычно, возле постели Алоиза, отдавшись медленному потоку тех случайных мыслей, что возникают в тревожном ожидании. Алоиз дремал, лежа на спине. Голова его была склонена набок, в сторону Ансгара, и распущенные волосы окружали ее темным ореолом на измятой белой подушке. Нежные щеки чуть запали и были бледны, под глазами виднелась темнота, словно густая тень от длинных ресниц, пухлые губы были слегка разомкнуты. Похожий образ, почти ангельский в страшной красоте страдания, хранил Ансгар в своей памяти.

«Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец, – невольно начал он читать про себя тринадцатый псалом, – доколе будешь скрывать лице Твое от меня?»

Алоиз неловко пошевелился, словно пытаясь освободиться от чего-то, и проснулся с тяжелым

стоном.
– Который час? – спросил он хрипловато.
– Четверть третьего, – тихо ответил Ансгар. – Тебе что-нибудь нужно?
– Нет, – Алоиз коснулся его руки. – Ложись спать... – В эти дни Ансгар спал на полу, поверх старого одеяла, накрытого холщовой простыней.
– Я не утомлен, – отозвался тот так же негромко, пытаясь говорить бодро, и погладил руку Алоиза. – Как ты себя чувствуешь?
– Почти хорошо. Немного жарко, но это уже пустяки.
– Что-нибудь болит?
– Нет, – Алоизу не хотелось говорить, что даже сквозь сон, поверхностный и напряженный, он ощущал переменчивую боль в груди. Это не походило на обычную простуду, и ему было страшно.
– Неужели ты так и не отдыхал? – спросил он. – Так нельзя. Ты ведь тоже можешь заболеть.
– У меня много сил, – заверил Ансгар. - Главное, чтобы ты скорее поправился.
– Это уже проходит, – Алоиз повернулся на бок. – Дай мне, пожалуйста, воды.

Ансгар поспешил к столу, где с вечера стоял целый чайник кипятка. Он только успел протянуть к нему руку, как за спиной раздался хрипящий кашель Алоиза.
– О, Боже! – Ансгар обернулся к нему. Алоиз с остановившимся взглядом сидел на постели, держа платок, служивший для утирания пота. Щеки его горели.
– Не тревожься, – почти беззвучно попросил Алоиз. – Это пустяки...

Ансгар бросился к нему:

– Ну-ка покажи, – велел он.

Алоиз покорно подал ему платок.

– Это пустяки, – повторил он шепотом. Рука его дрожала. Ансгар развернул скомканную белую ткань и повернул к свету...

«Доколе, Господи..?»

XX

Ансгар сидел на краю кровати, обнимая прижавшегося к нему Алоиза.

– Я всегда боялся одиночества, – проговорил Алоиз. – Теперь я хотел бы оказаться один. Не знать тебя. Тогда не было бы сейчас так плохо. Я не хочу становиться еще одной твоей потерей.

– С этим живут годами, – глухо ответил Ансгар.

– И годами я буду твоим страхом? – Алоиз отстранился и взглянул в помертвевшее лицо друга.

– На все воля Божья, – произнес тот. Помолчав, он пристально посмотрел в его глаза:

– Ты веришь в Него?

Алоиз кивнул.

– Тогда нам нечего бояться, – сказал Ансгар, неожиданно оживившись, и снова забрал его в свои объятия. – Скажи, что для тебя жизнь?

Алоиз помедлил в уютном тепле и отстранился:

– Путь к уходу, – ответил он.

– А то, что после? – продолжал осторожно выяснять Ансгар.

Еще ни с кем Алоиз не говорил об этом. Бытийственные понятия, которые он тщательно исследовал и обдумал, были для него просты и не-

поправимы – неотделимы от его сознания. Ансгар мог полагать иначе... Впервые Алоиз испытал беспокойство рядом с ним. Чувственная страсть слишком увлекала их, чтобы задумываться о том, чем жил каждый из них. Поверхностное сходство их очаровало, но что было в глубине?

– Так что же? – мягко подтолкнул его Ансгар к ответу.

За окном была чернота... Впрочем, на все воля Божья.

– После – жизнь, – сказал Алоиз известное Ансгару и, прикрыв глаза, добавил с уверенностью то, что являлось основой его собственной веры:

– Для тех, кто не один. Без друга нет ничего.

– Без друга, как без Бога, мы ничто, – отозвался Ансгар. Алоиз взглянул на него. Тот слегка улыбался, глядя на него с тихой радостью.

– Ты все чувствуешь, как надо, все понимаешь, – прошептал Ансгар. – Мы не останемся одни.

Алоиза охватило ликование.

– Все продолжится, – так же тихо ответил он, беря руку Ансгара. – Даже если кто-то из нас уйдет пораньше, чем другой, это станет лишь недолгой разлукой.

Они обнялись.

– Я так боялся, что ты не веришь, – признался Ансгар, осторожно прижимая Алоиза к себе. – Ведь это означало бы гибель.

– А я боялся, что ты веришь иначе...

XXI

Спустя еще несколько дней Алоиз поднялся. В

теле присутствовала сонная, к земле тянущая слабость, но дух был, как всегда, деятелен и не терпел продолжения праздности.
– В те ночи, среди грез, – сказал Алоиз Ансгару, – мне явилась новая симфония.

Он сидел у окна, за которым всходило солнце. Густые синие тени наполняли улицу, дерево под окном покрывалось легкой зеленью, и привычная колокольня выглядела торжественной в бледно-голубом небе. Ансгар расположился на краю убранной кровати напротив Алоиза. Тот продолжал:
– Было удивительно, как она возникала в моем сознании из теней, света свечи, лунных лучей, восходов и закатов, нарастала постепенно сквозь меня, сквозь мою слабость, все преодолевая, торжествуя – нашей любовью... – он прикрыл глаза, вспоминая. – Это было необычайно – столь ясно осознать свой дух и его силы в то время, когда тело могло только безвольно лежать. Может быть, недуги даются нам как раз для того, чтобы мы вот так ощутили свою душу? – он открыл глаза и посмотрел на Ансгара, который внимательно слушал его, облокотившись о спинку кровати и подпирая щеку рукой.
– Твое мироощущение поразительно, – сказал тот с тихим восхищением. – В эти времена, когда разрушаются основы, когда не остается ничего святого, такие люди, как ты, внушают надежду. Пророк Амос говорил, что выживут оставшиеся. Они унаследуют Царство Небесное. Я не сомневаюсь, что ты один из них, – Ансгар встал, посмотрел в распахнутые глаза Алоиза и, опустившись перед ним, положил голову на его колени. – Рядом с тобой я чувствую себя так, как если бы я был у его врат.

Алоиз легко погладил его по волосам, чуть улыбаясь. Ему было немного странно слышать такие слова от друга – странно и радостно. Они одинаково мыслили, одинаково чувствовали: большего он не мог желать от своей жизни.

Они помолчали, а потом Ансгар предложил:
– Когда ты окрепнешь, давай сходим в буковую рощу. Это недалеко. Там спокойно и очень красиво, особенно в это время...

XXII

Серые стволы буков стройными колоннами устремлялись ввысь, и сквозь нежно-зеленое кружево их крон виднелось ясное утреннее небо. Землю еще устилала иссохшая прошлогодняя листва, из которой поднималась свежая трава и местами – скромные розовые цветы. В умиротворенной тишине звенели птичьи голоса, будто невидимые серебряные колокольчики.

Алоиз и Ансгар прошли по извилистой дорожке вглубь рощи, затем свернули с нее на узкую, едва намеченную тропинку и, отыскав в стороне, на небольшой лужайке, поваленное дерево, расположились там.
– Как хорошо здесь дышится! – сказал Алоиз, с удовольствием вдыхая воздух, напоенный волнующими весенними ароматами. – И так уютно! – он зажмурился, и на его личике отобразилось удовольствие. Ансгар улыбался, наблюдая за ним.
– Эта роща, – снова заговорил Алоиз, – почему-то напоминает мне храм. Не христианский и не древних верований с их буколическими настроениями,

но саму идею святилища.
– Природа и есть, по своей сути, храм Божий, – поддержал его Ансгар. – И я всякий раз удивляюсь Его созданиям. Сколь все просто и в то же время совершенно! Вот, к примеру, тот розовый цветок, что выбирается из земли: насколько он скромен и вместе с тем прекраснее многого из того, что сотворено человеком.
– Многого? – с недоумением переспросил Алоиз. – Но разве то, что создает человеческий гений, не является столь же прекрасным?
– Не является, – если эти творения не происходят от доброго чувства, – с уверенностью ответил Ансгар.
– В этом я совершенно согласен с тобой. Любое искусство должно происходить от доброго чувства и нести добро – тому, кто может его принять, – Алоиз задумался, пошевелил носком башмачка сухую коричневую листву, а затем добавил:
– А ведь это страшное побуждение.

Ансгар изумленно взглянул на него.
– Да, именно так. Ты создаешь, чтобы это добро подарить тому, кто живет в твоем представлении, а в действительности вручаешь себя неизвестности. Но для меня это теперь позади. Благодаря тебе, у меня нет больше никакого страха, никаких сомнений... – он с внезапной тоской посмотрел на Ансгара. – Как я хотел бы сказать тебе всю свою любовь! И не могу.

Ансгар ласково обнял его одной рукой за плечи, как часто обнимал, словно оберегая, и они погрузились в то общее молчание взаимопонимания, которое им так нравилось. Немного спустя Ансгар прошептал:

– А ты правильно уподобил это место храму. Когда-то я бывал здесь со своим другом... – и, прижимая Алоиза к себе еще крепче, добавил:
– Это чудо, что у меня есть ты. Я не мог бы жить, не любя, – пустотой...

XXIII

Они были счастливы, и это простое счастье было исполнено солнца и красок, музыки Алоиза и поэзии Ансгара; оно длилось благословенной сменою задумчивых вечеров, страстных ночей и умиротворенных рассветов. Казалось, что не могло быть иначе, и вместе с тем с трудом верилось в то, что было именно так. Это счастье являлось тем, чего оба единственно желали и в чем нуждались. И Алоиз, и Ансгар не могли и не хотели существовать для самих себя: для каждого было основным стремление любить, оберегать, приносить радость другому. Оба понимали, сколь редко, драгоценно подобное устремление в мире разъединенных, обособленных частиц, и оттого еще больше восхищались и дорожили друг другом. Их единство было началом бытия, они не принадлежали к этому миру, но мир обступал их.
– Подумать только! – Ансгар с возмущением отбросил свежий выпуск поэтического вестника. – И это называется поэзией! Да ты только посмотри – это же сущее богохульство! – он резко поднялся из-за стола. Его впалые щеки пылали, а глаза мрачно горели, как у Савонаролы, громившего с церковной кафедры пороки роскошествующей любимой Флоренции.

– И смотреть не хочу, – отозвался Алоиз с постели, откладывая книгу. Он расслабленно лежал на спине, положив ногу на ногу – изящные свои ножки в шелковых чулках. – Это называется свободой мысли, – добавил он насмешливо. – Да, мысль действительно освободилась: от религии, морали, совести – от всего и теперь, не зная, что делать со своей свободой, мечется, испуганная, из крайности в крайность.

– Да, сегодня – свобода мысли, а завтра – ни свободы, ни мысли, – Ансгар задвинул стул под стол и принялся расхаживать по комнате, ступая неторопливо и решительно. – Но ты только вдумайся: воспевать! – в стихах!! – безверие!.. Невероятно... Назвать религию мельничным жерновом на шее!.. Куда идет мир?

– Куда? – Алоиз повернулся на бок. – А как то стадо свиней, в которое вселились бесы: безудержно – к обрыву.

– Верно! И ничто его не остановит. О, что за времена!

– “O tempora, o mores!”* Две тысячи лет назад говорили то же самое, – устало напомнил Алоиз.

– Но сегодня что-то невообразимое. Был ли подобный натиск на святыни со времени гонений на первых христиан? Диоклетиановская эпоха – вот, что сегодня.

– Вспомни, как поступали те христиане.

– Скрывались. Служили Богу в катакомбах.

– Вот в катакомбы, боюсь, надо уходить и сегодня,

---

* «О, времена! О, нравы!» – *лат.*

только – в духовные, – вздохнул Алоиз, садясь.
– Да, но есть ли кому? – безнадежно произнес Ансгар, останавливаясь.

Они уныло помолчали, после чего Ансгар, снова принявшись ходить, задумчиво продолжил:
– Когда я переходил с юридического факультета на теологический, я верил, что выбираю нечто более благородное, более полезное даже. Мне виделся завораживающий путь служения Богу через служение человеку. И вот – я исповедник у того, кто подкармливает свое чахнущее религиозное начало рационалистической доктриной, а когда запутывается – бросается ко мне за помощью. И я ничем не могу ему помочь. Его с места не сдвинешь. Всего лишь одного человека!.. – и он отчаянно взмахнул рукой.
– Пусть живет, как умеет, – ответил Алоиз с равнодушием.
– Да, можно так сказать. Но все-таки как страшно, когда тебе вдруг приоткрывается чужая душа – словно провал в могилу.
– «Сердце их пагуба, и гортань их – открытый гроб»: так, кажется, стенал псалмопевец? Это *их* пагуба и гроб – *их*. Они от себя же и погибнут.

Ансгар подошел к Алоизу и, опустившись перед ним, положил голову ему на колени.
– Мне так хорошо с тобой, – тихо сказал он. Алоиз погладил его по волосам:
– Пусть оно бушует себе – в стороне. Нас ничто не затронет.

Ансгар поднял голову и, взяв руку друга в свои ласковые ладони, улыбнулся ему.

XXIV

Когда Алоиз снова появился в университете, где учеба его завершалась, к нему подошел в коридоре Альберт:

– Куда ты запропастился? Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего особенного, – ответил Алоиз. – Просто я немного приболел.

Альберт изучающе всмотрелся в его осунувшееся лицо.

– Мы все уже соскучились по тебе, – сказал он. – Только в это воскресенье вспоминали, как чудно ты играл для нас... Кстати, – он вдруг принял загадочный вид, будто собирался объявить некую важную весть, – пока ты отсутствовал, кое-что произошло...

– Что? – заинтересовался Алоиз.

Альберт подхватил его под руку и повлек к окну.

– Ну же?..

Приятель посмотрел на него, предвкушая впечатление, которое должен был произвести, и объявил:

– Наш город посетил проездом один известный поэт – Клаудиус.

Алоиз что-то слышал о нем.

– Конечно, он не преминул заглянуть в наш кружок, – продолжал Альберт. – Удовольствие было обоюдное... Но что самое главное! – он поднял палец, улыбаясь, как леонардовский Иоанн Креститель. – В беседе с ним я упомянул о тебе.

– Зачем? – не понял Алоиз.

– К слову о ценителях поэзии. Как пример. И сказал, что ты примечательный композитор. А он от-

ветил... – Альберт замолчал на мгновение, желая потомить Алоиза. – А он ответил, что хотел бы увидеть тебя.
– Меня? Зачем? – с еще большим недоумением спросил Алоиз.
– Это как-то связано с музыкой, – Альберт отступил от него, собираясь уходить. – Приходи в субботу на собрание кружка. Он там будет, и ты все от него узнаешь. Ну а мне пора, – и он заспешил по коридору в свою аудиторию.

XXV

В субботу Алоиз снова был в знакомой комнате на чердаке, освещенной уже не свечами, но теплым желтым светом вечернего солнца. Члены кружка, давно не видевшиеся с ним, обступили его, в то время как он сидел на краю дивана, положив ногу на ногу и обхватив колени руками. Вежливо и кратко отвечал он на их расспросы и спрашивал сам – о новостях кружка, о новых работах и замыслах. Так прошло немного времени. Наконец, дверь отворилась, и в комнату вошел худощавый господин средних лет, одетый в простое дорожное платье, с лицом тонким и умным. Длинные светлые волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб с уже наметившимися морщинами, свидетельствовавшими о привычных размышлениях, а серые глаза смотрели ясно и приветливо. Это был знаменитый Клаудиус. Тотчас все взоры обратились на вошедшего, и Алоиз, поднявшись, приветствовал его вместе с остальными. После обмена любезностями и общими замечаниями поэта уса-

дили на лучшее место, в кресло, и Альберт с заметной гордостью представил ему Алоиза.
– Ваши товарищи говорили мне о Вас много хорошего, – сказал Клаудиус, оценивающе всматриваясь в лицо Алоиза, который сидел напротив на диване рядом с Альбертом. Алоиз, слегка робея, проговорил:
– Они очень добры в своем мнении обо мне.
– Как я уже знаю, Вы талантливый композитор? – полувопросительно произнес поэт. – Не доставите ли Вы мне удовольствие послушать что-нибудь из Ваших работ?

Алоиз был готов к такому предложению:
– С большой радостью!
– Тогда – прошу! – и Клаудиус, располагающе улыбаясь, сделал легкий указующий жест в сторону фортепиано.

«Что бы он собирался мне сказать?» – подумал Алоиз, садясь к инструменту с такой уверенностью, как если бы привык играть для слушателей. Композицией, заранее им выбранной, было недолгое оживленное рондо. Во время исполнения он не мог видеть Клаудиуса, сидевшего сбоку, и не решился бы взглянуть на него, чтобы не нарушить игру, однако ощущал его особое внимание, как если бы тот должен был оценивать его мастерство. Закончив, Алоиз повернулся к нему. Лицо поэта выражало восхищение. Алоиз встал, поклонился и замер в нерешительности.
– Изумительно, просто изумительно! – произнес его именитый слушатель. – Я готов наслаждаться Вашей музыкой и дольше, однако боюсь показаться навязчивым...
– Ну что Вы... – отвечал Алоиз, краснея. Он продо-

лжал стоять возле фортепиано, касаясь поднятой крышки и ожидающе глядя на поэта. Тот, явно любуясь им, сказал:
– Как бы то ни было, оставим это на другой раз. Не стесняйтесь, присаживайтесь.

Алоиз вернулся на диван.
– Не пробовали ли Вы найти место, соответствующее Вашим способностям? – спросил Клаудиус.
– Еще нет.
– А хотели бы?
– Конечно, – Алоиз, выпрямившись и насторожившись, ждал, что будет дальше.
– Тогда у меня есть для Вас предложение, – произнес Клаудиус в той же спокойно-приветливой манере. Алоиз затаил дыхание.
– Как насчет должности дирижера?

Алоиз подался вперед, не сводя с него глаз:
– Это было бы честью для меня! – выдохнул он в радостном возбуждении (Альберт просиял). – Где?
– В Копенгагене.

Алоиз смешался. В Копенгагене? Столь далеко? Ансгар вряд ли согласится уехать: как поэту, ему будет слишком сложно, а то и невозможно привыкнуть к иной среде... Нет, он не может. Но – место дирижера! И – в Копенгагене!.. О, Боже, какая досада!
– Нет, я не могу, – с трудом проговорил он, глядя в сторону.
– Возможно, Вы не знаете датского? Это исправимо.
– Знаю... Нет, я должен отказаться.
– Но не без сожаления, как я вижу? – с участием заметил Клаудиус. – Мне тоже жаль. У Вас редкие способности.

– Я никак не могу, – прошептал Алоиз. Альберт, ничего не понимая, искоса наблюдал за ним. Клаудиус поднялся:
– Тогда я должен откланяться.

Алоиз взглянул на него с жалким выражением. Поэт ободряюще улыбнулся ему:
– Мне очень понравилась Ваша музыка. Это будет одним из приятных воспоминаний об пребывании в этом городе. А место... Жаль, очень жаль, что Вы отказались. Однако, я уверен, Вы без труда найдете подходящую должность.

Как только Клаудиус ушел, Альберт набросился на Алоиза:
– Зачем ты отказался? Такая возможность!.. Кто знает, представится ли другая?
– Пусть, – глухо ответил тот, устремив взгляд в окно. Солнце скрывалось за острыми крышами. – Пусть...
– Но это безумие! – продолжал стенать Альберт. – Упустить такую возможность! О-о... – он простонал, будто сам лишился ее. – Ну что помешало тебе согласиться?
– Ничего особенного.
– Ничего особенного?! – присвистнув, повторил Альберт.
– Я не так выразился, – Алоиз повернулся к нему и, приняв должное выражение, произнес драматически:
– Я очень привязан к родной земле. Уезжать куда-то вдаль, в Копенгаген... Нет, это не для меня. Я не выживу на чужбине.

Альберт понял.

XXVI

Позднее, в своей комнате, Алоиз рассказал Ансгару о сделанном ему предложении. Тот сначала удивился, потом выразил сожаление, а в конце сказал с радостью почти благоговейной:
– Я знал, как ты меня любишь, но не мог даже предположить, что ты готов пожертвовать ради меня творческим успехом!

Алоиз, сидя у стола, просто ответил:
– Вспомни наш разговор в роще. Я пишу прежде всего для тебя. И, если ты будешь со мной, я согласен на любую должность, что обеспечит меня куском хлеба, – даже на место профессора истории.

Ансгар смотрел на него, как на святой образ. Алоиз встал, прошелся по комнате и, вспомнив сетования Альберта, усмехнулся.
– На что ты?
– Подумал об Альберте, – беззаботно ответил Алоиз, остановившись у окна и глядя на улицу. – Славный малый, так искренне сочувствовал мне и все никак не мог понять, почему я отказался.
– И что же ты ему сказал? – поинтересовался Ансгар, расслабленно облокачиваясь на спинку кровати.
– Сочинил, что весьма привязан к родине и не выживу на чужбине, – сказал Алоиз со смехом.
– Сочинил? – переспросил Ансгар, привставая.
– Да, а что тебя удивляет? – Алоиз обернулся и встретился с его настороженным взглядом.
– Значит, это может быть для тебя только шуткой? – голос Ансгара был необычно холоден, и Алоиз опешил.

– В данном случае это было именно шуткой, – пробормотал он. – Я же назвал тебе истинную причину своего решения.
– А если оставить данный случай? – допытывался Ансгар. Он сидел, опираясь локтем о колено, и внимательно всматривался в растерянное лицо Алоиза.
– Зачем ты об этом спрашиваешь? – сдавленно проговорил тот. – Разве это имеет значение в наших отношениях?
– Для меня – имеет.

Алоиз покачал головой в изумлении:
– Ансгар! Я тебя не узнаю...
– Ты меня не очень хорошо знаешь, – ответил тот, смягчившись. – То, что для тебя всего лишь шутка, для меня серьезная вещь.

Алоиз помедлил в растерянности, однако вскоре справился с собой.
– И очень хорошо! – весело сказал он и сделал несколько решительных шагов от окна. – Ты поэт, и тебе важнее ощущать корни, – он остановился посреди комнаты, уверенный и дружелюбный. – Ну а я могу осознавать что-то не до конца.

Ансгар едва заметно улыбнулся. Алоиз быстро подошел к нему и, мягко прильнув, прошептал:
– Очень хорошо, что я узнал еще одну твою черточку! – он начал осторожно поглаживать друга. – Мне так нравится изучать тебя... Познавать... – его нежная ручка скользнула в вырез рубашки Ансгара, а губы ласково коснулись его шеи. Ансгар забыл обо всем.

XXVII

Незаметно подошел конец июня и вместе с тем – двадцать первый день рождения Алоиза. Проснувшись солнечным поздним утром, он обнаружил на стуле, придвинутом к кровати, небольшой веселый букет из полевых цветов. Ансгара не было. Алоиз сел в постели и, взяв букет в руки, с улыбкой вдохнул его тонкий медовый аромат, после чего принялся рассматривать каждый цветок в отдельности, представляя, как Ансгар заботливо собирал их на росистом лугу. Белые, голубые, красные – радостные, как его настроение... Тем временем, дверь тихо отворилась, и в комнату неслышно ступил Ансгар. Алоиз заметил и поднял на него сияющие глаза поверх цветов. Тот замер, залюбовавшись им – счастливым, нежным, розовым после сна.

– Спасибо, – сказал Алоиз. – Мне было приятно получить этот подарок.

Ансгар улыбнулся немного смущенно и, приблизившись, произнес таинственно:

– А у меня есть для тебя и другой...

Алоиз поставил вазу на стул и в радостном предвкушении, как ребенок, посмотрел на Ансгара. Тот достал из кармана какую-то вещицу, аккуратно завернутую в белый платок, и с любовью подал ему. Алоиз принял бережно, почувствовав в руке некоторую тяжесть и твердость.

– Что это? – с интересом прошептал он и, помедлив, неспешно развернул подаренное. На ладони лежали золотые часы с маленькими алмазами на крышке, заискрившимися в солнечном луче веселым многоцветием.

– О, Ансгар! – выдохнул в восторженном изумлении Алоиз. – Какая красота! – он, никогда не державший в руках ничего подобного, зачарованно смотрел на подарок. Потом взглянул на друга.
– Но они, наверное, очень дорогие? – предположил он, зная, сколь незначительный доход приносило тому его служение.
– Не тревожься об этом, – успокаивающе ответил Ансгар. – Они достались мне по наследству. Главное, чтобы они понравились тебе.
– Очень понравились... – Алоиз открыл крышку. На белом циферблате изящные стрелки показывали одиннадцать. Он поднес часы к уху и послушал их ход.
– Спасибо, – проговорил он, совершенно растроганный. – Наклонись ко мне.

Ансгар исполнил, и Алоиз, обняв его одной рукою за шею, поцеловал его в отзывчивые губы. Отстранившись, он с легкой задумчивостью взглянул на цветы, часы и снова на возлюбленного, довольного и смущенного, – как будто старался запомнить это солнечное мгновение их счастья.

XXVIII

Учеба Алоиза была завершена, и теперь он мог беспрепятственно проводить все время с другом, а тот не торопился возвращаться в свой город. Он весьма успешно поддерживал на расстоянии своего мятежного духовного сына, бывшего ему ровесником, и получал за это некоторую плату – вполне достаточную, чтобы скромно жить самому и делиться с Алоизом. Тот принимал его помощь с благо-

дарной стыдливостью и время от времени обращался письменно к родителям, чтобы они прислали ему небольшую сумму. Что могло быть дальше? Ему не хотелось думать. Покойное течение дней увлекало его, завораживая, и что бы ни ожидало впереди, сегодня он желал только быть рядом с Ансгаром.

В один ясный июльский день они отправились к реке, протекавшей неподалеку. Пройдя через луг, благоухавший медовыми травами, они оказались на берегу, где росли серебристые ивы, и там выбрали себе уютный уголок – песчаную бухточку, скрытую высоким кустарником.

– Давно я не купался, – со вздохом проговорил Алоиз, глядя на манящую темную воду.

– Не повредит ли тебе это? – спросил Ансгар с тревогой.

Алоиз подумал и ответил беззаботно:

– Наверное, нет. Такой знойный день... Что может случиться? – и он принялся неспешно раздеваться, тогда как Ансгар, опустившись на песок, увлеченно наблюдал за ним. Наконец, рубашка, штаны, чулки, башмачки – все аккуратно в стороне, и против зелени другого берега – сияюще обнаженный Алоиз, нежный в своих линиях:

– А ты что же?

– Позднее... – Ансгар не сводил с него глаз. – Если бы ты мог видеть себя! Я иногда жалею, что я не художник.

Алоиз стоял, чуть изогнувшись в талии и легко опираясь ногой о небольшой камень, и смотрел на друга с горделивым осознанием своей привлекательности. Потом грациозно повернулся и, подойдя к воде, осторожно ступил в нее. Вода была

очень теплой. Ощущая под ногами гладкие камни, он сделал шаг к глубине, потом другой, и, наконец, весь отдался ласкающему течению. Ансгар быстро разделся и бросился следом.
– М-м, как хорошо! – Алоиз старался удерживаться на спине. Лицо его выражало блаженство. Ансгар, сам наслаждаясь купанием, не отдалялся от него, присматривая. Но Алоиз чувствовал себя превосходно. Не было ни стеснения в груди, ни прожигающей внезапной боли, ни обычных кратких приступов кашля – лишь одно глубокое ощущение свободы и покоя. Скоро под ласками воды и взглядом Ансгара его охватило знакомое томление, и он, отплыв к берегу все с той же неторопливостью, вышел из воды. Ансгар тотчас оказался возле него. Расстелив на песке взятую для того простыню, они опустились на нее. Алоиз, опершись на локоть, ожидающе посмотрел на друга. Его длинные волосы были влажны и от этого казались еще темнее, а тело блестело каплями воды. Ансгар, лежа на боку, наблюдал, как одна капелька медленно скатывалась по хрупкой груди Алоиза к маленькому розовому бугорку, где собралась в мерцающий алмаз – алмаз одного мига ожидания – и, дрогнув, упала. Ансгар порывисто прильнул к Алоизу, и этот мир исчез.

После они долго лежали рядом, глядя в синеву неба.
– Где-то там, – сказал Алоиз, – продолжится наша жизнь. Хотя... – он задумался. – Как знать, где именно бытие? Всюду Бог.
– Всюду, – согласился Ансгар. – Но особенно Его присутствие ощутимо в храме. Когда я бываю там,

мне кажется, будто я остаюсь с Ним наедине, – он повернулся к Алоизу. – Давай как-нибудь сходим туда.

Алоиз покосился на него:

– Зачем искать Его близости в толпе? Он присутствует в самой нашей любви, Своем даре.

– Да, но...

Алоиз закинул руку за голову и продолжил:

– Церкви, обряды и все остальное призваны пробуждать и поддерживать только неуверенное религиозное чувство. Для того, кто знает Бога, они излишни.

Ансгар резко сел:

– Излишни? – он даже присвистнул от изумления. – Священные установления – излишни?!

Алоиз удивленно посмотрел на него:

– Таково мое мнение, – спокойно произнес он. – Я не хочу спорить.

Ансгар опустил голову.

– Ты знаешь, кто я, – тихо проговорил он. – Мне неприятно, что ты можешь полагать иначе.

– Верить иначе? – в голосе Алоиза прозвучала горечь. Он тоже сел. – Помнишь, я однажды сказал о своем опасении? Неужели я был прав? – что-то тягостное, тянущее поднималось у него внутри.

– Значит, прав, – глухо отозвался Ансгар и посмотрел ему в лицо:

– Я лютеранин, а ты веришь по-своему.

Они замолчали. Потом Ансгар спросил:

– У тебя, должно быть, неверующие родители?

– Отнюдь – ревностные католики.

– А как же получилось, что они не передали тебе своего убеждения?

– Вера не является делом воспитания, – твердо

сказал Алоиз. – Она дается не родителями и не Церковью, но – Богом.

Он встал и начал одеваться. Ансгар продолжал сидеть, задумчивый.

– Ты правильно полагаешь, – наконец, произнес он. – Вера происходит от Бога. Но именно соответствующее воспитание помогает ей избрать нужное русло.

Алоиз уже полностью оделся и расправлял кружева на манжетах.

– Нужное русло? – остановившись, повторил он с усмешкой. – Ты хочешь сказать, что деяние Божье нуждается в человеческом исправлении?

– Нет... Ты не понимаешь...

– Как раз хорошо понимаю!

– Я, наверное, не так выразился, – Ансгар подумал, подбирая слова. – Воспитание передает традицию...

– А для чего мне эта традиция, если у меня есть вера? – насмешливо произнес Алоиз, глядя на него.

– Опять к тому же! – воскликнул Ансгар и, поднявшись, тоже стал одеваться. Алоиз наблюдал за ним. Что-то нарушалось. Зачем?

– Пойдем, – сказал Ансгар, закончив. – Я не хочу спорить здесь, – и он зашагал прочь – как всегда легко и непринужденно. Алоиз, окинув взглядом берег, последовал за ним.

XXIX

Возвратившись к себе, они долго молчали. Ансгар пытался читать, бездумно скользя взглядом по строкам, тогда как Алоиз в мрачной непод-

вижности сидел у окна. Наконец, Ансгар не выдержал:
– Давай помиримся, – сказал он.
Алоиз обернулся:
– Я и не сержусь.
Ансгар встал с чуть виноватой улыбкой, подошел к Алоизу и прижал его к себе. Тот крепко обнял его.
– Это какое-то дьявольское искушение, – проговорил Ансгар, поглаживая Алоиза по волосам, – то, что мы вдруг поспорили.
– Нет, – Алоиз чуть отстранился и снизу вверх посмотрел на него. – Это всего лишь наше незнание друг друга.
– Зато теперь ты все знаешь.
– Все?
– Да. Ведь вера – это самое важное.
– А остальное? – Алоиз помнил холодок, повеявший при разговоре о родине.
– Остальное не имеет значения. Каждому свое. Главное, чтобы основы были одни и те же.
– А если нет?
– Тогда надо сделать их таковыми! – сказал Ансгар так, будто обрадовался этой идее.
– Кому – сделать? – с нажимом спросил Алоиз, высвобождаясь из объятий.
– Тому, кто заблуждается.
– И кто же из нас заблуждается? – Алоизу снова стало не по себе. Ансгар не отвечал.
– Ты полагаешь, – прервал молчание Алоиз, – что не прав – я?
– Я этого не говорил.
– Но думаешь!
– О, Боже! – Ансгар отшатнулся от него и принял-

ся расхаживать по комнате. – Опять спорить!
– Что ж, – вздохнул Алоиз, – невозможно мирно жить с противником.
– Почему ты решил, что я твой противник? – Ансгар остановился.
– Ты сам понимаешь, – голос Алоиза был совершенно спокоен.
– И что мне делать? Измениться?
– Если можешь, – прошептал Алоиз.

Глаза Ансгара сузились:
– Ты хоть понимаешь, что говоришь? Отречься от своей веры?!

Алоиз сжался, но продолжал сохранять невозмутимый вид.
– Вера и религия – разные вещи, – проговорил он спокойно. – Вера от Бога, религия – от человека. Попробуй же отделить зерна от плевел!
– Плевел?.. – насмешливо повторил Ансгар. – Божьи установления для тебя всего лишь плевелы?

К Алоизу вернулась обычная решимость:
– Божье то, что изначально. Храмы, службы, догмы – людские установления. Людские!
– Да, но то были Божьи люди, – Ансгар остановился у стола и оперся о его край. Алоиз не отступал:
– Но зачем тебе следовать им, если ты слышишь Бога? Зачем тебе посредники? – он повысил голос. – Или... – он замолк на миг. – Силы веры недостает?
– Перестань! – прогремел Ансгар, ударив кулаком по столу.
– Ха! – торжествующе усмехнулся Алоиз. – Я оказался прав!

– Не суди о том, чего не знаешь, – глухо проговорил Ансгар, оседая на стул.
– А как же твой духовный сын? – напомнил Алоиз.
– Разве ты знаешь его сполна? И ведь это является твоей работой – судить о его поступках, о движениях его души и – направлять.
– Я делаю это не по собственному произволу, но следуя...
– Установлениям, – договорил за него Алоиз. – Установлениям людей Божьих, которые показывают тебе, как нужно верить.
– Ты невыносим! – Ансгар уронил голову в руки.
– И мы останемся таковыми друг для друга, если один из нас не уступит, – спокойно сказал Алоиз. Он стоял у окна, опираясь о подоконник, – уверенный и независимый. Ансгар посмотрел на него:
– Я предоставляю это тебе.

Алоиз ответил уничтожающим взглядом.
– Сменить истину на домыслы? – произнес он с издевкой.
– А почему ты считаешь свои убеждения истинными? – начал наступать Ансгар.
– Все истинно, что от Бога.
– А ты уверен, что они – от Бога?
– Уверен.
– Почему?

Алоиз отвернулся, устремив взгляд в окно. Солнце уже село, и улица стала темна.
– Если бы это не было истиной, оно меня не спасало бы, – пробормотал он.
– А меня, значит, не спасает?
– Спасает, – Алоиз обернулся. – Но твоя вера скрыта под тем, что тебе внушили люди. Ты воспитан в лоне данной Церкви, воспринял ее посту-

латы, однако посмотри – сколько религий! И все они – правы? Правота лишь у Бога!
– Ты хочешь сказать, что все религии ошибочны? Что это одна такая всеобщая ошибка, да? – Ансгар встал и снова принялся ходить по комнате. – Тебе не кажется, что это дух времени в тебе говорит, а не ты сам? Ты утверждаешь то же, что и те, против кого ты выступаешь!
– А ты так заявляешь, потому что не понимаешь моей мысли, – Алоиз был непоколебим.
– Не понимаю? – воскликнул Ансгар, останавливаясь возле кровати. – Познав тебя, не понимаю?
– Да.
– А ты меня понимаешь? Понимаешь, что было у меня внутри, когда мы встретились? Понимаешь, от чего ты меня спас? – глаза Ансгара стали страшны от поднявшейся в нем боли. – И теперь ты все рушишь из-за своего чертовского упрямства! Спас – чтобы самому погубить?
– Перестань, прошу тебя, – лицо Алоиза мучительно исказилось.
– А что дальше?
– Не спорить со мной.
– Я не могу согласиться с тобой.
– Попытайся, если не хочешь потерять меня.
– Да я лучше тебя потеряю, чем душу свою погублю, – прохрипел Ансгар и повалился на постель.
– Но я останусь в ней, Ансгар, – тихо сказал Алоиз.
– Ты любишь меня, я – тебя, к чему споры? Только сделать шаг навстречу, и мы снова будем счастливы! – он подошел и, присев на кровать, провел рукой по волосам Ансгара. Тот молчал. Алоиз понял, что преодолел его. Не переубедил, но именно

преодолел – раздавил своим упорством и своей необходимостью. От этого он ощущал раздавленным себя.
– Ансгар! – он погладил его по плечу. – Давай помиримся и забудем об этом! – его рука скользнула по спине Ансгара. – Зачем ссориться, когда можно быть вместе? – он стал поглаживать его настойчивее. – Зачем противостоять друг другу, когда можно любить? – его пальцы проникли в вырез рубашки. Ансгар повернулся и порывисто привлек его к себе.

XXX

Так стало повторяться изо дня в день: бесплодные споры в попытке переубедить друг друга, страстное примирение и неизменная тоска предрассветного, бессонного, часа, как вопрос о том, что будет сегодня.
– Мы сами разрушаем свое счастье, – сказал Ансгар. – Эти месяца я испытывал такое блаженство, на которое уже не мог надеяться, а теперь чувствую: что-то рвется. Незаметно пока, исподволь, но – рвется...
– Это можно прекратить. Остановись, оглядись, изменись совсем немного, – и это кончится!
– Ты требуешь невозможного.
– Для того, кто любит, все возможно.
– Я не могу оставить Бога ради тебя.
– У нас один Бог.
– Но разное осознание Его. Я не могу чувствовать твоими чувствами.
– Я не требую этого, Ансгар. Никто не может чувс-

твовать и мыслить точно так, как другой – даже равный. Даже любящие разделены на всю земную жизнь собственным внутренним миром.
– Зато едины после.
– Мы с тобой не будем там едины. Мы сейчас чужие, здесь – врозь, чему соединяться – там? О, Ансгар, Ансгар, лишь одно движение навстречу, и все будет хорошо – и ныне, и потом!..
– Я не могу.
– А я не смогу без тебя. В одиночестве нет жизни. Это небытие...
– Зачем так мучиться? Исправь немного свое миросозерцание...
– И искать по церквям Того, Кто в моей душе? И признать все то, что противно моему мироощущению? Ты понимаешь, чего ты от меня желаешь?
– А чего ты желаешь от меня?
– Твоей любви... Нашей...
– Черт возьми! Это какой-то заколдованный круг!
– И мы не выберемся из него, пока один из нас не уступит.
– В который раз повторяю, что это выше моих сил. Я человек Церкви, это мое убеждение, мое служение, мой хлеб наконец.
– Горький хлеб... Пусть! Зато от Бога.
– А моя вера – от черта?
– Я этого не говорил.
– Но считаешь, что я заблуждаюсь.
– Да, считаю. В некоторых вещах ты не прав.
– Не прав в том, что не возвел стену между собой и Богом?
– В том, что не признаешь Его Слово.
– Его Слово?! То, что мне было открыто в самом начале моей сознательной жизни, то, с чем росло

мое сознание, то, что с моей сущностью неразделимо – я не признаю?!
– Хорошо, признаешь. Но неверно слышишь.
– А ты верно? Ты слышишь то, что тебе пересказано!
– Ты тоже не Моисей.
– Никто из нас не Моисей, но Бог говорит к каждому. Только не каждый способен услышать и ответить.
– А ты способен?
– Все мое чувство к тебе было Ему ответом, Ансгар. В нашей любви друг к другу Его благоволение. И теперь из-за какого-то недоразумения все рушится?
– Так останови же это!
– Почему я?
– А почему я?
И так изо дня в день...

XXXI

Низкие темные тучи, в лиловых отсветах заката, заволакивали небо с востока, и в этом соединении света и сумрака, ясности и смуты победоносно вздымалась колокольня с сияющим крестом. Ансгар стоял у окна, заложив руки за спину, и неотрывно смотрел в небо.
– И что ты там видишь? – спросил его Алоиз с кровати, откладывая книгу.
– Ничего. Совсем ничего, – он повернулся. – Мне страшно...
– Отчего? – Алоиз сел.
– От любви к тебе. Да-да, не удивляйся. Это прево-

сходит меня, и я боюсь этой силы, – Ансгар подошел к Алоизу и, опустившись рядом, прижал его к себе.
– Если бы мы не спорили, ты ощущал бы это так же? – спросил Алоиз, чувствуя, как встревоженно билось сердце друга.
– Не знаю... Но сейчас... – Ансгар не находил слов и только прижимал к себе Алоиза, словно теряя. Вдали раздавались глухие раскаты грома.
– Боже, пусть это кончится! – проговорил Ансгар сдавленно.
– Что? – Алоиз поднял голову и посмотрел в его тоскующие глаза.
– Это смятение... Мне неспокойно.

Его тревога передалась Алоизу.
– Давай я сыграю тебе что-нибудь, – предложил он.

Получив согласие, он взял скрипку и, встав посреди комнаты, заиграл нежно и печально – так, будто извлекаемые звуки были живыми и обреченными погибнуть. Ансгар отдался музыке. Он то прикрывал глаза, погружаясь в ее глубины, то открывал их, любуясь другом. Между тем, гроза накатилась. Время от времени белые вспышки озаряли комнату, превращая ее в призрачное пространство музыки и любви, а раскаты грома сливались с мелодией, которая длилась словно в печальных высотах, то взывая настойчиво, то смиренно стихая. Алоиз, музыка, гроза: все было едино, все было одно: Божье слово, обращенное к нему. Понимал ли он его?

Наконец, заключительный удар смычка по струнам – удар грома в темноте, – и сквозь нарастающее умиротворение – покойный шум начав-

шегося дождя. Алоиз вернулся к Ансгару.
– Спасибо тебе, – сказал тот, принимая его в объятия. – Когда я слушал, мне казалось, что ты играешь мое настроение. Мне хотелось раствориться в твоей музыке... Стать ею... – его губы ласково коснулись пылающей щеки Алоиза.
– Так мне хочется раствориться в твоем тепле, – отозвался Алоиз, обнимая Ансгара за плечи, – стать им, стать неразделимым с тобой – одним существом теплоты... – он нашел его губы и приник к ним в истоме. Тот ответил, и под ровный звук дождя, в ранних сумерках они долго целовали друг друга, пытаясь утолить неутолимое.

XXXII

Лето миновало, и в буковой роще, куда Алоиз пришел однажды солнечным днем, чтобы поразмышлять в уединении, густая зелень уже была тронута легкой сияющей желтизной. Он прошел той же тропой, которой шел вместе с Ансгаром весной, и, отыскав поваленное дерево, опустился на него. Подавляющая слабость владела его телом, тогда как дух был чуток и напряжен: частое состояние, сопровождавшее его болезнь. Алоиз склонил голову и, ощущая, как солнце приятно греет спину, погрузился в раздумья.

Вновь и вновь он возвращался к мысли о том, что ему следует делать. Он и Ансгар, оба воспринимали Бога как повседневную действительность – один согласно чувству, а другой – следуя традиции; оба были уверены в своей правоте, оба стремились обратить другого в свою веру. Алоиз пыта-

лся изменить Ансгара, полагая, что тот ограничивает свою душу чужими установлениями, а тот, в свою очередь, пытался повлиять на мнение Алоиза, не желая оставлять его в том, что считал заблуждением. Совместное существование превратилось в противостояние – явное или скрытое. Последнее было Алоизу еще тяжелее. Пока он отстаивал свою правоту, а Ансгар, горячась, доказывал обратное, и оба всеми силами старались переубедить друг друга, у него была хотя бы обманчивое ощущение того, что он следит за внутренней жизнью Ансгара. Когда же они замолкали, ему казалось, что тот погружается в некую мучительную темноту, и ему становилось страшно. Что он мог сделать, если не мог уступить и не мог убедить? Он закрыл глаза. Ни звука не доносилось до его слуха, он пребывал в глубине тишины и, казалось, стоило сделать некое последнее усилие, чтобы услышать прошлое.

Из этой тишины, из глубины переутомленного лихорадочного сознания постепенно наросло то, что показалось единственно возможным и при этом неосуществимым: расстаться с Ансгаром. Расстаться, чтобы сохранить себя и не томить его. Расстаться с тем, чьим теплом согревался, у чьей груди укрывался, чье существование стало его собственным? Алоиз зажмурился, тряхнув головой. Остаться? Ни один из них не уступит, ибо каждый считает, что он прав. Зачем длить это противоборство двух равных сил? Уйти...

Нетвердо, как во сне, возвращался он из рощи. Придя к себе, нашел Ансгара встревоженным.

– Где ты пропадал? – бросился тот к нему. – Уже темнеет...

XXXIII

После очередного спора Алоиз скрылся в знакомой чердачной комнате. Все члены кружка были здесь.

– Мы уже не чаяли тебя увидеть! – воскликнул Альберт, обнимая его. Лица остальных выражали искреннюю радость. Они тоже по-своему любили его, и это доброе отношение, впервые замеченное, тронуло Алоиза.

– У нас столько новостей! – подхватил Франц, усаживаясь на подлокотник дивана. – Альберт издал второй сборник, Томас только что завершил историческую поэму, Карл написал новую драму, я продолжаю понемногу писать стихи. А как ты? – и после краткого неопределенного ответа Алоиза началась обычная оживленная беседа о литературе, с чтением отдельных вещей и обсуждением услышанного – обсуждением, как всегда, доброжелательным и поощряющим к новым работам, к новому чтению. Все было мирно и поверхностно. Алоиз забылся и успокоился. В конце встречи Карл задержал его:

– Мне хотелось бы поговорить с тобой... – и он дал понять другим, что им следует удалиться. Оставшись наедине с Алоизом, он заложил руки за спину и деловито произнес:

– У меня есть предложение.

Алоиз вопросительно посмотрел на него.

– Я предлагаю тебе поехать в Швецию и попробовать устроить там свою творческую судьбу.

– В Швецию? – изумился Алоиз. – Почему именно туда?

– Наш король поощряет прекрасные искусства, –

Карл начал мерно расхаживать по комнате. – Там тебе будет гораздо легче состояться как музыканту. Это вовсе не то, что предлагал тебе Клаудиус.
– Но он говорил об определенной должности...– Алоиз был в нерешительности.
– Да, но заметь: положение искусства, – Карл значительно поднял палец. – В Дании ты получил бы определенное место, но остался бы незамеченным, тогда как у нас ты сразу привлечешь к себе внимание своими способностями и будешь должным образом вознагражден – во всех смыслах.
– Ты преувеличиваешь, – возразил Алоиз, начиная уступать.
– Отнюдь: я там живу, пишу, издаюсь. Я знаю, о чем говорю. Стоит тебе появиться там со своими работами, как тебя тотчас заметят. У нас дарования не пропадают. А здесь... – он помолчал, подбирая слова. – Здесь у тебя будет слишком много соперников, завистников, противников. У нас больше свободы – пространства для работы, так скажем. Подумай.

Алоиз действительно задумался.
– Нет, – сказал он после недолгого молчания, – все это слишком ненадежно. Представь сам: я приезжаю в чужую страну, неизвестно как устраиваюсь, хожу повсюду со своими работами, а если меня не примут?
– Тогда ты можешь вернуться, – с той же спокойной уверенностью ответил Карл. – Попробуй. В любом случае такое путешествие принесет тебе пользу. Ты увидишь новые места, познакомишься с новыми людьми... Кстати, – его вдруг осенило, – знаешь ли ты шведский?
– Знаю.

– Отлично! Ознакомишься с нашей страной, с ее музыкальной жизнью и, если даже не останешься, сможешь однажды написать шведскую оперу или кантату.

Уехать... В Швецию... Прочь...

– Я подумаю, – быстро сказал Алоиз.

XXXIV

Уехать: это может оказаться выходом. Расстояние, новая обстановка, творческий успех помогут отвыкнуть от Ансгара. Алоиз поднялся из-за стола, на котором догорала свеча, и бесшумно подошел к кровати. Ансгар спал. Он лежал на спине, одна рука покоилась на груди, голова была склонена набок, а упрямые губы горько сжаты, как будто он пребывал в тяжелом раздумье. Прядь волос, густая и волнистая, спадала вдоль лица, придавая ему беззащитную мягкость. Алоиз опустился на край постели, пристально глядя на Ансгара. Он видел в нем самого себя, в трудном сне одиночества, от которого еще тяжелее было просыпаться. Сколько раз, ложась спать, он представлял блаженство пробуждения рядом с другом – как воскресение... И вот – воскресение, их обоих, но не к бытию, а только к его возможности. Ни один из них не был повинен в этой недоосуществленности, оба были по-своему правы, ибо жили в истине и шли верными путями, но путями параллельными. Они были различны в основополагающем, как равны – в стремлении любить. Способность к любви есть дар, и благоволение Дающего – в счастье этих маленьких человеческих существ, созданных един-

ственно для того. Сознавая это, Алоиз и Ансгар не могли поблагодарить Его вместе. В самом глубинном, в самом важном они были разделены. Алоиз понимал, что Ансгар, как и он сам, томится от этого молчания – от одиночества перед Богом. Уйти означало не только сохранить себя, но и уберечь любимого от лишней горечи.

Ансгар пошевелился со стоном, скользнул рукой по краю постели в поиске чего-то и, коснувшись Алоиза, назвал его по имени. Тот взял его руку в свои ладони:

– Спи спокойно, я здесь, – прошептал он.

– Тебе тоже надо отдохнуть, – так же тихо ответил Ансгар. – Почему ты не спишь? Ты что-нибудь писал?

– Нет. Думал.

– О чем?

– О разном.

– Тебе вредно беспокоиться. Не тревожься. Ложись, – Ансгар подвинулся.

Алоиз не возражал. Задув свечу и быстро раздевшись, он забрался под одеяло. Ансгар прижал его к себе и, ничего не говоря, стал поглаживать с особой печальной нежностью. Нет, он не может... Он ничего иного не желает, но только любить его, только испытывать теплоту к нему... Словно возвратившись после разлуки, Алоиз принялся ласкать возлюбленного с такой отчаянностью, с какой ищут выхода из темноты, – ласкать до тех пор, пока тот не слился с ним в ответном порыве. Утолившись мгновением единства, Алоиз беспокойно уснул у его плеча, словно на берегу вечности.

XXXV

Следующим утром, дождливым и темным, у Алоиза снова случилось кровохарканье.
– Я же говорил, что тебе нельзя волноваться, – Ансгар, с тревогой в глазах, подал ему чистый платок. – Ты можешь лишиться последнего здоровья, – он присел на кровать, где лежал Алоиз.
– Не все ли равно? – безучастно отозвался тот, складывая на животе бескровные руки – почти столь же белые, как поданная ему ткань. Его лицо было так же бледно, и лишь на скулах горели розовые пятна, как отсветы иной зари.
– Если тебе все равно, то мне нет, – спокойно ответил Ансгар. Алоиз пристально посмотрел на него.
– Ты уже потерял меня, – тихо проговорил он. – Наше существование теперь – только воспоминание о том, как нам было хорошо.
– Если так, то мы оба достаточно для этого постарались, – произнес Ансгар, заставляя себя подняться. – Отдыхай. Я схожу к молочнику.

Он избегал возможного спора, и Алоиз испытывал к нему чувство благодарности и уважения – еще большего, чем в начале их знакомства. Не в силах уступить, мучаясь его и собственным упорством, оказавшись в одиночестве худшем, чем после ухода первого друга, тот продолжал оберегать его. Несмотря на свою неистовую пылкость, Ансгар обладал совершенной властью над самим собой, и не то, что во время примирения – даже в порыве гнева не мог причинить Алоизу вреда. Он был человеком рассудка, и его беспристрастному разуму был подчинен весь его внутренний мир, этот темный огонь пылающий, – вместе с привязаннос-

тью к другому существу, являвшейся для него источником жизни.

Что же до Алоиза, то для него также немногое требовалось, чтобы привести в движение чувства, однако очень многое – чтобы остановить их. Доводы разума влияли мало, наученная воля нередко оказывалась слаба в попытке сдержать напор мятущихся страстей, и он иногда страшился самого себя, собственной сущности, из которой вздымались эти порывы, которые, как ему казалось, могли однажды уничтожить его. Теперь, столкнувшись с необходимостью оторваться от того, с кем сжился своим тоскующим духом, выбраться из его хранящих объятий в пустыню мира, он не верил, что чувство позволит ему сделать это. Ансгару было бы проще, думал он. Не раз в последнее время приходило к нему это искушение: сказав тому о неизбежности расставания, попросить оставить его, исчезнуть однажды из комнаты и из его жизни, уйдя туда, где он не догадался бы его искать... Оставить, как раненого и беспомощного: нет, этого Ансгар не смог бы. Признав однажды поражение в попытке переубедить – пересилить – его, тот стал бы его терпеть, как терпят боль в члене тела, ибо его нельзя отрубить. Быть для него болью?.. Если у него недоставало сил сделать что-либо для себя, он мог сделать все для Ансгара. Уйти – ради него, освободить его от этой боли...

Очередной приступ кашля прервал его размышления. Отдышавшись, Алоиз продолжил. Ансгар еще не признал – или просто не осознал – своей неудачи в усилии обратить его. Если он, Алоиз, не сможет расстаться с ним, тот долго будет

пытаться повлиять на его мнение – со всей осторожной настойчивостью своей уверенной сущности, подтачивая исподволь, как морская волна – скалу. Удастся ли постоянно противостоять этому? Удастся ли постоянно следить за действиями Ансгара и понимать их? Независимая и гордая природа Алоиза восставала против возможности быть насильно измененной. Нет, он *должен* уехать – даже если это окажется для Ансгара ударом.

XXXVI

Трудный разговор Алоиз откладывал со дня на день. Затаив свое намерение, как отточенный нож обоюдоострый, он не спешил нанести удар – им обоим – и украдкой наблюдал за Ансгаром, запоминая его неизмененного. Вот он, склонившись над столом, читает свой Псалтирь, и, кажется, не свеча, но сама книга озаряет его лицо надмирным светом, делая его почти неземным. Или вот он, свободно лежа на спине, складывает мысленно стихи, и его взгляд отрешен, словно проницает повседневность, достигая непостижимых для других глубин. Или же вот он просто завтракает, деловито помешивая чай и отрезая прозрачный ломтик хлеба... Завтра ничего этого не будет. И Алоиз медлил. А нож, меж тем, наливался тяжестью. Чувствуя, что скоро не сможет поднять его – даже сказать задуманное, он решился.

– Ансгар!

Внимательный взгляд поверх потрепанной книги.

– Ансгар...

– Да что же?
– Я хочу сказать тебе... Вернее, я не хочу говорить, но должен, - как всегда при важных словах, Алоиз поднялся и, отойдя к серому окну, стал там. Ансгар неотрывно смотрел на него.
– Мне придется расстаться с тобой.

Книга из рук Ансгара – на пол.

Алоиз никогда не видел у него такого выражения. Изумление, боль, страх – как у приговоренного к смерти.
– Зачем? – как «за что?»

Алоиз невольно дернулся к нему и остановился.
– Ты сам понимаешь, что мы не можем быть вместе, – проговорил он, стараясь казаться невозмутимым.
– Не можем – вместе? – Ансгар был совершенно белый.
– Я знаю, как тебе больно от этого. Мне тоже. Но если ни один из нас не может уступить, значит надо расстаться.

Ансгар опустил голову, и волосы, упав на лицо, скрыли его от Алоиза. Тот ждал. Ансгар не двигался и ничего не говорил. Алоизу показалось, что тот плачет. «Боже, зачем все это?» – он отвернулся к окну – в безысходно-серое небо. Бог, Которого он чувствовал, как жизнь, лишал его того, кто был ее осмыслением – брата. «Ревнив Бог Израилев», а вера первостепенна...
– Ты прав, – произнес, наконец, Ансгар, заставив Алоиза вздрогнуть от спокойствия своего голоса. Алоиз обернулся. Ансгар смотрел на него печально и благоговейно.
– Я бы не смог... – прошептал он. У Алоиза перех-

ватило горло.
– Могу ли я попросить тебя кое о чем, Алоиз?
Тот кивнул.
– Пожалуйста, не спеши с уходом.

XXXVII

Алоиз согласился задержаться – остановиться, занеся ногу над пропастью. Насколько? Теперь медлили оба и оттого приняли решение не разлучаться до следующей Пасхи.

В ближайшую субботу Алоиз снова появился в чердачной комнате, придя намеренно к концу собрания. Он застал Карла почти в дверях. Приветствовав остальных, готовых уходить, Алоиз увлек его обратно, усадил на диван и опустился рядом.
– Ну? – Карл был весь внимание.
– Я подумал, – начал Алоиз, сдвинув брови, – и пришел к выводу, что твое предложение весьма выгодно.
– Ага! – Карл вскочил, радостно ударив рукой об руку. – Я знал, что ты согласишься!
– Теперь относительно дороги. Сколько денег может потребоваться? – Алоиз желал знать это заранее, так как предполагал, что будет непросто получить от родителей средства на поездку.

Карл что-то посчитал и сказал:
– Если путешествовать со всем возможным удобством, с хорошим питанием, нужно дукатов двести пятьдесят.
– А если путешествовать со всей возможной скромностью?

Карл снова задумался:
– Тогда дукатов двести.

Алоиз помрачнел, представив, как придется испрашивать эту сумму.
– Ладно, посмотрим, что получится, – пробормотал он.

В тот же день Алоиз писал к родителям:

«Относясь со всем должным уважением к воле нашего дорогого отца, я все же не могу пойти против своей природы и ступить на указанный им путь. Музыка! – вот то единственное, что неодолимо влечет меня. Конечно же, вы знаете мое сердце и благодаря своей любви ко мне, которую я столь ценю, не станете возражать против того, что может принести мне счастье. А именно: я решил уехать в Стокгольм в надежде, что там смогу заниматься тем, чем должен. Я понимаю, сколь сильно огорчит вас это известие, однако надеюсь на ваше понимание. Что же касается исполнения моего долга перед Господом, то будьте покойны: в Стокгольме десять тысяч католиков и две церкви. Я не останусь в стороне от твердыни нашей религии и будут молиться за вас и благодарить Создателя за Его дар, что есть моя некоторая способность к музыке. Для того чтобы этот дар не пропал, я нуждаюсь в вашей помощи и, взывая к вашей любви, прошу прислать мне до Пасхи двести дукатов». Здесь Алоиз остановился и, хмуро подумав, добавил: «Если это окажется невозможным, я готов пожертвовать своим счастьем». Он знал, что у отца, служащего клерком, довольно средств, чтобы выделить требуемую сумму, однако из-за привычного уважения к семье ему было неприятно про-

сить то, чего не просили его брат и сестры. Запечатав письмо, Алоиз разделся и нырнул в тепло под одеяло, где его ждал Ансгар.

XXXVIII

Вскоре пришел ответ. Отец писал:

«Дорогой сын! Излишне говорить, как огорчило нас твое своенравие. Хорошо зная нашу любовь к тебе и желание видеть тебя счастливым, ты посмел пойти против нашей воли и, отказавшись от того, что должно было принести тебе благо, избрал путь, недостойный порядочного человека. Да, музыка прекрасна сама по себе, но существование музыканта подразумевает услужение и покорность случаю. Я уже говорил тебе об этом. Если даже это тебя не страшит, тогда подумай о том, что ты намерен сделать. Уехать!.. Покинуть семью и Родину в надежде на призрачный успех!.. Нет, ты не родной очаг собираешься покинуть, а душу свою – на произвол судьбы. Десять тысяч католиков и две церкви, пишешь? А ты уверен, что ничто не препятствует им в исполнении своего высшего долга? Подумай прежде всего об этом. Потом – разве Родина для тебя ничего не значит? Земля, вскормившая тебя! А мы? Неужели в тебе нет ни малейшего чувства благодарности к нам, если ты готов так легко покинуть нас? И ради всего этого ты просишь такие деньги! Просишь, не думая о своих сестрах и брате!.. Из-за спасения твоего дара они окажутся нищими!»

В негодовании Алоиз отложил письмо и, взяв перо и бумагу, тотчас приступил к ответу:

«Из-за своей любви к вам я не могу не ужасаться тому, что вы столь превратно поняли мое намерение и меня самого. Едва ли стоит оспаривать ваши слова: вы достаточно знаете меня, чтобы по прошествии своего гнева увидеть, как горько вы заблуждались. Я слишком люблю вас и моих дорогих сестер и брата, чтобы уехать с легким сердцем. Однако бывают мгновения, когда следует поступиться своими чувствами. О положении музыканта в Швеции вы недостаточно осведомлены, и я могу заверить вас, что там оно отнюдь не столь низко, как вы думаете. Я благодарен вам за ваше беспокойство о моей душе, однако должен признаться, что не отношусь ни к Католической Церкви, ни к какой-либо иной. Моя вера – только моя. Что же до Родины, то я всем, что имею, обязан Господу и вам, а не этой земле. То же, что я могу сделать как музыкант, будет моим служением не какому-либо народу, но человеку. Для того чтобы это стало возможным, я повторяю свою просьбу прислать мне до Пасхи двести дукатов».

Алоиз желал отъезда в Швецию: это облегчило бы разлуку с Ансгаром. В другой стране, без возможности вернуться в любой момент, он был бы вынужден отвыкнуть от него. Оставшись же в Германии, он мог поддаться своей тоске и воссоединиться с другом, потеряв себя вместе со своей верой, которая была для него свята. Он объяснил это Ансгару, и тот, казалось, тоже надеялся, в своем бескорыстии, что удастся осуществить задуманное.

Столь же скоро пришел ответ на второе письмо. Алоиз вскрывал его с трепетом: если отец снова возражает, уже будет невозможно его переубедить.

Тот мог отказать в первый раз, но стоило применить некоторое упорство и определенную долю красноречия, как тот сдавался. Если же при повторении просьбы отец оставался непреклонным, можно было оставить свое желание... Большую часть письма составляли сетования по поводу веры Алоиза и его отношения к родине. В конце значилось: «Касательно твоей просьбы. Ты уже не ребенок, сын. Делай, как считаешь должным. Деньги будут высланы в условленный срок». Отступать было некуда.

XXXIX

Странное дело, но теперь, в преддверии разлуки, к Алоизу и Ансгару пришло умиротворение. Поняв невозможность изменить друг друга, они оставили свои утомительные попытки и отдались, как в начале, мирному течению своих счастливых дней. Счастливых – ибо не было больше ни горечи неестественного противостояния, ни даже чувства одиночества при очередном, привычно-непроизвольном обращении к Богу. Они просто жили вместе, воспринимая благодатное тепло друг друга и наслаждаясь каждой лаской, каждым любящим взглядом, каждой минутой общей тишины. Когда лил дождь, они с удовольствием пребывали в своей комнатке, ставшей за все это время уютной, обжитой, а в редкие ясные дни прогуливались по окрестностям – по опустевшей, онемевшей буковой роще и темным лугам, где местами проглядывали сквозь павшую траву последние, невероятные цветы. Они снова увлеченно читали одни и те же

книги, обсуждали современную поэзию, рассматривали гравюры, Алоиз играл для Ансгара, а тот дарил ему свои стихи. Расставание было только отдаленной возможностью, а жизнь – любовью.

Так, мягко и тихо, прошла осень. В декабре Алоиз и Ансгар отметили годовщину своего знакомства – вспомнили первую встречу в чердачной комнате университета, сравнили мысленно первое впечатление друг о друге с раскрывшимся, исследованным образом, удивившись заново обладанию тем, что казалось недостижимым. Спустя некоторое время исполнился год со дня ухода первого возлюбленного Ансгара, и тот с привычной открытостью и без печали поделился с Алоизом своими воспоминаниями и мыслями, упомянув покойного друга впервые после беседы в майской буковой роще. Ансгар давно знал, что Алоиз воспринимает это его прошлое так, как должно – не только без неуместной ревности, но даже с расположением к своему предшественнику, не успевшему сделать ничего, кроме как подарить свою любовь тому, кто в ней нуждался, а значит сделавшему все. Затем – Рождество: легкий снег за окном, спадающий с небес явленным спокойствием, и внутри – неожиданная уже неловкость от молчания. И – день нового года: как черта между прошлым и будущим, между единением и расставанием. С этого дня Алоиз больше не мог забыть о том, что ему предстояло, о том, к чему он сам себя влек – тащил на веревке своей упорной воли. Ансгар был покоен.

С наступлением весны Алоиз слег с яростным обострением чахотки. Ансгар, как обычно, ухаживал за ним, сам готовил – пищу легкую и прият-

ную, менял платки и плевательницы, подносил воду для умывания, читал, беседовал с ним, был рядом. В одну из ночей, полную изменчивых ярких грез, скорая разлука столь живо представилась Алоизу – открылась перед ним поглощающим провалом, что он поднял своим криком задремавшего Ансгара и на грани яви и сна жался в дрожи к его груди, шепча что-то неясное...

Болезнь тоже миновала. Миновало все, кроме последнего дня.

XL

В ночь перед отъездом они ласкали друг друга так, будто стремились уже не души другого достичь – стать другим, вобрав в себя всю его нежность и всю тоску; созерцали друг друга, запоминая – создавая внутренний портрет, ибо ни одного изображения не было у них; осязали, оглаживая с завороженным удивлением перед чудом красоты; слушали биение сердец и лежали, обнявшись и закрыв глаза, растворяясь в любящей теплоте другого.

– Раствориться в теплоте... Ансгар, ведь это все, чего я желал бы, – и в полутьме – печальный взгляд снизу вверх, как у страдающего святого Себастьяна – в небо.

– Ею раствориться... Если б я мог выразить свое чувство!.. Оно больше меня... – и снова поцелуи, объятия, сплетение в одном изнурительном стремлении любить...

Утром Алоиз был разбужен легким прикосновением к обнаженному плечу.

– Поднимайся. Пора.

Открыл глаза: бледное спокойное лицо Ансгара. Сел в постели, не веря. Ехать? – как будто покончить с собой, когда все хорошо. Поднялся, оделся аккуратно и бездумно, отказался от предложенного завтрака.

– Я готов.

Одиннадцать часов. Отъезд в полдень.

– Пойдем, – уверенно шагнул к двери. Два саквояжа у порога.

– Нет, подожди, – Ансгару, наклонившемуся взять их. Обнял его, прильнул к нему, приник щекой к теплу шеи, ограниченному жестким воротником камзола. Ансгар поглаживал его, сжимал осторожно в ласковых руках. Из этого – уйти?

– Если ад есть, Ансгар, это одиночество, – и, выбравшись из объятий, ступил к двери.

Улица была залита ликующим ясным солнцем – черным смертным солнцем. Алоиз шел, как во сне, ничего не видя, стараясь идти как можно медленнее, обманывая неизбежность. Шел, как на Голгофу, – вместе с возлюбленным, отчего было еще тяжелее. Поворот, переулок, карета на площади. Остановился, не доходя нескольких шагов:

– Вот и все.

– Все.

Еще рядом, но уже разделены: как будто видна рана другого – свой отрыв от него. И потерянно – назад, к животворящему теплу:

– Ансгар!..

– Алоиз!..

Не остается самих – остаются только имена: теплый след личности.

Последнее объятие, последнее соприкоснове-

ние губ и – взгляд в глаза друг другу, в собственную боль. Кажется, пока длится он – длится жизнь.
– Я люблю тебя, – один, а за ним другой, в последней попытке сказать свою любовь – сказать самого себя, и Алоиз в усилии – в насилии над собой – из рук Ансгара. Тот выпустил его бессильно, как опору.

В карету – в отчаяние – в слезы. Все равно, когда все кончилось.

XLI

В Гамбурге к Алоизу присоединился Карл, ехавший домой. Хотя его близость и была приятнее, чем соседство случайных попутчиков, Алоиз более всего желал уединения и потому досадовал на его присутствие. Карл попытался завязать с ним разговор, но заметив его нерасположение, спросил с осторожным сочувствием:
– Нелегко покидать родину?
– Да, – глухо проронил Алоиз, равнодушно устремляя взгляд в окно. Там простирались начинавшие зеленеть поля, пересеченные небольшими, еще темными перелесками, и переходившие на горизонте в голубоватую волну низких холмов. Он ни о чем не думал, ничего не чувствовал, кроме опустошенности, как будто вся его сущность была изъята, и осталась лишь ослабевшая оболочка.

Так, в почтовой карете, они добрались до Любека и, прождав восемь дней в его порту попутного ветра, ступили на борт корабля, направлявшийся в Копенгаген. Уже вечером первого дня ветер снова

спал, и судно легло в дрейф. Пассажиры немного побродили по палубе и разошлись по каютам. Карл больше не беспокоил Алоиза, и тот, заняв место на корме, наконец-то остался один.

Странное то было для него переживание: оказаться наедине с бесконечным, ничем не закрытым небом, и бесконечным водным простором, словно его отображением. Не было земли, не было опоры, не было ничего, кроме вечного изменения – слабого движения рассеянных облаков и легкой ряби на воде, будто прохождения духа Божьего в бесконечности. Море и пустыня – два великих пространства, где ничто человеческое не скрывает Создателя, и Он является во всей Своей необъятности и силе – одним, чтобы поддержать, другим – чтоб уничтожить. Это не Отец и даже не властелин, но само нескончаемое существование, одно непреходящее Сегодня.

Неяркое солнце опустилось почти к самому горизонту, озарив небо розовым сиянием, на котором, как легкая кобальтовая роспись, виднелись облака. Повыше этот свет переходил в сиреневый, смешиваясь с тончайшим золотистым оттенком. Еще выше следовала приглушенная синева почти растворившихся облаков, а затем, во весь небесный купол, – прозрачная голубизна, отдававшаяся в водах, превращая их в жемчужное мерцание, по которому от солнца до корабля, до ног Алоиза, ликовала золотая дорожка с алыми вспышками на гребешках крошечных волн.

Этот сияющий мир вовлек Алоиза в себя, заворожил, как органный напев под сводами храма, и он почти не помнил ни себя, ни своей муки, пока привычное желание разделить прекрасное не уда-

рило, возвратив к действительности.

На следующую ночь разразился шторм. Так же, как и накануне, Алоиз остался один на корме. Все было смешано в ревущую темноту, из которой бесформенными тенями вздымались перед ним волны, хлеща солеными брызгами в лицо. Словно из этой неистовой тьмы, бьющей набатом отчаяния, являлись ему образы прошлого – живые, ясные, почти ощутимые, и слезы лились, смешиваясь с водой, несомой навстречу из бесконечности. «Брат!» – все его существо было этим зовом; «Брат!» – все пространство отдавалось его болью, как будто Тот, ради Кого он покинул любимого, тосковал вместе с ним и жалел его, принимая в холод Своих ладоней. Алоиз не ощущал, сколь холодна была ночь, не замечал, что вся его одежда промокла насквозь, и только плакал и плакал, не в силах остановиться и не имея сил продолжать...

На восьмой день корабль вошел в порт Копенгагена, находившегося всего в двадцати четырех часах плавания при хорошем ветре. После того как Карл навестил своих знакомых, а Алоиз осмотрел театр, они отправились дальше. В порту Хельсингёра, куда они вскоре прибыли, им открылась восхитительная картина: около трех сотен парусников, ожидавших попутного ветра. Алоиз и его спутник переплыли узкий пролив и, наконец, ступили на шведский берег.

Взяв почтовую карету, они направились в Стокгольм. Был уже май, и скудная северная земля покрылась сдержанной зеленью. По обе стороны дороги, местами обсаженной ивами, расстилались чуть взволнованные поля, над которыми в ясном небе сновали чибисы и лилась ликующая

песнь жаворонков. Иногда виднелись округлые холмики, хранившие кости древних воинов. Позднее стали попадаться спокойные потоки, вдоль которых шелестели березы; темные вересковые пустоши с прогалинами незаросшей красной земли; поля, усеянные многообразными обломками кремня, над которыми возвышались одинокие буки... Такой – скромной, строгой, «немногословной» была новая родина Алоиза. Но родина ли – для него, по духу своему не принадлежавшему земле и к тому же отделенного от нее болезнью, этим неумолчным memento mori? Его дом был там, где был друг. Друга он больше не имел.

XLII

В начале июня Алоиз с Карлом прибыли в Стокгольм. Аккуратные дома в два-три этажа, с острыми или узорными фронтонами и четкими рядами прямоугольных окон; узкие улочки, мощеные камнем; темные «игольчатые» колокольни, старые деревья и мерцающие под солнцем воды озера: внешность города пришлась Алоизу по душе. Он нашел комнату по умеренной цене, попрощался с Карлом, собиравшимся домой в Уппсалу, и остался совершенно один среди предположений, надежд и сомнений.

Первые дни Алоиз знакомился с городом, бродил по улицам – узнавая, запоминая и чувствуя себя потерянным. Ни одного известного камня, ни одного знакомого лица: все чуждо, и от тоски чуждость эта – дика. По возвращении в свою тесную комнатку с узким окном в тихий переулок, он часа-

ми сидел недвижимо, оцепеневший в боли. Зачем он сюда приехал? За забвением? На чужой земле еще дороже становятся воспоминания. Надеясь забыть друга, он заставил себя думать о нем постоянно. Перестав быть его бытием, тот стал его состоянием, его бессонным сознанием – в этой неизвестной пустыне людской.

По ночам ему было страшно. Он утратил сон и только лежал, глядя в темноту, которая незаметно смешивалась с воспаленным сознанием, и те же образы, что являлись ему в ту штормовую ночь, с такой же живостью представали перед ним. Тогда он бросался зажигать свечу – на несколько минут, ибо свечи надо было беречь: деньги заканчивались. Не желая столь скоро обращаться к родителям с просьбой помочь, он пытался сохранить оставшиеся. Прежде всего, он сократил питание до пары кусков хлеба со стаканом несладкого чая в день. Это было несложно. Труднее оказалось с одеждой и постельным бельем. Алоиз любил чистоту, а за стирку надо было платить. Он мог бы постирать сам, но тогда надо было бы платить за воду, и получилось бы то же самое, только руки, создававшие музыку, оказались бы утомлены. И он платил прачке. Надо было оплачивать воду для умывания. Надо было в назначенный день уплатить за проживание... Через пару недель Алоиз написал к родителям, упомянув о желательности векселя и не решившись назвать желаемую сумму.

На лето музыкальная жизнь города замирала – из-за отъезда короля в его загородный замок, и лишь осенью Алоиз мог надеяться обратить на себя внимание. Получить признание означало получить денежное вспомоществование, столь необ-

ходимое ему теперь. «Деньги! – за душу мою?!» Дабы не продавать то, что было создано благодаря любимому и для него, Алоиз, преодолевая отвращение, взялся за оперетту на сюжет из галантной романистики, надеясь, что она угодит современному вкусу. Пробравшись со всем своим упорством через первые несколько актов, он отбросил работу и снова принялся бродить по улицам, будто пытаясь отдышаться. Во время этих блужданий он обнаружил уютный парк, живописно раскинувшийся на берегу озера. Там, среди старых деревьев – ясеней, лип, берез, он обрел некоторое спокойствие. Люди стали для него невыносимы, ибо были чужды, но природа, таящая в себе дух Творца, всюду была сочувственна. Алоиз долго стоял на берегу, прислонясь к теплому стволу высокой липы, и смотрел на зеркальную гладь озера, в которой отражалось бледное северное небо.

В начале июля Алоиз заплатил за комнату и сократил свое пропитание до одного куска хлеба. Ответа от родителей еще не было. «Ничего, выживем», – утешал себя юноша и садился с неохотой за стол, пытаясь добавить к готовой части партитуры хотя бы несколько линий. Через несколько часов – через несколько строк – он собирал листки в аккуратную стопку, закрывал чернильницу и погружался в чтение. Это были не те книги, которые он любил, а значит делил с Ансгаром. Те, воспринявшие память о друге, стали тяжелы, и он отвлекался чем-то неутомительно-безынтересным, лишь бы занять ум.

Праздность ума была нестерпима, ибо свободная мысль обращалась к одному и тому же, доводя до исступления. Враг самому себе человек, вынуж-

денный терпеть все свои мучительные мысли, все томящие чувства и не имеющий исхода до самой смерти. Когда-то в детстве, метаясь в жару при очередном воспалении легких, Алоиз желал покинуть свое тело – пусть страдает без него, а он пока подождет в покое... Теперь так метался, лишившись опоры, его дух – обессмысленный и ненужный.

XLIII

Миновало лето, прошел сентябрь. Оперетта едва продвигалась, родители молчали, деньги были на исходе. В начале октября у Алоиза случилось очередное обострение его болезни. Он лежал под протертым одеялом в едва натопленной комнате и дрожал в лихорадке. Время от времени приступ кашля сотрясал его, и он отплевывал свои распадающиеся легкие в грязный платок. «Ничего, все это ничего, – шептал он самому себе, как заклинание. – И это пройдет». Пройдет, но что будет дальше? Он смотрел вперед и видел темноту – черную яму слепого пространства, куда летел неостановимо. Он сам бросился в нее, оторвавшись от Ансгара, вернулся в ту пустоту, какою был для него мир без друга. Он не умел жить один и для себя одного. Любить – лишь этого он желал.

День сменялся ночью, ночь – днем, жар – недолгим облегчением, оно – новым жаром, и не было конца. Мог ли быть конец вообще? Одиночество, остановленный ужас обессмысленного «я», имеет ли конец? Жизнь пройдет, смерть пройдет, а оно останется с душой, затерянной в бесконечнос-

ти. В бесконечности Божьей... «Господи, Господи, зачем Ты меня сотворил?» Для любви. «Но я отказался от нее. Чем она была – испытанием в верности Тебе или даром, и тогда я пошел против Тебя? И почему я отказался? Чтобы сохранить свои отношения с Тобой, свою глубинную сущность. Но Ансгар не отвращал меня от Тебя, только звал на свой путь. Не было ли в моем движении гордыни? Я уже ничего не понимаю... Помоги мне вынести самого себя! Да, Сын Твой тоже страдал и страдал молча, но ведь мука Его имела смысл. Для чего моя? Просто так. И он мучается сейчас – из-за меня – просто так...» – и Алоиз плакал, пока от усталости не впадал в забытье.

В один из таких дней раздался знакомый стук в дверь. Алоиз, лежавший бездумно глядя в потолок, вздрогнул. Стук повторился. С трудом поднявшись, Алоиз проковылял до двери и открыл. На пороге стоял хозяин.

– Плату пожалуйте, – бесстрастно произнес тот привычные слова.

- Понимаете... Я... – Алоиз смешался.

– Плату пожалуйте, за последний месяц, – повторил хозяин тем же голосом.

– Если возможно, пожалуйста, подождите немного, – проговорил Алоиз почти умоляюще. – Мне должны скоро прислать деньги для оплаты.

Хозяин был непреклонен:

– У нас не богоугодное заведение.

– Но всего лишь немного подождать! Вы же не погибнете из-за нескольких грошей, которые я не могу сейчас Вам отдать!

– Все мое дело погибнет, если каждый постоялец будет жить в долг.

– Но я же свой долг отдам! – Алоиз хотел что-то добавить, но приступ кашля прервал его. При его слабости даже такое усилие было трудно, и он оперся рукой о стену комнаты, прикладывая другою платок ко рту. Хозяин смотрел на него с жалостью.

– Ладно, живи, – сказал он, когда Алоиз отдышался. – У тебя хоть есть какая-нибудь пища?

Оставалась только краюшка хлеба и спитой чай.

– Да, конечно, – заверил Алоиз. – Спасибо за Ваше милосердие...

Его существование зависело от родителей. Алоиз написал к ним трижды, уже не стесняясь просить о помощи, но ответа не было. Почему? Легче всего было думать, что письма не дошли. Но тогда должны были прийти письма от них, встревоженных его молчанием. Может быть, прервалась связь в обе стороны? Или же прервалась связь иная, внутренняя? Всем управлял отец. Мать, тихая и незаметная, жила в доме исподволь, за все отвечая, ни на что не влияя. Безмолвие было безмолвием отца. Алоиз никогда не был близок с ним, но относился к нему с почтением и всегда был уверен, что тот должен любить его – потому что отец. Это понятие являлось для Алоиза неразделимым с любовью, и даже в самом слове он ощущал нечто священное, как если бы трансцендентальное отцовство Творца освятило земные узы.

Отец желал видеть в нем свое продолжение. Алоиз был еще ребенком, когда тот начал внушать ему свои правила существования, свою бытовую

философию, которой мальчик сначала не понимал, а когда увидел ее узость, стал чуждаться. Против воли одного и желания другого они расходились, и связь все более истончалась. Неужели последнее своеволие Алоиза прервало ее?

Отец, непомнящий о сыне: это неестественное, непостижимое, конечное – его собственное? «Где же агнец для всесожжения? – Бог усмотрит Себе агнца...». Не о таком ли уничтожающем беспамятстве отцовском говорит иносказательно история Авраама и Исаака? Подчинение не воле Господней, но своей нелюбви... «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?» – то, что веками слышалось как крик Мессии, преданного исполнению своего служения, не крик ли сына забытого? Одно из священных понятий – не от любви ли только и свято, любви того, кто рожден на страдания? Не целование ли руки бичующей – этот трепет невольный?

Алоизу казалось, что он бредит.

Подождав еще несколько дней, приступил к новому письму:

«Я писал к вам уже трижды. Я понимаю значение вашего молчания, хотя в любви своей не могу понять, как оно оказалось возможным. Мне не на кого надеяться. Я опять болен. Мне нечем платить за комнату. Здесь уже зима, а у меня нет теплой одежды, без которой зимой в этих краях не спастись. Я уже не прошу – умоляю: подайте, сколько можете, – не сыну – нищему! Я возвращу это однажды за счет своей оперетты». И снова – ждать, ибо не мог понять.

XLIV

К ноябрю болезнь отступила, но осталась подавляющая вялость, одновременно телесная и умственная. Невзирая на это, Алоиз вернулся к работе над опереттой: по всей видимости, теперь он мог полагаться только на себя и должен был завоевывать свое место в этом чуждом ему мире. Писал с еще большим нежеланием, рывками, по несколько часов подряд, после чего следовал короткий перерыв. Неделя, другая, третья: готово. Оделся как можно теплее, не обращая внимания на то, сколь потрепанной стала его одежда, взял свою работу и отправился в Королевскую Оперу.

Пройдя с волнением по мраморным коридорам, он остановился перед дубовой дверью приемной директора. Непривычная робость овладела им: не оттого, что шел отдавать на суд свою вещь – он достаточно знал свои способности, а оттого, что написана она была не искренне. Поколебавшись минуту, он снял шляпу, зажал ее под мышкой и осторожно постучал. Получив разрешение, вошел. На высоких окнах висели бархатные гардины, повсюду блестели бронзовые статуэтки, а за столом восседал грузный пожилой господин в напудренном парике, странно выглядевшем на противопоставлении с полным красным лицом.

– Какое дело привело Вас сюда, молодой человек? – снисходительно спросил директор после обмена приветствиями и лениво откинулся на спинку мягкого кресла.

Алоиз, встав перед ним с бумагами в руках, ответил учтиво:

– Мне хотелось бы показать одну свою работу.

– А-а, юное дарование? – директор подался вперед и присмотрелся к нему, как к примечательному насекомому. – Так-так, давайте-ка Вашу вещь...

Алоиз почтительно подал. Директор быстро пролистал партитуры и аккуратно положил на край стола:

– Мы ознакомимся с этим.

– Когда мне прийти?

– Месяца через три, – и Алоизу было вежливо дано понять, что он свободен.

По дороге обратно Алоиз зашел на почту, как заходил каждый день. К его удивлению и радости, там ожидало письмо из дома. Он собрался было прочитать его на месте, но преодолел себя, спрятал в карман и до самой своей комнаты гадал, что там может быть написано. Придя, запер дверь и, не раздеваясь, вскрыл сургуч...

«Дорогой сын! Все твои четыре письма мы получили и на каждое ответили. Вексель на сто дукатов также был выслан. Зная, сколь трудно тебе живется, сожалеем невыразимо, что ты не смог получить наших посланий вовремя...» Через пару дней поступил и вексель.

XLV

Но ни письмо, ни столь необходимые деньги, ни ожидание решения от директора Оперы – ничто не могло отвлечь Алоиза от мысли о друге. Тоскуя по нему, он чувствовал его тоску о себе. Днем пытался что-то делать, не зная зачем, и думал, что тот в это же время старается чем-то занять себя и отступается из-за ненужности; ночами

плакал о нем и в сострадании своем почти ощущал его, не могущего найти отдохновения даже на миг. Хотя они и были разными, они были одно.

«Для чего же так мучиться? Возвращайся». – «А путь, который я выбрал? Сойти – сдаться?» – «Но одному страшно идти даже по правильному пути». – «Отступать противно моей гордости». – «Гордости? Тогда продолжай ради своей гордости мучить его и себя». – «Хорошо, я вернусь. Мгновение счастья от воссоединения. А что дальше? Новые споры?» – «Споры...» – «И снова вопрос, кто должен уступить?» – «Снова...» – «И кто же должен? И почему должен?» – «Ради любви». – «Ради собственного удобства оставить Бога?!»

Пока он был убежден, что принял одиночество из-за своей веры, у него были силы упорствовать. Но – однажды возникшее сомнение, незаметная трещинка, – и его твердость начала поддаваться. Действительно ли он поступил так ради Бога? А что если его решение происходило только от его неимоверной гордости? «Сохранить свою сущность», – когда Ансгар отнюдь не желал ее разрушать?.. Да, церкви, догмы, службы – чужды ему, но чужды не оттого, что ложны, а оттого, что он не привык к ним. Разве нет своей красоты в том, чтобы обратиться к Создателю в храме? Он повсюду, и так же, как можно почувствовать Его, например, в природе, можно ощутить и там... Догмы? Он говорит, что не может воспринять их – идею Триединства, к примеру, – и при этом слышит прохождение Духа Святого над водами, думает о Сыне страдающем, называет Бога Отцом. И превосходство Священного Писания: разве он не признает это невольно, обращаясь только к нему?

Но не первичен ли для него Отец, тогда как Сын – *только* слово Его, явленное деяние любви? Но не считает ли он какое бы то ни было учение, протестантское или католическое, суждением человеческим, тогда как вера, внутренняя убежденность, есть дар Божий, не требующих сторонних истолкований? А принадлежность общине, живших и живущих, когда он не нуждается ни в какой общности, но только в друге, соединенном с ним в Вышней Любви? Более того, оправдано ли вхождение в данную общину, когда существуют иные? Христиане разделены, первейший завет Христа – быть едиными – нарушен: какая из общин может быть права после этого? Разделенность – вот коренная неправота, перечеркивающая все остальное. Быть в стороне – значило для Алоиза быть непричастным к этому неосознаваемому преступлению.

Все-таки он шел верным путем. Но... Снова сомнение, снова переосмысление своего убеждения, снова заочный спор с Ансгаром. Пока они были вместе, все было определенно, как светотень солнечным днем, но теперь от тоски по другу границы начали расплываться. Полный решимости рядом с ним, Алоиз постепенно терял способность противостоять ему на расстоянии.

XLVI

В конце января Алоиз снова появился в Опере – почтительный и уверенный, готовый принять с достоинством и победу, и поражение. Директор вежливо ответил на приветствие, неторопливо отыскал его партитуры в ящике бюро, зачем-то

опять перелистал их, подумал немного и, наконец, заговорил, медленно отвешивая слова:
– Мы внимательно просмотрели Вашу композицию. Несомненно, у Вас есть определенное дарование...

На губах Алоиза появилась едва заметная усмешка.
– И эта работа по-своему хороша, – директор бездумно поправил на столе свои бумаги. – Но... – он холодно посмотрел на Алоиза. – Нам она не подходит.

Внутри слабо кольнуло.
– Почему? – спокойно спросил Алоиз.
– Во-первых, слишком сложно, – размеренно произнес директор. – Во-вторых, Ваши вокальные партии оставят бездыханными наших певцов. В-третьих, это едва ли привлечет внимание публики, – и он вернул Алоизу партитуры.
– Что ж, – невозмутимо сказал тот, небрежно засунув бумаги под мышку. – Я сам нахожу эту вещь далеко не лучшей. Всего доброго! – и он гордо вышел из кабинета.

Если бы он получил отказ одним-двумя месяцами раньше, это привело бы его в отчание. Но теперь, когда в кармане имелись некоторые средства, связь с родителями была восстановлена, а одиночество постепенно преодолевало его, он испытывал совсем иные чувства. «Каналья, заставил ждать столько времени! – ворчал Алоиз, возвратившись к себе. – Слишком сложно!.. Оперетта, последняя глупость, для них сложна! Певцы останутся бездыханными!.. Они у вас что, чахоткой страдают?» А сквозь возмущение от уязвленной гордости он ощущал почти радость, как если бы

отказ послужил знаком того, что он сделал все возможное, чтобы удержаться здесь, и теперь у него была веская причина уехать.

Уехать: это желание нарастало в нем последние месяца. «Зачем мучиться, когда можно это прекратить? Все зависит лишь от тебя...» – «Уехать – признать свое поражение?» – «Ты упорствуешь только из гордости. Только из-за этого страдаешь сам и заставляешь страдать его». – «А если это не гордость? Если я отступлюсь от своей веры?» – «Он не желает лишать тебя веры». – «Но зовет на путь, чуждый мне». – «Тогда продолжай идти своим и тосковать». – «Я устал от тоски». – «Возвращайся». – «И что дальше? Новые споры?» – «Споры». – «Не хочу». – «Оставайся и мучайся». – «Не могу». – «Возвращайся»... К весне Алоиз запутался окончательно.

XLVII

«Стремясь сохранить себя, я себя уничтожаю, ибо в одиночестве нет жизни – по крайней мере, для такого человека как я. До нашей встречи я успел слишком хорошо узнать, что такое быть одному, испытывая потребность любить и видя в братстве единственную возможность существования. Почувствовав любовь к тебе, я почувствовал себя живым, радостно-вечным. Теперь – снова то же: поглощающая пустота, из которой нет исхода. Даже смерть, такая близкая для меня, не принесет облегчения, ибо нет конца тому ужасу, что называется душой. Я хочу любить – хочу быть – и наблюдаю собственную гибель.

Что мне делать, Ансгар? Скажешь “Оставайся”, и я продолжу бездумно идти по пути, который ведет в какую-то тьму, но зато является моим собственным. Скажешь “Возвращайся”, – уеду немедленно. То, что я поручаю тебе решать за меня, – лишь упадок воли, оказавшейся неспособной противостоять чувству.

Видишь, мне не удалось найти здесь своего места. Я не мог отдать на суд свои настоящие работы, написал что-то случайное, и это не приняли. Жил впроголодь, выпрашивая деньги у отца с матерью; не встретил никого, к кому почувствовал бы расположение; день и ночь был предан самому себе, как медленной пытке. Мне нечем себя занять, ибо все стало ненужным, и я только наблюдаю, как проходят дни, ничего не забирая и ничего не принося. Так было вчера, так сегодня, так будет завтра. Я устал от этого напрасного существования, устал от самого себя.

Единственная причина этого письма в том, чтобы сказать, что я часто думал о тебе...

Твой Алоиз»

После того как письмо было отправлено, Алоизу стало легче. Он больше не пытался разобраться в том, что именно побудило его уехать – верность Богу в себе или излишняя гордость, и больше не задумывался, кто был прав в споре – он или Ансгар. Права была любовь – животворящая и созидающая, открывающая Бытие. Нет жизни без Бога, но нет смысла ее без брата – нет для тех редких душ, которым дарована способность любить.

XLVIII

Начиналась весна – по-северному незаметная, скорее предчувствие, чем явление. Снег еще не начал таять, по утрам на стеклах сверкали ледяные цветы, но в самом воздухе присутствовало некое оживление, как предвкушение долгожданного тепла. Алоизу не хотелось находиться в комнате, и он, надев скромную шубку, приобретенную на присланные родителями деньги, отправлялся в парк. Там, меж голубых теней и многоцветных снежных искр, он прохаживался неспешно, предаваясь той радостной легкости, что бывает по завершении сложного дела. Ему казалось, что совсем близко было нечто хорошее – неизбежное после пережитых трудностей, и оставалось только немного подождать, чтобы оно наступило.

Он не сомневался, что Ансгар примет его. Упорство того в своем убеждении, из-за чего он отпустил его, было насилием воли над своей любящей сущностью. Он мог погубить себя собственной силой, но подавить свое основное стремление – нет. Так же как Алоиз, он желал осуществления в любви с равным – единственного осмысления человеческого существования. Письмо Алоиза, ожидаемое и вместе с тем неожиданное, должно было принести ему успокоение.

Алоиз даже знал, что тот ответит. «Мы пытались изменить друг друга, переубеждая, потом себя – убеждая, что можно жить без друга. Любовь оказалась сильнее и сама все разрешила. Возвращайся! У нас один Бог, одна сущность. Стоит ли жертвовать счастьем из-за незначительных различий?»

Однако Ансгар не отвечал. Алоиз, не веря, каждый день спрашивал на почте, нет ли для него письма. Письма не было. Что это значило? Как в прошлый раз, ожидая ответа от родителей, он утешал себя мыслью о том, что его послание затерялось, так же хотел думать и теперь. В таком случае надо было написать снова, и он уже брался за перо, как внезапное сомнение останавливало его. Не является ли отсутствие ответа само по себе ответом? Что если за прошедший год Ансгар, в отличии от него, сумел преодолеть себя? Что если это молчание – небрежение им? И Алоиз в негодовании откладывал перо. Нет, хотя он однажды поддался искушению Ансгаром и самим существованием своего письма признал поражение в борьбе с ним и с собой, второй раз он этого не сделает. Они были равны, – это являлось основой их союза, и если тот отказался от него, он должен найти силы не возвращаться к нему. Пусть не будет ни победившего, ни побежденного. И Алоиз почти с удовольствием представлял, как Ансгар, наверняка ожидающий повторного письма, будет изумлен его молчанием. Проходило немного времени, и Алоиз начинал сомневаться в правильности своего решения. А что если тот действительно не получил его письма? Что если он отказывается от друга из-за случайности? И он опять готов было написать ему, и опять останавливал себя...

К маю положение Алоиза снова ухудшилось. Присланные ему еще зимой деньги давно были израсходованы, и теперь он со страхом подсчитывал долги, возраставшие с каждым днем. Хозяину комнаты, прачке, башмачнику, портному... Всем понемногу, а в целом сто дукатов, о чем он с прис-

корбием сообщил родителям. Хозяину наскучил бедствующий жилец, и он не стеснялся напоминать ему почти каждый день о необходимости отдать долг. «Но будьте милосердны, подождите немного, я все уплачу!» – «Я только и делаю весь год, что жду и жду. Это мой заработок, в конце концов. Поэтому – пожалуйста плату». – «Но ради Бога, еще немного, я написал домой, чтобы мне прислали денег для уплаты». – «Пока пришлют, еще год минует. Я не могу даром содержать своих постояльцев, у нас не богоугодное заведение». – «Но...» – «Плату, пожалуйста, или будете задержаны как несостоятельный должник». Алоиз знал об этой опасности. Однако платить было нечем, а вексель, действительно, мог прийти нескоро.

Как-то вечером, стоя у солнечного окна, Алоиз бездумно достал из кармана часы, подаренные Ансгаром, открыл крышку, сверкнувшую множеством искр, взглянул на циферблат. Было семь часов. Это не имело никакого значения: для него время словно остановилось, оцепенев вместе с его сущностью в одно непреходящее мгновение боли. Он закрыл часы, огладил их, вспоминая смущенную улыбку друга радостным утром своего дня рождения, посмотрел на переливчатое сияние камней, обвел взглядом комнату с постелью под истрепанным покрывалом и с пустым грубым столом... Много времени пройдет до того, как он получит вексель, и за этот срок его жилище может смениться. «Конечно, у меня будет крыша над головой, какое-нибудь ложе и бесплатная похлебка – условия ничем не хуже, чем здесь, но кем я буду чувствовать себя после этого? Оказаться приравненным к преступникам!..» Из-за многоцветной

вспышки алмазов – четверть восьмого. Да вот же выход: заложить часы! «*Его* часы?! Из-за каких-то проклятых долгов какому-то сброду – отдать память?!» Нет, лучше поступиться гордостью, чем почувствовать себя виновным перед своей любовью. «Но я же их выкуплю, непременно выкуплю. А пятно на чести останется». Он приложил часы к уху и закрыл глаза. Так же он слушал их ход в тот день, и улыбающийся Ансгар стоял рядом. «'Спасибо, наклонись ко мне...' Обними, огради от боли, брат! Ты был рядом, и я был живым человеком, а теперь – что? Чувствующее ничто в ничем...» Алоиз запрокинул голову, усмехнулся горько и, немного подождав, тщательно завернул часы в платок и убрал на место. Завтра он заложит их, расплатится со всеми, дождется векселя и... уедет!

XLIX

В конце мая Алоиз заложил часы. Вырученной суммы хватило лишь на питание и для того, чтобы отдать незначительную часть долгов. Через месяц поступил долгожданный вексель, однако при обмене получилась сумма меньшая, чем надеялся Алоиз. Он выкупил часы, но не смог полностью рассчитаться с долгами. Снова письмо к родителям, снова томительное ожидание – тогда, когда ему так хотелось быть уже в дороге! От переживаний Алоиз слег с лихорадкой.

Родители отозвались скоро, – или, точнее, почта скоро доставила их ответ. Деньги на отъезд появились, и Алоиз оживился. Теперь можно было уезжать. Будучи вынужденным беречь то немно-

гое, что было прислано, он решил проделать путь от Стокгольма до ближайшего немецкого порта на корабле, что оказалось бы дешевле, чем ехать через Швецию каретой, как в прошлый раз.

Душным смутным вечером в конце июля он начал собираться. Несколько книг, свои работы, письма родителей, драгоценные памятью часы: все бережно в саквояж, под нарастающий рокот грозы. Он еще здесь и даже не знает точно дня отъезда (это зависит от корабля), но ему так легко, словно путь уже начат – трудный и счастливый путь к другу. Алоиз перестал ждать от него ответа и не тревожился его молчанием: что бы ни было причиной этого, он поедет и узнает. Конечно, Ансгар не получил его письма, и тогда еще большей станет его радость от неожиданного, но такого желанного возвращения Алоиза. А если что-то изменилось... Тогда Алоиз скажет, что вернулся оттого, что ему наскучила Швеция.

Тяжелый порыв ветра прошумел по узкому переулку за окном. Алоиз посмотрел сквозь стекло наружу. Небо было темным в надвинувшейся тяжести туч, но еще ни одна капля не упала на сухую землю. Помедлив в ожидании дождя, он продолжил сборы.

Недели через три, если не возникнет промедлений в пути, он будет у Ансгара. Он снова увидит его, посмотрит в его ласковые глаза, прильнет к любящей груди, понежится в хранящих объятиях... Алоиз даже замер, прикрыв глаза, от вспыхнувшей в нем радостной нежности. В то же мгновение ударил гром, и внезапный тяжелый ливень обрушился на землю. Наконец-то! Алоиз любил грозы: было в них нечто очистительное. В ликовании он

завершил свое дело и, блаженно раскинувшись на постели, стал слушать звуки природы, как божественную, только ему понятную музыку. Было совершенно темно – ночь среди дня, лишь временами белые вспышки озаряли пространство и, будто содрогание самого мироздания, гремел гром над Алоизом.

Через три недели он снова будет жить! И снова будет жить его возлюбленный, и бытие их уже не оборвется. Разногласия?.. Их больше не должно быть, ибо ничто не должно разделять – не может разделить – тех, кто един в своей сущности... И Алоиз счастливо улыбался.

На следующий день он узнал в порту, что судоходство нарушено из-за штормов. Опять ждать? Но пока он ждет, у него кончатся деньги... И Алоиз начал думать, что предпринять.

Однажды, когда Алоиз шел по улице, он встретил одного из своих знакомых. После обмена приветствиями господин поинтересовался, удалось ли Алоизу найти работу. Тот ответил, что его произведения не принимают. Господин с сожалением покачал головой в напудренном парике: «У Вас несомненное дарование! Вы не нашли того, кто оценил бы Ваш талант. Останьтесь, попробуйте еще!» – «Это невозможно. Мои средства не позволят мне долее задерживаться там, где все столь дорого». – «Но уезжать ни с чем!.. Я советую Вам обратиться к Барону Лейонхувуду, директору Музыкальной академии. Это человек понимающий, радеющий о молодых дарованиях... Он наверняка поспешествует Вам». Алоиз задумался. Неизвестно, как долго он еще пробудет здесь, а деньги, тем временем, иссякнут. Да, пожалуй, стоит последовать со-

вету – исключительно ради того, чтобы хоть немного заработать на вынужденное пребывание.

Наутро Алоиз был в Академии. Директор оказался пожилым человеком с утонченными манерами и сочувственным взглядом умных глаз. Алоиз показал ему часть своих композиций и рассказал о постигших его злоключениях.
– С таким знанием своего дела потерпеть неудачу!.. – воскликнул директор. – Для меня непостижимо, как это оказалось возможным... И что же Вы намереваетесь предпринять?
– Уехать.
– Как?! Ни с чем?!.
– Именно так.
– Мне обидно за Вас. Приехать из другой страны, провести в страданиях столько времени и уезжать, ничего не достигнув... Я думаю, Вам следует остаться.

Алоиз покачал головой:
– Это невозможно. Во-первых, мое стесненное положение. Во-вторых, я чувствую себя в долгу перед моим отцом. Он столько пожертвовал на меня за это время!.. Я непременно должен вернуться и помочь ему в его многочисленных делах. Только так я смогу хоть немного отблагодарить его.
– Он уже отблагодарен тем, что у него такой замечательный сын. А нам было бы чрезвычайно приятно приобрести талантливого музыканта, – директор проницательно взглянул на Алоиза. – При дворе требуется композитор, поскольку наши все уже пожилые: король сам так сказал.

Алоиз смотрел на директора широко открытыми глазами.

– Что же касается Вашего положения, – продолжал тот с успокаивающей уверенностью, – я постараюсь помочь Вам. Мне, как ценителю музыки, представляется вопиющей несправедливостью то, что дарование страдает, – он замолчал на мгновение, после чего добавил:
– Наша Академия сочла бы за честь, если бы Вы стали ее членом.

Алоиз лишился дара речи.
– Не спешите. Подумайте.
– Но... Я даже не знаю, что сказать...
– Я понимаю, что Вам сейчас важнее всего Ваше положение. Не беспокойтесь об этом, я попробую разрешить эту трудность, – и он предложил Алоизу посетить с ним Коммерцколлегию. Алоиз, не могущий прийти в себя от неожиданной благосклонности, повиновался.

Советники в Коллегии приняли его столь же милостиво.
– Не желаете ли Вы обосноваться в Швеции? – спросили у него.

Обосноваться в Швеции?.. А Ансгар?..
– Нет, это невозможно, – с вернувшейся к нему твердостью ответил Алоиз. – Я все-таки немного сомневаюсь в том, что мои трудности будут преодолены. Вдруг я разочарую столь благожелательных ко мне господ?
– О, Вы напрасно тревожитесь. Господин Лейонхувуд прекрасно разбирается в музыкантах, и если он отметил Вас, Вам не в чем сомневаться. А мы, в свою очередь, представим Ваше дело королю, но при условии, что Вы не уедете, пока не получите ответ.

Алоиз растерялся. Ему хотелось только как

можно скорее уехать, однако в глубине души он испытывал чувство долга перед отцом. Если бы он смог заработать, то вернул бы ему все, что получил, отблагодарил бы его на деле, а не только на словах...

– Так Вы согласны?

Его никто не обяжет задерживаться здесь дольше необходимого. Он заработает столько, сколько требуется, и уедет.

– Да, – неуверенно произнес Алоиз. – Я согласен.

Вечером того же дня Алоиз писал к родителям: «Обстоятельства неожиданно переменились – и чудесным образом. Мне предлагают помощь в устроении моей судьбы, и мое дело будет доведено до самого короля. Это ли не чудо – встретить сочувствующих людей? Однако я в нерешительности. Я обещал не покидать Швецию, пока не узнаю исхода, а задерживаться здесь мне не хотелось бы. Что же мне делать?» Алоиз надеялся, что отец посоветует уезжать и, таким образом, освободит его от внутреннего долга перед ним. А пока оставалось только ждать. Независимо от данного обещания, он не мог уехать в ближайшие дни: непогода продолжалась.

L

Ответ от родителей не приходил, как не спешили извещать Алоиза об исходе своего заступничества его нежданные благодетели. От напряжения он опять занемог, и лежал бессильно целыми днями, не чувствуя ничего, кроме усталости, и не думая ни о чем ином, кроме как о друге. Шел уже

второй год со дня их расставания: долее Алоиз не мог терпеть. «Каким бы ни было мнение отца, что бы ни сделали эти доброжелатели, я не стану больше задерживаться здесь». Уехать скорее, вернуться к жизни... «Только бы кончилось это недомогание!..» Алоиз кашлял и злился на свое беспомощное тело. Может быть, лучше подняться, тогда он быстрее поправится? И он, преодолевая головокружение, вставал, прохаживался нетвердо по комнате, пытался занять себя чтением, даже пробовал что-то писать – как будто деятельность духа могла оживить тело. К его удовлетворению, слабость начала исчезать, и тогда он стал выходить на улицу. Город теснил его, и Алоиз медленно добирался до излюбленного парка, уже полного золотистых шелестов. Там он располагался на скамье под каким-нибудь старым кряжистым деревом и наблюдал, как в спокойном воздухе медленно кружатся отлетающие листья. Он любил осеннюю природу в ее красоте кажущейся гибели – бездумного, лишенного усилия перехода к покою.

В начале октября Алоиз посетил Академию. Директор приветствовал его радушно и сообщил, что старания не принесли ничего. Алоиз вздохнул с облегчением.

Возвратившись к себе, нашел письмо от родителей. Предугадывая, что речь идет о его положении, распечатал неторопливо и начал читать.

«Дорогой сын! Ты спрашиваешь, как лучше поступить. Конечно, для нас стало бы несказанной радостью увидеть тебя, но еще большей радостью было бы, если бы ты был счастлив. Поэтому не спеши, подожди, что тебе сообщат...» Алоиз бездумно скользил взглядом по строкам. Выражения

любви, пожелания – все с той же скрытой горечью от его своеволия. «Теперь о другом. Ты писал, что в Стокгольме есть храмы нашей веры. Очень хорошо, когда есть куда обратиться и в радости, чтобы поблагодарить Господа за то, что Он дал, и в несчастье, чтобы найти у Него утешения. Человек всецело подвластен своему Творцу, Который все делает ему во благо – хотя подчас это трудно понять. Мы с готовностью принимаем от Него доброе – так будем же достаточно мудры, чтобы со смирением принять ниспосылаемые нам печали! Будь постоянен в своей вере и не позволяй, чтобы какое-нибудь искушение отвратило тебя от Господа. На все воля Божья. Мы должны сообщить тебе, что 30 мая сего года твой друг Ансгар умер от необъяснимой тоски. Твое письмо, как написал нам его отец, опоздало на несколько дней».

* * *

«Я стремился сохранить свою душу и отказался от Твоего наибольшего дара – братства. Одиночество стало смертью для моего брата. Я остался в длящейся гибели. Стоило ли сохранять себя, Отче?»

Эпилог

Два года спустя герой, названный здесь Алоиз, стал дирижером при дворе шведского короля Густава III и его близким другом. Он был признан лучшим шведским композитором XVIII века, а его произведения считаются исключительными для его времени. До самой своей смерти в 1792 году он с теплотою помнил своего рано ушедшего друга.

19 января – 13 апреля 2013 г.

TABLE OF CONTENTS

In translation 3

In the original 121

Cover: Olga Kawecka. The photograph was taken by the author for this book on the 5th of May 2014.

Text, translation, design, layout © 2014 by Olga Kawecka

All rights reserved. No part of this work may be reproduced or utilised in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the author.

Printed by PrintCopy, Tver